ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 5/2026

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

✧

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

✧

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Букина И.С., канд. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Колпакова И.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

✧

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Нефёдова Н.П.
(ответственный секретарь журнала)
Корнилова М.Г.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.
председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.
член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.
доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой банковского дела и монетарного регулирования
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Александрова О.А.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.
доктор экономических наук, профессор, начальник отдела –
заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.
член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.
член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.
доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.
доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.
доктор экономических наук, профессор, научный руководитель
кафедры экономики инноваций экономического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Кузнецов А.В.
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным
науками РАН

Лаврикова Ю.Г.
доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.
доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.
доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.
академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.
доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.
член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой
экономической теории Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Черных С.И.
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.
доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 5/2026

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
5.2.4. Финансы (экономические науки),
5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (в ядро РИНЦ)

Журнал входит в базу данных Russian Science Citation Index

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Соболева И.В.
Две стороны результативности труда: современные вызовы и новые подходы к ее оценке 7

Сафонов А.Л., Некипелова Д.В.
Дифференцированный подход к регулированию неформальной занятости на основе концептуальной модели «Институты и Успешность» 23

Черных С.И., Фролова Н.Д.
Большие вызовы и секьюритизация науки 40

Мидов А.З., Шаклеина М.В.
Качество жизни населения с учетом отраслевой структуры и уровня финансовой самостоятельности регионов России: эконометрическая оценка стратегических приоритетов 60

Козлова С.В.
Современные тренды трансформации институтов управления государственным имуществом 93

ФИНАНСЫ

Литвин В.В., Коровин Д.И., Криничанский К.В., Маняхин Т.В.
Экспертный анализ рисков создания и приумножения «длинных денег» в экономике России 109

Кошкин А.В.
Сегментированная мобильность капитала и монетарная трансмиссия: Россия после 2022 г. как новый контекст для трилеммы Манделла-Флеминга 135

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Исмагилова О.Д., Могучев Н.С., Пономарева О.В.
Диверсификация цепочек создания стоимости в российской легкой промышленности: потенциал кооперации с Узбекистаном и Индией 164

Доржиева В.В.
Фармацевтический сектор мировой экономики в условиях геоэкономической фрагментации: возможности для России 187

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Soboleva I.V.
Two Perspectives of Labor Outcomes: Latest Challenges and New Approaches to its Assessment 7

Safonov A.L., Nekipelova D.V.
A Differentiated Approach to Regulating Informal Employment Based on the Conceptual Model "Institutions and Success" 23

Chernykh S.I., Frolova N.D.
Grand Challenges and Science Securitization 40

Midov A.Z., Shakleina M.V.
Population Quality of Life in the Context of Sectoral Structure and Financial Independence of Russian Regions: an Econometric Assessment of Strategic Priorities 60

Kozlova S.V.
Modern Trends in the Transformation of Institutions for Managing State Property 93

FINANCE

Litvin V.V., Korovin D.I., Krinichansky K.V., Maniakhin T.V.
Expert Analysis of the Risks of Creating and Increasing "Long Money" in the Russian Economy 109

Koshkin A.V.
Segmented Capital Mobility and Monetary Transmission: Russia after 2022 as a New Context for the Mundell-Fleming Trilemma 135

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Ismagilova O.D., Moguchev N.S., Ponomareva O.V.
Diversification of Value Chains in the Russian Garment Industry: Potential of Cooperation with Uzbekistan and India 164

Dorzhieva V.V.
The Pharmaceutical Sector of the Global Economy in the Context of Geo-economic Fragmentation: Opportunities for Russia 187

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

И.В. СОБОЛЕВА
доктор экономических наук,
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ДВЕ СТОРОНЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ТРУДА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ЕЕ ОЦЕНКЕ

В статье результативность труда рассматривается с двух точек зрения: вклада в благосостояние общества в целом и индивидуального интереса субъекта трудового процесса – работника. Показано, что сегодня стандартные подходы к оценке результативности труда недостаточно полно и достоверно отражают реальность, поскольку не приспособлены для учета неосязаемых, не имеющих физического воплощения благ, которые при этом удовлетворяют важнейшие человеческие потребности. Обсуждаются альтернативные пути измерения экономических и социальных результатов трудовой деятельности, в том числе расширение спектра индикаторов, отражающих нематериальные факторы прироста благосостояния.

Ключевые слова: *результативность труда, индикаторы результативности, производительность труда, благосостояние, субъективное благополучие, непосредственная полезность труда, баланс времени.*

УДК: 330.342, 331, 338.312

EDN: AYJYKU

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_5_7_22

В соответствии с подходом, сложившимся в своих основных чертах в период господства индустриальной экономики, внешняя по отношению к отдельному человеку сторона результативности труда измеряется показателем его производительности. Взгляд на результативность со стороны работника традиционно концентрировался на сопоставлении трудовых затрат и компенсирующего их вознаграждения. Однако по мере развития экономики и общества эта устоявшаяся методология постепенно становится узкой. В ее рамках невозможно учесть всю совокупность факторов, в настоящее время влияющих на производительность, особенно тех из них, которые обусловлены ростом непроизводственной сферы экономики и внедрением

новых технологий. Статья ставит задачу выявить ограничения и проблемы, в которые в современных условиях упираются сложившиеся подходы к исследованию результативности труда, и обосновать необходимость расширения круга аспектов и индикаторов, учитываемых при ее оценке.

Уязвимость показателя ВВП и сложность его измерения

Показатель производительности труда, рассчитываемый как произведенный ВВП на душу работающего населения, хорошо отражал реалии индустриальной экономики, когда доминировало материальное производство, а большинство рабочих мест предполагало полную занятость на стандартных условиях. Структура экономики и качественные параметры производимых благ менялись достаточно медленно, и эти изменения было относительно легко отследить. Продукция отраслей материального производства поддается учету в натуральном или условно-натуральном выражении, а для приведения произведенных объемов разнообразных благ к единому знаменателю используются рыночные цены и дефляторы, учитывающие их изменение от года к году. На таком подходе основана система национальных счетов, разработанная и внедренная в практику статистического учета во второй половине прошлого века и в основных чертах сохранившаяся до настоящего времени. Однако в ходе технологического и социально-экономического развития последних десятилетий в природе и способах производства, распределения и потребления создаваемых благ происходят изменения, из-за которых устоявшийся подход к измерению их объемов все менее адекватно отражает реальность. Связано это, во-первых, с трудностью учета быстрых качественных сдвигов в структуре экономики и с появлением новых видов продукции и услуг, радикально расширяющих возможности людей и меняющих структуру потребления. Даже на очень коротких промежутках времени продукция отдельных отраслей становится несоизмеримой по своим натуральным характеристикам и полезным свойствам. Исследователи фиксируют ценовой парадокс: появление новых, менее затратных в производстве и, следовательно, более дешевых, но лучше удовлетворяющих ту или иную потребность продуктов приводит одновременно и к росту результативности труда, рассматриваемой в аспекте благополучия людей, и к сокращению величины ВВП [13]. Соответственно, многократно возрастает риск искажения динамики физического объема ВВП, поскольку все труднее найти опорные точки для расчета дефляторов [18]. Во-вторых, растет доля отраслей экономики, в которых результат деятельности плохо поддается или вовсе не поддается количественному измерению в натуральном выражении.

Достаточно часто возникает ситуация, когда создаваемый продукт не имеет материального носителя, а процессы производства и потребления совпадают во времени.

Британский исследователь Диана Койл характеризует этот тренд как «растущую невесомость экономики» [14, с. 19]. К таким «невесомым» отраслям нематериального производства относятся, с одной стороны, финансы, торговля, юридические услуги и т. п., образующие разрастающийся неосязаемый каркас рыночной экономики, с другой – отрасли гуманитарного сектора (здравоохранение, образование, культура, наука), непосредственно отвечающие за человеческое развитие и общественный прогресс. Значительная часть производимых в «невесомых» отраслях благ выводится за пределы рыночных отношений и распределяется через механизмы, напрямую не связанные с ценообразованием, а потому не получает рыночной оценки. Результат деятельности в данном случае имеет не только непосредственную полезность для индивидуальных потребителей, но и широкий спектр позитивных внешних эффектов, значительная часть которых проявится в будущем, а прямая оценка вклада в ВВП текущего года (периода) становится проблематичной.

Для заполнения пробелов в учете ВВП в практике статистического учета сегодня прибегают к вмененной оценке вклада неохваченных или частично охваченных рынком сфер, то есть к искусственному досчету на основе вложенных в их функционирование средств. Парадокс состоит в том, что увеличение вложений (например, выделение дополнительных бюджетных ассигнований на повышение оплаты труда учителей или медицинских работников) автоматически отразится в статистике как прирост вклада соответствующей отрасли в ВВП, и наоборот, отставание заработков будет интерпретироваться как снижение производительности труда. Параллельно с этим несовершенным, но в последние годы ставшим общепринятым подходом предпринимаются усилия по разработке «условно-натуральных» показателей выработки в социальных отраслях по аналогии с материальным производством. Такая линия прослеживается в ряде правительственных документов[1] и разделяется некоторыми исследователями [1]. Однако в научном сообществе все же доминирует более адекватно отражающая специфику и значимость социальных отраслей позиция, согласно которой перенос концепта производительности труда из реального сектора эконо-

[1] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. (утвержден Правительством Российской Федерации 09.01.2025). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495719/935e45c5ae3093c489d59f226d92613ed8f675c0/?ysclid=mmjbnftm5r321907291 (дата обращения: 21.07.2026).

мики на отрасли социальной сферы искажает систему стимулов их деятельности и ведет к недооценке их вклада в благосостояние современных обществ [2; 8].

Также существует и другой, не получивший широкое распространение, альтернативный подход к измерению удовлетворяющих важнейшие человеческие потребности результатов трудовой деятельности в отраслях гуманитарного сектора на основе вмененной оценки производительности труда [3]. В соответствии с ним предлагается приравнять производительность труда в этих отраслях к средней по экономике и на этой основе рассчитывать их консолидированный (рыночный и нерыночный) вклад в ВВП исходя из численности занятых и средних по экономике значений производительности. Увязка оценки вклада нематериального производства с вмененной производительностью направлена на обоснование необходимости расширения финансовой поддержки гуманитарного сектора, что, безусловно, принесло бы отдачу в долгосрочном периоде. Однако такой подход вряд ли применим для оценки реального вклада гуманитарного сектора в ВВП.

Таким образом, получить адекватно отражающую реальность оценку общего объема произведенных в течение года благ становится все сложнее. Впервые на эту проблему обратил внимание американский исследователь Цви Грилихес, предложивший классифицировать виды экономической деятельности по «уровню измеримости» производимого продукта. К отраслям, продукт которых поддается измерению с приемлемой степенью точности, Ц. Грилихес относит сельское хозяйство, промышленность, транспорт и коммунальные услуги. Остальные отрасли (включая принадлежащее к реальному сектору строительство) относятся в его классификации к «неизмеряемой экономике». По расчетам Ц. Грилихеса, доля продукции измеряемой части экономики в структуре официального ВВП США сократилась с примерно половины (48,7%) в 1947 г. до менее трети (30,9%) в 1990 г. [18]. В том же направлении изменялась и структура занятости. Согласно более поздним оценкам, доля измеряемого сектора ВВП США в 2023 г. составляла уже лишь около 20% [14].

Структура отечественной экономики отличается от американской: доля относительно легко поддающихся измерению отраслей реального сектора в ней существенно выше. Тем не менее, как видно из табл. 1, и в России по крайней мере половина общего объема создаваемых благ приходится на «невесомую экономику» и наблюдается рост доли видов деятельности, продукт которых сложно измерить.

Трудности количественной оценки в современных условиях обозначились и в связи с расчетом знаменателя показателя производительности труда. Они связаны с резким ростом гибкости трудовых отношений и распространением нестандартных форм занятости, про-

Таблица 1

Структура ВВП и распределение занятых по видам экономической деятельности в Российской Федерации (%)

Вид экономической деятельности	Доля в ВВП		Доля в совокупной занятости	
	2002 г.	2024 г.	2000 г.	2024 г.
Реальный сектор				
Сельское хозяйство	6,3	3,2	14,1	5,8
Добыча полезных ископаемых	6,7	12,1	1,7	1,7
Обрабатывающие производства	17,2	14,4	19,1	14,4
Производство и распределение энергии, газа и воды	3,8	2,6	2,9	3,0
Транспорт	8,5	6,5	6,1	8,1
Строительство	5,4	5,0	6,7	9,3
Приемлемо измеряемая часть реального сектора	42,5	38,8	43,9	33,0
Реальный сектор в целом	47,9	43,8	50,6	42,3
Услуги, поддающиеся рыночной оценке				
Торговля	22,9	11,9	13,7	18,4
Связь и ИТ	3,1	7,0	1,7	2,6
Финансы	2,9	4,9	1,0	1,7
Другие услуги	10,3	16,8	10,2	12,6
В целом	39,2	40,6	26,6	35,3
Нерыночные виды деятельности, имеющие только вмененную оценку				
Наука	1,5	0,9	1,9	1,1
Образование	2,9	2,8	9,3	7,3
Здравоохранение	3,4	3,2	6,8	6,2
Государственное управление	5,1	8,7	4,8	7,7
В целом	12,9	15,6	22,8	22,3

Рассчитано по: данные Росстата. Баланс трудовых ресурсов. Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности в 2000–2015 гг. Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности с 2017 года. https://rosstat.gov.ru/labour_force; Произведенный ВВП. https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 21.07.2026).

должительность и интенсивность которой варьируется в очень широких пределах и трудно поддается учету. В России, где на сегодняшний день подавляющая часть работников занята на стандартных условиях, эта проблема стоит не столь остро, как проблема оценки реальной величины производимого продукта. Однако уже сейчас понятно, что удельный показатель в расчете на одного занятого предполагает существенное искажение, масштабы которого будут неуклонно расти.

ВВП как индикатор результативности: слепые зоны

Наряду с трудностями «соизмерения несоизмеримого», обострившимися в условиях непрерывного появления принципиально новых технологий, благ и услуг, радикально меняющих структуру потребления и качество жизни в целом, уязвимость ВВП как универсального синтетического показателя экономического результата имеет и другой, не менее важный аспект. Он отражает усложнение связи между объемом, вариативностью и качеством производимых благ, с одной стороны, и уровнем благополучия и качества жизни населения, с другой. На протяжении длительного времени, когда для значительной части населения остро стояла проблема насыщения базовых потребностей, эта связь была в целом прямой и понятной. Сегодня ситуация меняется, и постепенно растет осознание того, что измеряемый ВВП прирост объема создаваемых благ, в том числе нематериальных, отнюдь не всегда представляет собой вклад в благосостояние ни на индивидуальном уровне, ни на уровне обществ[2]. В изменившихся реалиях казавшееся незыблемым убеждение, что рост ВВП является ключевым индикатором экономического прогресса и благосостояния обществ, постепенно теряет сторонников как в научном сообществе, так и среди представителей политических структур, международных организаций и общественности.

Поворотным пунктом стал доклад Дж. Стиглица, А. Сена и Дж.-П. Фитусси [27] для Комиссии по измерению эффективности экономики социального прогресса, созданной в 2008 г. по инициативе правительства Франции[3]. Доклад привлек внимание к таким негативным проблемам, как истощение природной среды и рост неравенства в его монетарных и немонетарных проявлениях. Общий вывод состоял в необходимости пересмотра традиционного подхода к определению целей экономического развития. Авторы отметили приоритетность не количественных индикаторов экономического роста и соизмерения отдачи с вложенными ресурсами, отражаемых показателями производительности, а расширения или пересмотра целевых установок экономической деятельности, на достижении которых необходимо сосредоточить усилия.

---

[2] Как показал ряд межстрановых исследований, связь между уровнем ВВП на душу населения и целевыми индикаторами благополучия прослеживается только для беднейших стран и исчезает после достижения определенного порогового уровня среднедушевого дохода [16; 22; 23].

[3] Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. https://web.archive.org/web/20150622185128/http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/en/index.htm (дата обращения: 06.08.2026).

Доклад Дж. Стиглица, А. Сена, Дж.-П. Фитусси дал импульс многочисленным исследованиям и инициативам, посвященным разработке альтернативных индикаторов, отражающих не просто прирост создаваемого продукта, а вклад в улучшение благополучия людей, в том числе расширения круга возможностей, открытых для каждого конкретного человека. К числу таких инициатив относятся: Программа развития ООН, в рамках которой ежегодно публикуются доклады о развитии человеческого потенциала[4] и утверждены Цели развития тысячелетия[5]; Программа «Благополучие за пределами ВВП» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)[6] и ряд других проектов, направленных на расширение подхода к измерению экономического прогресса.

Можно выделить несколько направлений обсуждения проблемы измерения и оценки результатов экономической деятельности. Прежде всего, дискутируется вопрос о том, целесообразно ли выстраивать альтернативную систему индикаторов в дополнение к ВВП или интегрировать ВВП в качестве одного из равноправных элементов новой системы индикаторов [19]. Сюда же примыкают дискуссии о преимуществах и недостатках единого интегрального индикатора, более или менее точно отображающего спектр наблюдаемых проявлений экономического и социального прогресса, или системы индикаторов, каждый из которых характеризует ту или иную его сторону [10]. Другое направление – обоснование важности учета, во-первых, распределительных аспектов благополучия и его социальной, экономической и экологической устойчивости и, во-вторых, индивидуальных ощущений, предпочтений и возможностей. При этом приобретает все больше сторонников перенос внимания со среднестатистических показателей текущего благосостояния на его распределение, включая распределение среди разных слоев и категорий населения с акцентом на доступности материальных и нематериальных благ для наиболее уязвимых слоев, с одной стороны, и распределение между настоящими и будущими поколениями, с другой[7].

Одновременно активно обсуждается необходимость дополнить картину, получаемую на основе традиционно используемых объективных статистических данных, индикаторами, характеризующими

---

4 https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index (дата обращения: 23.07.2026).

5 https://www.un.org/millenniumgoals/ (дата обращения: 23.07.2026).

6 https://www.beyond-gdp.eu/ (дата обращения: 04.08.2026).

7 UN System Chief Executives Board for Coordination. Valuing what counts—United Nations system-wide contribution on progress beyond gross domestic product (GDP). 17 August 2022. https://unsceb.org/valuing-what-counts-united-nations-system-wide-contribution-beyond-gross-domestic-product-gdp (дата обращения: 04.08.2026).

различные аспекты субъективного благополучия людей, степень соответствия доступных для них благ и открытых возможностей их реальным потребностям, предпочтениям и притязаниям. В одной из своих ранних работ А. Сен, неоднозначно относящийся к валидности субъективных индикаторов, тем не менее отмечал, что для разных людей те или иные аспекты их жизненной ситуации могут иметь разное значение: для одних на первом месте стоит карьера и заработок, для других – семейные отношения и связи, для третьих – доступность и разнообразие досуга и т. д. [25]. Объективные индикаторы неизбежно проигнорируют эти различия, в то время как оценки уровня субъективного благополучия позволяют их уловить [21]. Основные аспекты, которые должна отразить матрица субъективных индикаторов благополучия, таких как состояние здоровья, доступность качественного образования, социально-экономическая защищенность, доверие к государству и ряд других, рассмотрены в масштабном докладе, подводящем промежуточные итоги исследований в области альтернативных путей измерения экономического и социального прогресса современных обществ, опубликованном в 2018 г. под эгидой ОЭСР [26].

Осознание роли субъективной стороны благополучия как важного результата экономической деятельности открывает перспективу оценки результативности труда не только сверху – на основе прироста общего блага, определяемого в первую очередь с опорой на макроэкономическую статистику, но и с позиций отдельного человека, участвующего в создании этого прироста.

Результативность труда: взгляд работника

В современных условиях исследования результативности труда, отражающие точку зрения непосредственных участников трудового процесса, также претерпевают существенные изменения. Постепенно из экономического мейнстрима уходит упрощенный взгляд на труд как деятельность, имеющую исключительно инструментальную полезность в виде компенсации затраченных усилий. Одним из первых на непосредственную полезность труда обратил внимание профессор Мичиганского университета Ф.Т. Джастер. На данных масштабного эмпирического исследования он продемонстрировал, что для американцев работа занимает одну из верхних позиций в рейтинге непосредственной полезности различных видов деятельности, обгоняя большинство вариантов проведения досуга и уступая лишь общению с детьми и друзьями и путешествиям. В то же время получение немонетарной отдачи от труда возможно лишь при соблюдении определенных условий, важнейшим из которых является оптимизация продолжительности рабочего времени. Ф.Т. Джастер отмечал, что

по мере ее увеличения за пределы стандартного рабочего дня субъективные оценки непосредственной полезности труда падают вплоть до отрицательных значений [20].

Сегодня в большинстве развитых стран это обстоятельство принимается во внимание при разработке политики в социально-трудовой сфере. Обостряющуюся в связи со старением населения проблему роста иждивенческой нагрузки на его экономически активную часть пытаются решить в основном путем повышения трудоспособного возраста. Одновременно прослеживается тенденция к постепенному сокращению рабочего времени. Сегодня фактическая продолжительность рабочей недели в Европе, как правило, составляет 34–36 часов, и активно обсуждается возможность ее дальнейшего сокращения [7; 12]. По мнению многих исследователей, статистиков и политиков, высвобождение ресурса времени и улучшение баланса работы и других сфер жизнедеятельности является на сегодняшний день не менее важным маркером возрастающей результативности труда, чем прирост физического объема ВВП [14]. Показательно, что самая длинная рабочая неделя (более 40 часов) зафиксирована в беднейших африканских странах [11].

Оценки динамики рабочего времени в России противоречивы. По данным обследования рабочей силы, проводимого Росстатом, в последние годы, вопреки глобальному тренду, наблюдался рост продолжительности фактически отработанного времени до пиковых значений – 38,2 часа в неделю в 2023–2024 гг. Однако данные Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени дают несколько иную картину (см. табл. 2). Между двумя раундами этого обследования (2019 и 2024 г.) доля суточного фонда времени, которую работающее население страны посвящает оплачиваемой занятости, в среднем даже несколько сократилась как для мужчин, так и для женщин, а доля времени, затрачиваемого на неоплачиваемый домашний труд, сократилась весьма значительно. Единственным объяснением этому факту может быть спровоцированный кадровым дефицитом приток на рынок труда уязвимых категорий населения из состава потенциальной рабочей силы [4], многие представители которых предпочитали работать по сокращенному графику.

В современных условиях рост значимости немонетарных выгод трудовой деятельности обусловлен несколькими факторами. С одной стороны, по мере насыщения базовых материальных потребностей в структуре предпочтений трудящегося населения происходит сдвиг в сторону невещественных ценностей, таких как дополнительный ресурс времени, автономность, комфортность условий труда, самореализация. С другой стороны, развитие технологий и, прежде всего, цифровизация экономики способствуют расширению спектра нестан-

Таблица 2

Распределение суточного фонда времени занятого населения

Вид деятельности	Доля суточного фонда времени (%)			
	женщины		мужчины	
	2019 г.	2024 г.	2019 г.	2024 г.
Оплачиваемая занятость и связанные с ней виды деятельности	26,2	25,5	28,9	28,5
Неоплачиваемый труд	16,3	14,4	9,8	8,9
Свободное время	11,5	13,5	15,2	*15,2*
Сон, личная гигиена и уход за собой	46,0	46,9	46,1	46,4

Рассчитано по: данные Росстата. Итоги выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением за соответствующие годы. https://72.rosstat.gov.ru/fvrem (дата обращения: 04.08.2026).

дартных форм занятости. При этом растущая гибкость трудовых отношений дает возможность реализации индивидуальных предпочтений в отношении тех или иных параметров рабочих мест, но одновременно генерирует новые риски в области социально-экономической защищенности работников.

Усилившаяся дифференциация немонетарных выгод и рисков требует разработки инструментария для их оценки. Наиболее масштабная работа в этом направлении была проделана в рамках ОЭСР, предложившей развернутую методологическую рамку для комплексной оценки благополучия в сфере труда[8]. Первым этапом этой работы стали методологические рекомендации по измерению качества занятости с разбивкой по трем блокам: доход от занятости (монетарный аспект), институциональная инфраструктура занятости и качество трудовой среды. В дальнейшем третий блок был детализирован в специальном документе – «Рекомендации по измерению качества рабочей среды» – с выделением шести ключевых аспектов, оцениваемых с опорой на объективные и субъективные индикаторы[9]. Важность привлечения субъективных оценок аргументируется, в числе прочего, возрастающей гетерогенностью рабочих мест, которая часто не отражается административной статистикой, но улавливается в ходе обследований занятых на них работников [24; 28].

[8] OECD. OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. Paris: OECD Publishing, 2013. http://dx.doi.org/10.1787/9789264191655-en (дата обращения: 04.08.2026).

[9] OECD. OECD Guidelines on Measuring the Quality of the Working Environment. Paris: OECD Publishing, 2017. http://dx.doi.org/10.1787/9789264278240-en (дата обращения: 04.08.2026).

Не менее важен и еще один аргумент: немонетарные выгоды, сопряженные с трудовой деятельностью, в каждом конкретном случае ощутимо зависят от того, насколько органично профессиональные навыки, личностные характеристики и предпочтения работника сочетаются с особенностями рабочего места. Этот аспект нашел теоретическое отражение в модели «требования-ресурсы» [9; 15], обосновывающей «интерактивный» подход к оценке качества трудовой среды на основе степени соответствия ресурсов, которыми располагает работник (физического здоровья, эмоциональной устойчивости, профессиональных навыков, способности к обучению и т. д.), и требований рабочего места. Ряд эмпирических исследований подтверждает, что превышение указанных требований над ресурсами снижает не только внешние результаты трудовой деятельности, но и ее непосредственную полезность [17].

В целях разработки инструментария комплексной оценки микроуровневой результативности труда ОЭСР осуществила пилотный проект по измерению благополучия, связанного с работой[10]. Были разработаны и апробированы три блока индикаторов: характеристики занимаемого рабочего места, удовлетворенность различными параметрами трудовой среды и оценка благополучия своей жизненной ситуации в целом. Предполагалось, что собранная в процессе опроса работников информация будет использована не только при формировании политики компаний по управлению человеческими ресурсами для купирования уязвимых зон в области благополучия работников, но и в перспективе, также в целях всесторонней оценки вклада бизнес-структур в благополучие людей и общества в целом и совершенствования статистического учета результатов экономической деятельности в странах ОЭСР.

Наиболее последовательно учет интерактивного фактора результативности – степени соответствия параметров рабочего места и характеристик работника – осуществлен в исследованиях, в которых сопоставление объективных и субъективных индикаторов инструментального и немонетарного благополучия, связанного с работой, осуществляется отдельно по каждому из рассматриваемых аспектов с возможным последующим агрегированием в единый индекс. Такой подход позволяет выявить распределение уязвимых зон риска для разных категорий работников. Так, исследование, проведенное на базе Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (КОУЖ), пока-

[10] OECD. An OECD survey of employee well-being: An instrument to measure employee well-being inside companies // OECD Papers on Well-being and Inequalities. 2024. No. 24. OECD Publishing, Paris. https://doi.org/10.1787/74f48e24-en (дата обращения: 04.08.2026).

зало, что наиболее выраженной зоной немонетарного благополучия российских работников выступает защищенность занятости. Менее благоприятная ситуация, снижающая непосредственную полезность труда, складывается в аспектах профессионального развития и баланса работы и личной жизни, а для состоящих в браке и имеющих детей мужчин также в области условий труда [5].

Более широкий круг аспектов, включая доход от занятости, позволяет комплексно оценить Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области. Результаты, полученные на этой региональной базе, в целом согласуются с выводами общероссийского исследования на базе КОУЖ: высокий уровень защищенности занятости в регионе контрастирует с низким индексом профессионального развития [6]. Еще одной зоной уязвимости выступает низкий уровень артикуляции и защиты интересов работников. Оба исследования фиксируют значимую прямую связь немонетарных аспектов благополучия с уровнем материального благосостояния работников. Для работников с низкими доходами недостаточность заработной платы сопровождается низким уровнем индикаторов непосредственной полезности труда.

Заключение

Анализ подходов к исследованию результативности труда показал, что в современных реалиях сложившаяся система ее оценки нуждается в расширении круга используемых индикаторов. Это касается как внешней по отношению к субъекту трудовой деятельности стороны результативности, отражающей прирост объема создаваемых благ и благосостояния общества в целом, так и ее оценки с позиций непосредственных интересов работника.

Снижение достоверности стандартного показателя производительности труда обусловлено, во-первых, возрастающей сложностью оценки объема произведенных благ в ситуации, когда по крайней мере половина учитываемого экономического результата и большая часть совокупной занятости приходится на сферы деятельности, продукт которых трудно или вовсе невозможно измерить. Во-вторых, усложнением связи между объемом, вариативностью и качеством производимых благ, с одной стороны, и уровнем благополучия и качества жизни населения, с другой. В-третьих, трудностями расчета знаменателя показателя производительности труда в условиях расширения спектра условий и форм занятости.

Усложняется и другая сторона оценки результативности, отражающая взгляд со стороны непосредственного субъекта трудового процесса. Традиционные индикаторы, фокусирующиеся на монетарной

отдаче от труда и соблюдении рамочных трудовых гарантий, в недостаточной степени соответствуют изменившимся реалиям положения человека в трудовой сфере, расширению и индивидуализации запросов к качеству трудовой среды. Поэтому наряду с соотношением затраченных трудовых усилий и дохода от занятости необходимо принимать во внимание нематериальные выгоды (или ущерб), составляющие непосредственную полезность труда для работника.

Расхождение реальной ситуации и стандартных статистических индикаторов способствовало становлению инициативы «За пределами ВВП», в рамках которой ведется поиск новых подходов к оценке вклада трудовой деятельности в благосостояние современных обществ. Для его оценки сегодня требуется разработка и апробация индикаторов, ориентированных не на прирост создаваемого продукта, а на вклад в улучшение благополучия людей. Комплексная оценка результативности труда должна учитывать довольно широкий спектр материальных и нематериальных благ и полезных эффектов, в том числе связанных с накоплением в процессе трудовой деятельности знаний и компетенций, с приростом неотделимого от самого человека нематериального богатства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Константинова, Л.В., Шубенкова Е.В.* Особенности производительности труда в социальной сфере // Экономика труда. 2026. Т. 13. № 6. С. 801–814. [*Konstantinova L.V., Shubenkova E.V.* Features of labor productivity in the social sphere // Labor Economics. 2026. Vol. 13. No. 6. Pp. 801–814. (In Russ.).] DOI: 10.18334/et.13.6.126125.
2. *Музычук В.Ю.* Повышение производительности труда или новая волна оптимизации в сфере культуры? // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21. № 4. С. 502–517. [*Muzychuk V.Yu.* Increasing Labour Productivity or a New Wave of Optimization in the Cultural Sphere? // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2025. Vol. 21. No. 4. Pp. 502–517. (In Russ.).] DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_4_1_502_517.
3. *Рубинштейн А.Я.* Культурная политика государства и теория общественного выбора. Препринты Института экономики Российской академии наук. М.: ИЭ РАН. № 2026-5. [*Rubinshtein A.Ya.* State Cultural Policy and Public Choice Theory. Working papers of the Institute of Economics of the RAS. Moscow: Institute of Economics of the RAS. No. 2026-5. (In Russ.).]
4. *Соболев Э.Н.* Трудовой дефицит в российской экономике: тенденции, факторы, подходы к преодолению // Общество и экономика. 2026. № 1/2. С. 173–191. [*Sobolev E.N*. Labor shortage in the Russian economy: trends, factors, approaches to overcoming // Society and Economy. 2026. No. 1/2. Pp. 173–191. (In Russ.).] DOI: 10.7868/S3034598726010097.
5. *Соболева И.В., Баскакова М.Е., Кубишин Е.С., Соболев Э.Н., Черных Е.А.* Монетарные и немонетарные аспекты благополучия, связанного с работой, в российской экономике: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2025. [*Soboleva I.V., Baskakova M.E.,*

Kubishin E.S., Sobolev E.N., Chernykh E.A. Monetary and non-monetary aspects of work-related well-being in the Russian economy: Research Report. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2026. (In Russ.).]

6. *Соболева И.В., Леонидова Г.В., Белехова Г.В.* Работа и благополучие: эмпирический анализ на региональной базе данных // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2026. Т. 19. № 3. С. 186–208. [*Soboleva I.V., Leonidova G.V., Belekhova G.V.* Work and well-being: empirical analysis on a regional database // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2026. Vol. 19. No. 3. Pp. 186–208. (In Russ.).] DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.10.
7. *Старокожева В.П., Агарычева А.В., Сковпень В.А.* Анализ продолжительности рабочего времени в странах мира // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 6. С. 749–770. [*Starokozheva V.P., Agarycheva A.V., Skovpen V.A.* Analysis of Working Hours in Countries around the World // Economy of Labor. 2024. Vol. 11. No. 6. Pp. 749–770. (In Russ.).] DOI 10.18334/et.11.6.121187.
8. *Тощенко Ж.Т.* Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. № 1. С. 28–42. [*Toshchenko Zh.T.* Forms of participation of higher education in solving problems of labor productivity // RUDN Journal of Sociology. 2024. No. 1. Pp. 28–42. (In Russ.).] DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-28-42.
9. *Bakker A.B., Hakanen J.J., Demerouti E., et al*. Job resources boost work engagement, particularly when job demands are high // Journal of Educational Psychology. 2007. Vol. 99. No. 2. Pp. 274–284. DOI: 10.1037/0022-0663.99.2.274.
10. *Van den Bergh, J.* 'Beyond GDP' Requires Replacement, Not Just Additional Metrics // Social Indicators Research. 2026. Vol. 182. No. 2. DOI: 10.1007/s11205-026-03837-5.
11. *Burgess I., Andersson H., Western G.* Bargaining for working time reduction. ETUC Study on Working Time Reduction in Collective Agreements. ETUC, 2025. https://news.industriall-europe.eu/documents/upload/2025/8/638913648340917861_ETUC_study_WT_reduction.pdf.
12. *Cabrita J.* Four days a week? Europe debates shorter working times. 6 October 2025. https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/all/four-days-a-week-europe-debates-shorter-working-times.
13. *Coyle D.* Productivity Measurement: New Goods, Variety, and Quality Change. In: The Measure of Economies: Measuring Productivity in an Age of Technological Change / Reinsdorf M.B., Sheiner L. (eds). Chicago: University of Chicago Press, 2024. Chicago Scholarship Online, 2025. DOI: 10.7208/chicago/9780226836348.001.0001.
14. *Coyle D.* The Measure of Progress: Counting What Really Matters. Princeton: Princeton University Press, 2025.
15. *Demerouti E., Bakker A.B., Nachreiner F., Schaufeli W.B.* The job demands-resources model of burnout // Journal of Applied Psychology. 2001. Vol. 86. No. 3. Pp. 449–512. DOI:10.1037/0021-9010.86.3.499.
16. *Frey B.S., Stutzer A.* Happiness, economy and institutions // The Economic Journal. 2000. October. Vol. 110. Iss. 466. Pp. 918–938. DOI: 10.1111/1468-0297.00570.
17. *Galanakis M.D., Tsitouri E.* Positive psychology in the working environment. Job demands-resources theory, work engagement and burnout: A systematic literature review // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1022102.
18. *Griliches Z.* R&D and Productivity: The Econometric Evidence. University of Chicago Press, 1998. http://www.nber.org/chapters/c8352.

19. *Jansen A., Wang R., Behrens P., Hoekstra R.* Beyond GDP: a review and conceptual framework for measuring sustainable and inclusive wellbeing // Lancet Planet Health. 2024. No. 8. Pp. 695–705. DOI: 10.1016/S2542-5196(24)00147-5.
20. *Juster F.T.* Rethinking utility theory // Journal of Behavioral Economics. 1990. Vol. 19 (2). Pp. 155–179.
21. *Kelsey J. O'Connor.* Measuring societal progress. In: Encyclopedia of Happiness, Quality of Life and Subjective Wellbeing. Edward Elgar Publishing, 2024. Pp. 337–346.
22. *Killingsworth M.A., Kahneman D., Mellers B.* Income and emotional well-being: A conflict resolved // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Vol. 120. No. 10. DOI: 10.1073/pnas.2208661120.
23. *Max-Neef M.* Economic growth and quality of life: a threshold hypothesis // Ecological Economics. 1995. No. 15. Pp. 115–118.
24. *Schmitz LL, McCluney CL, Sonnega A, Hicken MT.* Interpreting Subjective and Objective Measures of Job Resources: The Importance of Sociodemographic Context // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16 (17). DOI: 10.3390/ijerph16173058.
25. *Sen A.K.* Commodities and Capabilities. North-Holland, Amsterdam, 1985.
26. *Stieglitz J., Fitoussi J.-P., Duran M.* Beyond GDP. Measuring Economic Development and Social Progress. OECD: Paris, 2018.
27. *Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P.* Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up: The Report of the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. New York: New Press, 2010.
28. *Tims M., Bakker A.B., Derks D.* Development and validation of the job crafting scale // Journal of Vocational Behavior. 2012. Vol. 80. No 1. Pp. 173–186. DOI: 10.1016/j.jvb.2011.05.009.

Дата поступления рукописи: *20.08.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *20.10.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Соболева Ирина Викторовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра развития человеческого потенциала ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3049-7789
irasobol@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Soboleva – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Head of the Center for Human Potential Development, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3049-7789
irasobol@gmail.com

TWO PERSPECTIVES OF LABOR OUTCOMES: LATEST CHALLENGES AND NEW APPROACHES TO ITS ASSESSMENT

The article examines the outcome of labor activity from two perspectives: its contribution to the well-being of society, on the one hand, and satisfying individual interests of the subject of the labor process—the worker, on the other. It is demonstrated that widely used standard approaches to assessing labor activity outcome from these two perspectives fail to provide a comprehensive picture of the real situation, as they do not take into account a wide variety of intangible benefits that have no physical embodiment but still satisfy the most important human needs. The paper discusses alternative approaches to measuring the economic and social outcomes of labor activity, including expanding the range of indicators that reflect intangible aspects contributing to the growth of well-being.

Keywords: *labor outcomes, outcome indicators, labor productivity, well-being, subjective well-being, direct utility of labor, time balance.*

JEL: O40, J28, J8.

А.Л. САФОНОВ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института региональной экономики
и межбюджетных отношений Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

Д.В. НЕКИПЕЛОВА

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Института региональной экономики
и межбюджетных отношений Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К РЕГУЛИРОВАНИЮ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ «ИНСТИТУТЫ И УСПЕШНОСТЬ»

Неформальная занятость характеризуется внутренней неоднородностью и слабым откликом на применяемые в отношении нее меры государственного регулирования. Традиционные подходы к разработке таких мер, как правило, не учитывают, что неформальная занятость не является статичным явлением, а представляет собой совокупность качественно различных состояний, порождаемых взаимодействием трех акторов: государства, работодателя и работника. В статье обосновывается новый методологический подход к анализу неформальной занятости, в основе которого лежит построение динамической модели рынка труда. Модель задает систему координат, позволяющую определить положение работника на рынке труда, векторы и факторы его перемещения между формальным и неформальным сегментами этого рынка. Предлагаемая модель «Институты и Успешность» представляет собой прикладной инструмент разработки мер государственной политики регулирования неформальной занятости. Она позволяет уйти от тупиковой развилки – «наказывать или попустительствовать», переведя такое регулирование в плоскость адресного воздействия.

Ключевые слова: *неформальная занятость, институты, экономическая успешность, квадрантный анализ, дифференцированное регулирование, ловушка легальности, формализация, рынок труда.*

УДК: 330.34

EDN: NQHHUW

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_5_23_39

Введение

Неформальная занятость является исторически устойчивым и одновременно трудноуловимым феноменом рынка труда [31]. Ее прототипы – внецеховое ремесло, поденный труд, рассеянная мануфактура, практика «бродячих» ремесленников (см., например: [11; 7; 21]). Такие «несистемные» формы труда возникали либо как рациональный ответ на жесткое государственное или корпоративное регулирование, либо как вынужденная стратегия адаптации к экономической нестабильности и дефициту формальных рабочих мест.

В Российской Федерации, по данным Росстата, в 2025 г. в неформальном секторе работали свыше 15 млн человек (более 21% занятых)[1]. Однако эти цифры не охватывают формальный сектор, где практикуются «серые» зарплаты, фиктивная самозанятость, подмена трудовых договоров гражданско-правовыми и т. п. Фундаментальное расхождение между данными Росстата (4,4 млн самозанятых)[2] и ФНС (около 17 млн плательщиков налога на профессиональный доход)[3] служит количественным индикатором масштаба этой «слепой зоны». Также отметим, что цифровизация экономики, развитие платформенной занятости и распространение специальных налоговых режимов породили качественно новые, гибридные формы трудовых отношений, размывающие границы между формальным и неформальным секторами [17; 18; 30].

Теоретическое осмысление феномена неформальной занятости прошло несколько этапов. Классические парадигмы – структурализм, трактующий неформальность как порождение макроэкономических диспропорций [28][4], легализм Э. де Сото, объясняющий ее как рациональный ответ на институциональные барьеры [27], институционализм Д. Норта, акцентирующий конфликт формальных и неформальных норм [24], и неомодернизм, фокусирующийся на разрыве в человеческом капитале в цифровую эпоху [16] – предложили конкурирующие, но не взаимоисключающие объяснения причин ее возникновения и наличия отдельных сегментов. В работах М. Чен [15] и экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [22] эти подходы были сведены в синтетические стратификационные модели (пирамида неформальности).

---

1 Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2026. Стат.сб. / Росстат. М., 2026. https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2026.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

2 Там же.

3 Платформа поставки данных ФНС России. https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment (дата обращения: 19.08.2026).

4 ILO. Employment, Incomes and Equality: A Strategy for Increasing Productive Employment in Kenya. Geneva: International Labour Office, 1972.

В российской науке сформировалась собственная традиция анализа неформальной занятости, представленная прежде всего работами В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова, обосновавшими концепцию сегментации рынка труда (неформальность «вместо», «внутри» и теневая самозанятость) [5], а также С.Ю. Барсуковой, выполнившей фундаментальный экономико-социологический анализ неформальной экономики, в рамках которого был исследован теневой рынок труда в России, а также проблемы легализации теневой занятости [2].

Следует отметить, что и зарубежные, и российские исследователи, классифицируя формы и сегменты неформальной занятости и выстраивая ее модели, позволяющие фиксировать и оценивать состояние работников на рынке труда, не моделируют логику и механизмы переходов из одного состояния в другое, не объясняют, как изменение институциональных параметров перераспределяет труд между формальной и неформальной экономикой [14]. Существующие теоретические подходы и классификации не дают ответа на ряд ключевых для экономической политики вопросов. Например, при каких условиях самозанятый предприниматель переходит в положение зависимого подрядчика? Как экономический шок или изменение налогового режима перераспределяет агентов между сегментами? Почему в России рост числа плательщиков налога на профессиональный доход не сопровождается, судя по данным Росстата, пропорциональным снижением неформальной занятости?

Предлагаемый авторами подход, обоснование которого является целью статьи, предполагает построение динамической системы координат, в которой возможные траектории перемещения работника как агента рынка могут быть спрогнозированы с учетом изменений в стратегии не только самого работника, но и государства. Такой подход превращает модель не просто в теоретический аппарат, а в инструмент разработки государственной политики регулирования неформальной занятости.

Модель «Институты и Успешность»: построение и потенциал

Традиционный подход к анализу неформальной занятости часто ассоциирует формальность с экономической успешностью, а неформальность – с бедностью [20]. Предлагаемая концептуальная модель отвергает эту упрощенную связь. При ее построении авторы исходят из предположения, что успешность и формальность неидентичны. Так, высокий доход может сочетаться с неформальной занятостью, например, в случае квалифицированного фрилансера, а формальная занятость – с низким доходом, например, на уровне минимального размера оплаты труда (МРОТ). Именно это разделение позволяет

выявить скрытые конфликты и институциональные «ловушки» рынка труда, не видимые для традиционных подходов.

Модель «Институты и Успешность», формализующая взаимосвязи между положением агента на рынке труда и параметрами институциональной среды, носит динамический характер, поскольку описывает изменение положения агента при изменении задающих его параметров. Динамика, таким образом, понимается как последовательность переходов между состояниями системы.

Ключевой характеристикой модели и ее методологической новацией является наличие двух независимых осей: институциональной оси *X* (соответствие формальным институтам) и рыночной оси *Y* (экономическая успешность). Пересечение двух осей образует четыре качественно различных квадранта, описывающих базовые состояния рынка труда (см. рис.).

Ось *X* отражает степень интеграции трудовых отношений в правовое поле государства. Она показывает возможность перехода от полной легальности (соблюдение всех норм трудового, налогового и административного права, уплата страховых взносов, наличие письменного договора, доступ к системе социальной защиты) к полной неформальности (систематическое уклонение от формальных институтов либо нахождение вне их действия). Положение агента на оси определяется балансом издержек и выгод формализации, который задается государством через налогообложение, регулирование и контроль.

Ось Y измеряет способность трудовой деятельности обеспечивать экономическое воспроизводство работника и его развитие. Она ранжирует виды занятости в диапазоне от дохода ниже прожиточного минимума (простое выживание) до дохода, обеспечивающего накопление, инвестиции в человеческий капитал и социальную мобильность. Положение агента на оси определяется рыночной стоимостью его человеческого капитала (образование, навыки, здоровье) и экономической конъюнктурой (востребованность компетенций, ситуация в отрасли, макроэкономические условия).

Квадрант I (Формальный–Успешный) отражает эталонное состояние рынка труда. Расширение этого квадранта является конечной целью государственной политики регулирования неформальной занятости. Доминирующая логика поведения агентов, которыми могут быть, например, IT-архитектор в крупной компании, хирург в государственной клинике, инженер на высокотехнологичном производстве, – рационально-оптимизационная. Они имеют высокий доход при полном соблюдении трудового и налогового законодательства. Формальность приносит чистые выгоды: карьерный рост, кредитоспособность, социальные гарантии, поскольку высокая рыночная стоимость человеческого капитала делает издержки легальности приемлемыми.

Составлено авторами.

Рис. Состояния рынка труда в модели «Институты и Успешность» (схема с осями и квадрантами)

Агенты Квадранта II (Формальный–Неуспешный), который можно определить как «Ловушка легальности», имеют низкий, на уровне прожиточного минимума, доход при оформлении трудовых отношений в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (например, уборщица в государственном учреждении). Здесь действует структурно-принудительная логика: работник вынужден сохранять формальный статус, так как альтернативы предполагают еще большие риски, а его квалификация не позволяет перейти в Квадрант I. В этом же квадранте локализуются агенты, формально трудоустроенные, но чье поведение искажает логику трудовых отношений. Это лица, занимающие формально закрепленные рабочие места с минимальной трудовой нагрузкой либо вовсе без таковой, основным мотивом которых выступает не получение трудового дохода как средства обеспечения жизнедеятельности, а поддержание видимости социальной нормы, сохранение статусной позиции или доступ к сопутствующим благам (социальный пакет, стаж, корпоративные связи). В условиях цифровизации трудового процесса риски деформации профессиональной идентичности возрастают, что может приводить к отчуждению от труда и разрыву между формальным статусом и реальной вовлеченностью в производственную деятельность даже при сохранении внешних атрибутов легальной занятости [1]. Квадрант II является основным источником неформальности: несоответствие формального статуса

экономической целесообразности создает мощный стимул к «побегу» в неформальный сектор.

Агенты Квадранта III (Неформальный–Неуспешный) характеризуются низким, нестабильным доходом от полностью или частично неформальной деятельности. Данный квадрант – это своего рода зона выживания на рынке труда. Логика поведения агентов в основном структурно-вынужденная (отсутствие легальных альтернатив – нелегальные мигранты на стройке, жители депрессивных моногородов) либо аномийно-дезадаптивная (следствие глубокой социальной дезадаптации – лица без определенного места жительства, бывшие заключенные, не сумевшие реинтегрироваться) [19].

В Квадранте IV (Неформальный–Успешный) агенты достигают высокого дохода за счет систематического уклонения от формальных институтов. В отличие от квадранта III, здесь явно присутствует «премия за неформальность», то есть дополнительное экономическое преимущество, возникающее за счет уклонения от налоговых, страховых и иных обязательных платежей. Логика поведения является рационально-оппортунистической, а сам квадрант – это «Рациональная тень» трудового рынка. Агенты руководствуются сознательным расчетом, при котором издержки легальности субъективно превышают выгоды, а риски наказания оцениваются как низкие [23]. В качестве примера можно привести дизайнера-фрилансера, работающего исключительно за наличные деньги, владельца кафе с «двойной» бухгалтерией, который получает часть наличных денег вне кассы, высокооплачиваемого специалиста, получающего значительную часть зарплаты «в конверте». Именно этот квадрант создает основные угрозы для фискальной и пенсионной государственных систем, поскольку высокодоходные агенты не участвуют в формировании страховых фондов.

Ни в одном квадранте агенты не закреплены навсегда. Они перемещаются между квадрантами, что вызывается двумя типами изменений. Во-первых, сдвигом институциональных условий (строгость регулирования, фискальное давление, эффективность контроля), который перемещает агента по оси X. Во-вторых, изменениями экономической конъюнктуры и человеческого капитала (рост или падение доходов, изменение рыночной стоимости навыков), которые перемещают агента по оси *Y*.

Можно выделить пять основных векторов перемещения агентов. Первый, который можно обозначить как «побег из легальности» (переход из квадранта II в квадрант III), описывает ситуацию, когда низкооплачиваемый формальный работник покидает официальный сектор ради более доходной неформальной занятости. Например, бюджетник с зарплатой в 20 тыс. руб. переквалифицируется в неформального таксиста, чтобы получать от 50 до 90 тыс. руб. в месяц. Такие переходы были распространены в 1990-х годах, когда высококвалифицированные работники

бюджетной сферы, врачи и учителя, массово переходили в торговлю и сферу услуг, при этом определяющее значение имел доход, а не формальность или неформальность статуса. Второй вектор – «карьера в тени» (из квадранта III в квадрант IV) – характеризует перемещение агента из зоны выживания в пространство рациональной неформальности, описанное в работе А. Портеса, М. Кастельса и Л. Бентона [25]. Движущей силой здесь выступает наращивание клиентской базы и человеческого капитала. Например, сантехник, начинавший с разовых неформальных подработок, со временем формирует устойчивый круг клиентов и закрепляется в этом секторе уже не вынужденно, а осознанно. Третий вектор – «легализация успеха» (из квадранта IV в квадрант I) – связан с целенаправленной политикой государства, когда специальные налоговые режимы, амнистии и упрощенная процедура регистрации делают выход из тени рациональным экономическим шагом. Характерным примером здесь может послужить успех введения в России налога на профессиональный доход для самозанятых. Четвертый вектор перемещения – «размывание стабильной занятости» (из квадранта I в квадрант II) – отражает процесс, при котором формальный статус работника сохраняется, а реальные доходы и объем социальных гарантий сокращаются. Так случается, когда, например, отдел IT-поддержки целиком передают на аутсорсинг. Сотрудники теряют соцпакет и карьерные перспективы, оставаясь при этом оформленными в штате компании-подрядчика. И наконец, движение по пятому вектору, являющемуся обратным (из квадранта IV агент возвращается в квадрант III), идет в случае, когда экономический кризис или ужесточение контроля со стороны правоохранительных органов приводят к резкому сокращению доходов успешного неформала, возвращая его в пространство неустойчивых и низкодоходных практик.

Предложенную динамическую схему дополним анализом стратегического взаимодействия трех ключевых акторов – государства, работодателя и работника. Их интересы зачастую не совпадают, а достигаемые компромиссы напрямую определяют, как агенты распределяются по выделенным квадрантам.

Государство, как первый актор, стремится к максимизации собираемости налогов и взносов, обеспечению социальной стабильности, предполагающей поддержание высокого уровня легальной занятости, и к соблюдению установленных им правовых норм. Инструментами воздействия служат налоги, регулирование и контроль.

Работодатель, как второй актор, заинтересован в минимизации совокупных издержек на труд при заданном уровне производительности. Реагируя на сигналы государства, он конструирует портфель трудовых контрактов, выбирая между стратегией избегания, то есть реорганизацией производства для легального вывода отношений из-под регулирования, и стратегией уклонения, подразумевающей прямое

нарушение норм: зарплату «в конвертах» или фиктивную самозанятость. При этом выбор между этими стратегиями не всегда является результатом рационального решения, так как в системе управления персоналом нередко возникают мотивационные сбои, когда формальные стимулы оказываются заблокированными корпоративной культурой или неэффективными практиками кадрового менеджмента [6; 13].

Работник, как третий актор, стремится максимизировать текущий чистый доход и обеспечить свою долгосрочную безопасность в рамках собственных ограничений, к которым относятся уровень компетенции, здоровье и семейное положение. Он осуществляет выбор между «формальностью» и «неформальностью», сопоставляя немедленную денежную выгоду и отложенную ценность социальных гарантий и рисков правовой незащищенности. Однако этот выбор не является исключительно экономически рациональным. Так, агенты с высоким уровнем социально-психологического капитала чаще выбирают формальную занятость даже при наличии краткосрочных материальных потерь, тогда как лица с низким уровнем этого капитала склонны к приспособленческим стратегиям поведения [3].

В конечном счете решение, которое принимает работник, фиксирует его итоговую позицию в одном из квадрантов рынка труда. Как совокупный итог таких решений формируется общий контур неформальной занятости и ее характеристики. При этом рынок труда сохраняет устойчивость. В краткосрочной перспективе это устраивает всех ключевых акторов: государство уходит от риска социального взрыва, бизнес сохраняет приемлемый уровень рентабельности, а работник получает на руки устраивающий его чистый доход. Однако и такие фундаментальные проблемы, порождаемые неформальной занятостью, как, например, подрыв устойчивости пенсионной системы, консервация низкой производительности труда, несоблюдение трудовых прав граждан, сохраняются.

Регулирование неформальной занятости: от модели к государственной политике

Для превращения модели в рабочий инструмент политики необходимо четко определить, какими статистическими и аналитическими индикаторами будут измеряться положения агентов на осях X и Y, а также регулирующие действия государства[5].

[5] Основными источниками данных выступают: выборочные обследования рабочей силы Росстата; специализированные панельные исследования (RLMS-HSE); данные административных регистров СФР и ФНС; отраслевая статистика. При этом отметим невозможность достоверного прямого измерения доходов от неформальной занятости. В связи с этим наиболее эффективным методом получения необходимых данных является анализ расхождений между результатами обследований домохозяйств и отчетностью предприятий и «цифровых следов» экономической активности [26].

Для оси *X*, положение агентов на которой определяется степенью охвата трудовых отношений правовым полем, предлагается композитный индекс, агрегирующий три группы индикаторов. Первая группа характеризует правовой статус и документальное оформление: доля работников с письменным трудовым договором, доля официально зарегистрированных в системе пенсионного страхования, администрируемой Социальным фондом России (СФР), а также доля сотрудников, за которых работодатель уплачивает НДФЛ и страховые взносы в полном объеме от фактического заработка. Вторая группа отражает соблюдение ключевых трудовых норм. В состав ее индикаторов входят доли работников, чья фактическая продолжительность рабочей недели соответствует установленной в договоре и законодательстве, и работников, имеющих доступ к оплачиваемым отпускам и больничным листам. Также учитывается уровень соблюдения норм охраны труда (показатели производственного травматизма и профессиональных заболеваний). Третья группа показывает, имеет ли работник доступ к социальной защите и профессиональному развитию, и включает такие индикаторы, как охват коллективным договором или отраслевым соглашением и наличие и использование возможностей для профессионального обучения за счет работодателя.

Индекс для оси *Y* может быть рассчитан на основе индикаторов, которые должны отражать не только текущий доход, но и потенциал его роста. Это, во-первых, индикаторы трудового дохода: среднечасовая или среднемесячная заработная плата (после вычета налогов); соотношение медианной заработной платы профессиональной группы с прожиточным минимумом и медианной зарплатой по экономике в целом; стабильность поступлений дохода (коэффициент вариации месячных заработков). Однако интерпретация этих показателей требует учета субъективных факторов финансового поведения, поскольку реакция экономических субъектов на изменение доходов опосредована их индивидуальными установками в отношении сбережений, инвестиций и долговой нагрузки [8]. Во-вторых, это индикаторы человеческого капитала и производительности, дающие возможность оценить уровень образования (доля лиц с высшим и средним профессиональным образованием); наличие цифровых и других актуальных профессиональных компетенций; уровень добавленной стоимости на одного занятого в секторе или профессиональной группе. И в–третьих, индикаторы социально-экономической устойчивости, позволяющие судить о возможности делать сбережения (доля работников, способных откладывать более 10% дохода), инвестировать в дополнительное образование – собственное или детей, и о доступности кредитов по стандартным ставкам (как индикатор доверия финансовой системы к стабильности дохода).

В условиях трансформации форм занятости, в том числе под влиянием пандемийных шоков и массового перехода на удаленную работу, к числу определяющих индикаторов устойчивости добавляются психосоциальные. Например, удовлетворенность трудом, восприятие справедливости оплаты и баланс между работой и личной жизнью. Как показывают исследования, именно эти факторы в значительной степени определяют готовность работника оставаться в формальном секторе, даже когда внешние экономические стимулы ослабевают [29].

Для измерения «сигналов» государства и реакции на них необходимо в динамике анализировать совокупную налоговую нагрузку на фонд оплаты труда (ставка НДФЛ и страховые взносы), индексы сложности регулирования бизнеса и условий делового климата, время и стоимость процедур регистрации бизнеса и найма, количество плановых и внеплановых проверок, сумму наложенных штрафов, долю выявленных нарушений от общего числа проверок.

На основе рассчитанных индексов может быть построена диаграмма рассеивания, где каждому профессионально-отраслевому кластеру или региону соответствует точка на плоскости модели «Институты и Успешность». Это и будет являться своеобразной диагностической картой неформальной занятости, которая позволит констатировать масштабы явления, а также увидеть его качественную структуру.

Ключевые проблемы российского рынка труда можно распределить по квадрантам предлагаемой модели, что позволит более четко видеть их природу и укажет на зоны приложения государственных усилий по регулированию неформальной занятости. Так, проблема низких доходов и бедности – это не общая «болезнь» рынка труда, а сконцентрированная проблема Квадрантов II и III. В Квадранте II бедность существует вопреки формальному статусу. Политика, нацеленная исключительно на «вывод из тени», здесь бесполезна, поскольку агенты уже находятся в правовом поле. Требуются меры по трансформации самих условий труда в этом квадранте. Бедность в Квадранте III – это следствие дефицита человеческого капитала, дискриминации или социальной эксклюзии [9; 12]. Государственные меры регулирования должны быть направлены на вывод агентов из этого квадранта, а не на их легализацию на прежнем месте.

Угроза пенсионной системе и бюджету заключается в утечке ресурсов из Квадранта I в Квадрант IV. Высокодоходные агенты, чей труд успешен, но неформален, не уплачивают страховые взносы. Таким образом, фискальная угроза исходит не от бедных, а от состоятельных неформалов. Поэтому государственная политика должна фокусироваться на создании привлекательных условий для перехода агентов в Квадрант I, а не на общем ужесточении контроля, которое может затронуть и уязвимые группы в Квадранте III. Усиление давления на Квадрант III создает риски

криминализации и социальной дестабилизации. Когда агенты в «зоне выживания» лишаются даже минимальных источников дохода (вследствие экономического кризиса или ужесточения контроля без создания легальных альтернатив), они могут быть вытолкнуты в криминальный сектор. Политика, игнорирующая этот риск, может дать результат, обратный желаемому. При этом очевидно, что задача расширения Квадранта I, предполагающая увеличение доли производительного, защищенного и высокодоходного труда, требует целенаправленных усилий по трем направлениям: защита и улучшение условий труда в Квадранте I (удержание ядра); стимулирование перетоков из Квадрантов II и IV в Квадрант I; организация «социальных лифтов» из Квадранта III в Квадрант II или напрямую в Квадрант I, в том числе посредством масштабирования программ переобучения [10].

Модель «Институты и Успешность» демонстрирует, что единого, универсального решения проблем регулирования неформальной занятости не существует. Меры, эффективные для агентов одного квадранта, могут быть бесполезны или даже вредны для другого. Политика регулирования должна быть адресной, основанной на логике конкретного квадранта и направленной на изменение стимулов ее акторов. Кроме того, должен соблюдаться базовый принцип взаимодополняемости регуляторных мер. Так, ужесточение контроля для Квадранта IV должно компенсироваться одновременным снижением фискальной нагрузки и упрощением регуляций. Повышение МРОТ должно сопровождаться субсидиями для бизнеса, чтобы не спровоцировать волну увольнений и переход работников в Квадрант III.

Безусловно, будет нарастать контрольное давление со стороны государства, в том числе через цифровые инструменты – мониторинг транзакций, интеграцию баз данных ФНС и банков. Однако оно должно уравновешиваться привлекательными условиями легализации. Иными словами, формальное поле должно стать не только обязательным, но и экономически обоснованным выбором.

Ключевыми инструментами здесь выступают специальные налоговые режимы с пониженной ставкой – налог на профессиональный доход (НПД) или упрощенная система налогообложения (УСН), а также налоговые каникулы и амнистии для тех, кто готов выйти из «тени». Такие меры призваны снизить издержки легализации до оптимального уровня, при котором они не превышают выгоду от нее, а соответственно, неформальная деятельность перестает быть экономически оправданной. Эффективным дополнением фискально-экономических мер также может послужить упрощение процедур регистрации и отчетности, устраняющее административные барьеры, которые часто служат не менее значимым сдерживающим фактором, чем налоговая нагрузка.

Функция бизнеса в рамках данной модели состоит в формировании и устойчивом поддержании спроса исключительно на тех поставщиков и подрядчиков, которые действуют в правовом поле на всех этапах производственной цепочки. Когда крупные корпорации и государственные заказчики публично декларируют отказ от взаимодействия с неформальными контрагентами, они тем самым задают рыночный ориентир, согласно которому доступ к высокостоимостным договорам открывается лишь при условии полноценной легализации. В таких условиях формальный статус перестает восприниматься как обуза и приобретает свойства конкурентного преимущества.

Для работника проводятся информационные кампании, раскрывающие долгосрочные выгоды легального положения – от формирования пенсионных прав и доступа к ипотечному кредитованию до судебной защиты сделок, а также возможности использования цифровых сервисов, упрощающих процедуру легализации. Чем выше доверие к государству и чем сильнее идентификация человека с политико-правовой системой, тем более убедительными для него оказываются аргументы в пользу легализации [4].

Ожидаемый результат реализации таких мер регулирования заключается в постепенном сдвиге соотношения «издержки/выгоды» в пользу формализации, следствием чего станет активизация перехода агентов из Квадранта IV в Квадрант I. Однако здесь же таится и главный риск. Если контрольное давление со стороны государства будет наращиваться опережающими темпами, без синхронного создания легальных альтернатив, реакцией станет не выход из «тени», а ее расширение либо перевод деловой активности за пределы российской юрисдикции.

Успех политики регулирования определяется способностью удержать баланс между ужесточением контроля и расширением легальных возможностей на продолжительном отрезке времени, поскольку стабильность институтов также является одним из условий формализации экономики. Изолированное применение мер для одного квадранта при игнорировании других способно породить новые диспропорции. Например, ужесточение контроля над Квадрантом IV без снижения фискальной нагрузки и создания легальных альтернатив может вызвать не легализацию, а переход части агентов в Квадрант III с соответствующими социальными рисками.

Сбалансированная стратегия регулирования неформальной занятости предполагает синхронизацию следующих трех групп принимаемых мер. Первая включает снижение налоговой нагрузки на самозанятых, упрощение процедур цифровой регистрации и повышение неотвратимости наказания за уклонение от регистрации и уплаты налогов при высоких доходах. Данные меры нацелены на перевод аген-

тов из Квадранта IV в Квадрант I. В состав мер второй группы входит повышение МРОТ, введение субсидий на фонд оплаты труда и организацию программ переобучения. Эти меры направлены на удержание работников в Квадранте II и предотвращение их перемещения в Квадрант III. Третья группа – это меры по расширению социальных услуг и реабилитационных программ, масштабов переобучения, введению квот. Они направлены на активизацию перемещения работников из Квадранта III в Квадрант II или Квадрант I.

Заключение

Модель «Институты и Успешность», позволяющая определить ключевые векторы и механизмы перемещений агентов между секторами рынка труда, может рассматриваться как инструмент регулирования неформальной занятости. Данная модель предполагает реализацию адресно – ориентированного подхода и показывает ошибочность решений, направленных на тотальное ужесточение контроля и ускоренную и полную формализацию занятости. Она показывает, как постоянное взаимодействие трех акторов – государства, работодателя и работника – меняет состояние рынка труда и каковы факторы, способствующие движению в сторону доминирования формальных и успешных форм занятости. Вместе с тем необходимо учитывать, что модель носит концептуальный характер. Она оперирует дискретными квадрантами, тогда как в реальности границы между ними размыты. Существуют промежуточные, гибридные состояния (например, «частичная неформальность» в формальном секторе, когда работник с трудовым договором получает часть зарплаты «в конверте»), которые требуют более тонкой градации оси X. Для описания реальной динамики переходов между квадрантами необходимы панельные данные, позволяющие отслеживать траектории одних и тех же агентов во времени.

Отметим также, что при реализации модели придется столкнуться с фундаментальной проблемой измерения: неформальные доходы и практики скрываются. Требуется развитие методов косвенной верификации, включая интеграцию данных обследований рабочей силы с административными регистрами ФНС и СФР и «цифровыми следами» экономической активности (банковские транзакции, данные онлайн-касс и т. п.).

В качестве актуальных направлений будущих исследований выделим, во-первых, апробацию модели на российских данных, построение диагностической карты неформальной занятости с позиционированием отраслевых и региональных кластеров в координатах «Институты и Успешность». Во-вторых, проведение сравнительного анализа

структуры квадрантов в странах с различными институциональными режимами (например, сопоставление России со странами ОЭСР и ЕАЭС). В-третьих, углубленную разработку проблемы «фиктивной самозанятости» как специфической стратегии уклонения, массово применяемой российскими работодателями после введения налога на профессиональный доход. Наконец, самостоятельной задачей является моделирование долгосрочных макроэкономических и социальных последствий реализации различных сценариев политики регулирования неформальной занятости.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Александрова Ю.Ю., Миронова Е.В., Камнева Е.В., Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю.* Перспективы развития и риски деформации профессиональной идентичности в условиях «цифровизации» трудового процесса // Организационная психология. 2023. Т. 13. № 4. С. 213–235. [*Aleksandrova Yu.Yu., Mironova E.V., Kamneva E.V., Pryazhnikov N.S., Pryazhnikova E.Yu.* Prospects for Development and Risks of Professional Identity Deformation in the Context of "Digitalization" of the Labor Process // Organizational Psychology. 2023. Vol. 13. No. 4. Pp. 213–235. (In Russ.).] DOI: 10.17323/2312-5942-2023-13-4-213-235.
2. *Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2004. [*Barsukova S.Yu.* Informal Economy: An Economic-Sociological Analysis. Moscow: HSE Publishing House, 2004. (In Russ.).]
3. *Гагарина М.А.* Роль социально-психологического капитала в долговом поведении личности // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. № 3 (40). С. 5. [*Gagarina M.A.* The Role of Socio-Psychological Capital in Personal Debt Behavior // Vestnik of Minin University. 2022. Vol. 10. No. 3 (40). P. 5. (In Russ.).] DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-3-5.
4. *Гагарина М.А., Викентьева Е.Н., Горшкова А.С.* Гражданская идентичность и институциональное доверие как факторы экономического менталитета // Социальная психология и общество. 2025. Т. 16. № 3. С. 45–62. [*Gagarina M.A., Vikentyeva E.N., Gorshkova A.S.* Civic Identity and Institutional Trust as Factors of Economic Mentality // Social Psychology and Society. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 45–62. (In Russ.).] DOI: 10.17759/sps.2025160304.
5. *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* (ред.) В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. [*Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I.* (eds.) In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labor Market. Moscow: HSE Publishing House, 2014. (In Russ.).]
6. *Жигун Л.А., Литвинюк А.А.* Мотивационные сбои в системе управления персоналом // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 2. С. 48–58. [*Zhigun L.A., Litvinyuk A.A.* Motivational Failures in the Personnel Management System // Economics. Taxes. Law. 2023. Vol. 16. No. 2. Pp. 48–58. (In Russ.).] DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-48-58.
7. *Кулишер И.М.* История русского народного хозяйства. Т. 2. М.: Наука, 2004. (Российская экономическая мысль). [*Kulisher I.M.* History of the Russian National Economy. Vol. 2. Moscow: Nauka, 2004. (Russian Economic Thought). (In Russ.).]

8. *Масленников В.В., Ларионов А.В., Гагарина М.А.* Факторы формирования типов финансового поведения экономических субъектов // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26. № 2. С. 88–103. [*Maslennikov V.V., Larionov A.V., Gagarina M.A.* Factors in the Formation of Types of Financial Behavior of Economic Subjects // Finance: Theory and Practice. 2022. Vol. 26. No. 2. Pp. 88–103. (In Russ.).] DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-2-88-103.
9. *Некипелова Д.В.* Гендерное неравенство в неформальной экономике России: структурные детерминанты и долгосрочные риски социальной исключенности // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2026. № 4 (258). С. 22–41. [*Nekipelova D.V.* Gender Inequality in the Informal Economy of Russia: Structural Determinants and Long-Term Risks of Social Exclusion // Vestnik of Samara State University of Economics. 2026. No. 4 (258). Pp. 22–41. (In Russ.).] DOI: 10.46554/1993-0453-2026-4-258-22-41.
10. *Полевая М.В.* Неравенство в дополнительном профессиональном образовании граждан предпенсионного возраста // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15. № 3. С. 52–58. [*Polevaya M.V.* Inequality in Additional Professional Education of Citizens of Pre-Retirement Age // Economics. Taxes. Law. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 52–58. (In Russ.).] DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-52-58.
11. *Рожков Н.А.* Очерк истории труда в России. М.; Л.: Книга, 1924. [*Rozhkov N.A.* Essay on the History of Labor in Russia. Moscow; Leningrad: Kniga, 1924. (In Russ.).]
12. *Сафонов А.Л., Некипелова Д.В.* Занятость лиц с ограниченными возможностями в РФ: текущее состояние, проблемы и пути их решения // Социально-трудовые исследования. 2025. № 1 (58). С. 53–66. [*Safonov A.L., Nekipelova D.V.* Employment of Persons with Disabilities in the Russian Federation: Current State, Problems and Solutions // Social and Labor Research. 2025. No. 1 (58). Pp. 53–66. (In Russ.).] DOI: 10.34022/2658-3712-2025-58-1-53-66.
13. *Соловова Н.А., Кирпичев А.В., Гагарина М.А.* Просоциальное поведение в ситуации морального выбора: теоретические подходы к исследованию // Современная зарубежная психология. 2025. Т. 14. № 2. С. 95–103. [*Solovova N.A., Kirpichev A.V., Gagarina M.A.* Prosocial Behavior in a Moral Choice Situation: Theoretical Approaches to Research // Modern Foreign Psychology. 2025. Vol. 14. No. 2. Pp. 95–103. (In Russ.).] DOI: 10.17759/jmfp.2025140210.
14. *Carré F.* Applying the Concept of the Informal Economy to Labour Market Changes in Developed Countries: What Can Be Learned. Cambridge, MA: WIEGO, 2017. (WIEGO Working Paper; 36).
15. *Chen M.A.* The Informal Economy: Definitions, Theories and Policies. Cambridge, MA: WIEGO, 2012. (WIEGO Working Paper; 1).
16. *Chen M., Carré F.* (eds.) The Informal Economy Revisited: Examining the Past, Envisioning the Future. London; New York: Routledge, 2020. DOI: 10.4324/9780429200724.
17. *Coletto D., Dimitriadis I.* Platform Work in Paid Care and Domestic Services: A Hybridization-of-Work Perspective // International Journal of Sociology and Social Policy. 2026. Vol. 46. No. 1/2. Pp. 123–141. DOI: 10.1108/IJSSP-03-2025-0131.
18. *Dimitriadis I., Coletto D.* The Role of Digital Labour Platforms in the Formalisation and Informalisation of Labour in the Italian Domestic and Care Sector // International Journal of Sociology and Social Policy. 2024. Vol. 44. No. 7/8. Pp. 723–739. DOI: 10.1108/IJSSP-04-2024-0171.

19. *Fields G.S.* Labour Market Modelling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence. Paris: OECD, 1990.
20. *Hart K.* Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // The Journal of Modern African Studies. 1973. Vol. 11. No. 1. Pp. 61–89. DOI: 10.1017/S0022278X00008089.
21. *Hobsbawm E.J.* The Tramping Artisan // The Economic History Review. 1951. Vol. 3. No. 3. Pp. 299–320. DOI: 10.2307/2599988.
22. *Jütting J.P., de Laiglesia J.R.* (eds.) Is Informal Normal? Towards More and Better Jobs in Developing Countries. Paris: OECD Publishing, 2009. (Development Centre Studies). DOI: 10.1787/9789264059243-en.
23. *Maloney W.F.* Informality Revisited // World Development. 2004. Vol. 32. No. 7. Pp. 1159–1178. DOI: 10.1016/j.worlddev.2004.01.008.
24. *North D.C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. DOI: 10.1017/CBO9780511808678.
25. *Portes A., Castells M., Benton L.A.* (eds.) The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1989.
26. *Schneider F., Enste D.H.* The Shadow Economy: An International Survey. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. DOI: 10.1017/CBO9781139542289.
27. *Soto H. de.* The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World. New York: Harper & Row, 1989.
28. *Southall H.R.* The Tramping Artisan Revisits: Labour Mobility and Economic Distress in Early Victorian England // The Economic History Review. 1991. Vol. 44. No. 2. Pp. 272–296. DOI: 10.2307/2598297.
29. *Toscano F., Bigliardi E., Polevaya M.V., Kamneva E.V., Zappalà S.* Working Remotely during the COVID-19 Pandemic: Work-Related Psychosocial Factors, Work Satisfaction, and Job Performance among Russian Employees // Psychology in Russia: State of the Art. 2022. Vol. 15. No. 1. Pp. 3–19. DOI: 10.11621/pir.2022.0101.
30. *van Dyk S., Graefe S., Lorig P.* Blurred Boundaries: The Transformation of Work in Digital Capitalism. Forms and Dynamics of Flexible Hybrid Labour(ers) between Gainful Employment, Reproduction and Engagement // Berliner Journal für Soziologie. 2024. Vol. 34. No. 4. Pp. 507–545. DOI: 10.1007/s11609-024-00533-y.
31. *Williams C.C.* Defining the Informal Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. DOI: 10.1017/9781108622936.

Дата поступления рукописи: *20.08.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *20.10.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сафонов Александр Львович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0262-3968
alsafonov@fa.ru

Некипелова Дарья Валерьевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия
ORCID: 0009-0000-8891-009X
dvnekipelova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexander L. Safonov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Institute of Regional Economics and Interbudgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0262-3968
alsafonov@fa.ru

Daria V. Nekipelova – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Regional Economics and Interbudgetary Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0000-8891-009X
dvnekipelova@fa.ru

A DIFFERENTIATED APPROACH TO REGULATING INFORMAL EMPLOYMENT BASED ON THE CONCEPTUAL MODEL "INSTITUTIONS AND SUCCESS"

Informal employment is characterized by internal heterogeneity and a weak response to the state regulatory measures applied to it. Traditional approaches to developing such measures typically fail to take into account that informal employment is not a static phenomenon but rather a set of qualitatively different states generated by the interaction of three actors: the state, the employer, and the employee. The article substantiates a new methodological approach to the analysis of informal employment, which is based on the construction of a dynamic model of the labor market. The model establishes a coordinate system that makes it possible to determine an employee's position in the labor market, as well as the vectors and factors influencing their movement between the formal and informal segments of this market. The proposed "Institutions and Success" model is an applied tool for developing measures of state policy to regulate informal employment. It allows moving away from the dead-end dilemma of "punish or turn a blind eye," shifting such regulation to the plane of targeted intervention.

Keywords: *informal employment, institutions, economic success, quadrant analysis, differentiated regulation, legality trap, formalization, labor market.*

JEL: J46, J48.

С.И. ЧЕРНЫХ

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Центра исследований проблем
государственного управления ФГБУН Институт экономики РАН

Н.Д. ФРОЛОВА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
заведующий сектором институтов и механизмов государственного
управления Центра исследований проблем государственного управления
ФГБУН Институт экономики РАН

БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ И СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ НАУКИ

В статье рассматривается трансформация роли науки в условиях глобальной турбулентности, санкционных ограничений и обострения геополитического противостояния. Акцент сделан на феномене секьюритизации науки – ее подчинении целям национальной безопасности, как ответе на большие вызовы, зафиксированные в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (СНТР-2024). Проанализированы управленческие решения государства, связанные с институциональными изменениями в российской научно-технологической сфере (создание Научно-экспертного совета Совета Безопасности РФ, новые правила допуска иностранных участников к исследованиям, трансформация роли ЕГИСУ НИОКТР). Проведен сравнительный анализ подходов к секьюритизации науки в Японии (концепция трех «Р», принятие Акта об экономической безопасности) и в Китае (стратегия военно-гражданской интеграции, пятилетние планы). Показана переориентация грантовой политики Российского научного фонда в сторону прикладных исследований в связи с мобилизационным режимом, что создает риски недофинансирования фундаментальной науки. Обоснована необходимость диверсификации источников финансирования исследований и разработок за счет частного бизнеса, а также разработки и формирования системы индикаторов национальной безопасности в научно-технологической сфере. Подчеркнута важность сохранения баланса между мерами защиты и развитием научной дипломатии.

Ключевые слова: *национальная безопасность, большие вызовы, секьюритизация науки, мобилизационный режим, фундаментальные исследования, технологический суверенитет, СНТР-2024.*

УДК: 001.3

EDN: FKMOEM

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_5_40_59

Введение

Введение масштабных санкций, ограничивающих доступ России к передовым технологиям и оборудованию, стало одним из ключевых событий последних лет, обнаживших критическую зависимость отечественной экономики от внешних поставок. В этих условиях на первый план выходит задача обеспечения технологического суверенитета – создания собственной научно-технологической базы, которая позволит самостоятельно выпускать высокотехнологичную продукцию, необходимую для реализации стратегических приоритетов развития, и одновременно формировать новые глобальные рынки. Существующие внешние ограничения делают неизбежным пересмотр устоявшихся подходов и переход к новой политике, ориентированной исключительно на национальные интересы России.

Общепризнано, что технологический суверенитет и устойчивое социально-экономическое развитие государства напрямую зависят от его позиций в сфере исследований и разработок. Лидирующее положение в создании нового знания, высокая скорость его трансформации в инновационные продукты и технологические решения выступают здесь в качестве системообразующего фактора. Для России данный тезис приобретает особую остроту в контексте задач, зафиксированных в ключевых документах стратегического планирования, прежде всего в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации[1] (далее СНТР-2024). Этот документ задает новую парадигму: его центральным элементом является ориентация на так называемые *большие вызовы*.

Под большими вызовами понимается комплекс проблем, угроз и возможностей, которые в силу своей сложности и масштаба не могут быть преодолены простым наращиванием ресурсов. Их специфика требует нелинейных, междисциплинарных и зачастую прорывных решений. В таких условиях именно научно-технологическая сфера становится главным источником нестандартных подходов, способных трансформировать сами принципы реагирования на угрозы. Как следствие, проведение научных исследований и последующее внедрение их результатов превращаются в важнейшие инструменты формирования ответов на большие вызовы, которые в большинстве своем сопряжены с обеспечением национальной безопасности (экономической,

[1] Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003 (дата обращения: 28.04.2026).

экологической, продовольственной) и с глубокой трансформацией современного миропорядка.

Пункт 15 СНТР-2024 содержит перечень из восьми наиболее значимых для России больших вызовов. Среди них — «новые гибридные внешние угрозы национальной безопасности, в том числе военные, террористические, информационные и биологические, увеличение риска появления новых и возврата исчезнувших инфекций (как природного, так и искусственного происхождения), усиление их взаимосвязи с внутренними угрозами национальной безопасности». При этом важно подчеркнуть, что приведенный перечень не является исчерпывающим или раз и навсегда заданным. Напротив, он требует постоянного мониторинга и прогнозной деятельности: необходимо выявлять будущие большие вызовы, анализировать латентные факторы и процессы, которые могут нести как риски, так и новые возможности для долгосрочного социально-экономического развития страны. В этой связи особую значимость приобретает использование надежных статистических данных по широкому кругу показателей — от динамики ВВП и инвестиций в НИОКР до кадрового потенциала и технологической структуры экономики.

Ориентирование государственной научно-технической политики на большие вызовы определяет новую роль науки и технологий как основополагающих элементов процесса решения многих национальных и глобальных проблем, создавая при этом возможность прогнозировать происходящие в мире изменения, учитывать внутренние тенденции, ожидания и потребности российского общества. Своевременная реакция на большие вызовы должна обеспечить создание новых технологий, продуктов и услуг, не только отвечающих национальным интересам России и решающих задачи формирования условий для высокого качества жизни и деятельности граждан на всей территории нашей страны, но и востребованных на мировых рынках.

Авторы настоящей статьи ставят задачу провести анализ проблем, связанных с формированием адекватных ответов на большие вызовы в свете глобальных процессов секьюритизации науки, то есть ее подчинения целям национальной безопасности[2].

[2] В статье, как и в документах ОЭСР, термин «секьюритизация» рассматривается как переформатирование вопросов политики, в том числе связанных с наукой и новыми технологиями, в вопросы обеспечения национальной/экономической безопасности (см.: OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2025: Driving Change in a Shifting Landscape, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/5fe57b90-en). В финансовой сфере этот термин имеет более распространенное, но не связанное с данным значением употребление, например, секьюритизация активов – это финансовый механизм, при котором банк превращает свои неликвидные активы в ценные бумаги, обеспеченные этими активами.

Обзор литературы

В действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[3] одним из ключевых стратегических приоритетов закреплено научно-технологическое развитие. Это означает, что достижение национальных интересов напрямую связывается с достижениями в сфере науки и технологий. В свою очередь, другой важнейший приоритет — экономическая безопасность — не может быть реализован в отрыве от состояния научной, технологической и образовательной базы. Речь идет не просто о вспомогательной роли этих сфер, а о фундаментальной зависимости устойчивости экономики от уровня развития интеллектуального капитала, его способности к обновлению и конкурентоспособности на глобальном рынке идей и компетенций. Иными словами, чем выше технологическая насыщенность производства и качество человеческого потенциала, тем прочнее позиции страны в противостоянии экономическим угрозам. Как отмечал признанный авторитет в данной области В.К. Сенчагов, «в отличие от национальных интересов, угрозы экономической безопасности более изменчивы, в большей мере диверсифицированы и, самое главное, не всегда предсказуемы, поскольку композиция факторов экономического и социального развития, состояние природной среды постоянно изменяются» [1, с. 782].

А.Н. Дегтярев и И.Е. Ильина отмечают, что одной из причин отмены принятой в 2016 г. Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (далее СНТР-2016) за шесть лет до контрольного срока ее реализации стало изменение вызовов и приоритетов. Цель же пришедшей ей на смену СНТР-2024 – это достижение устойчивого научно-технологического развития страны при необходимости обеспечения технологического суверенитета в условиях новых больших вызовов и негативных глобальных тенденций [2].

В свою очередь, В.В. Ворожихин, В.П. Заварухин и Е.И. Ларионова зафиксировали несоответствие проводимых в стране фундаментальных исследований «большим вызовам» и стратегическим приоритетам в области научно-технологического развития, определенным СНТР-2016 [3, с. 68].

В качестве одного из основных факторов усиления глобальной турбулентности В.В. Еремин, С.А. Побываев и С.Н. Сильвестров видят «давнее противоречие между потенциальными возможностями роста мирового производства, необходимостью этого роста для стимулиро-

[3] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Администрация Президента России. http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 28.04.2026).

вания положительной динамики мировой экономики и ограниченностью глобальных рынков сбыта», что создает проблему противостояния национальных и наднациональных институтов развития, национальных интересов и интересов транснациональных корпораций [4, с. 86].

Неравенство мирового развития как глобальный вызов рассматривают В.М. Матюшок и С.А. Балашова. Они раскрывают его параметры и динамику, а также дают оценку западному и китайскому вариантам моделирования ответов на данный вызов, что, по их мнению, является крайне актуальной научной и практической задачей [5].

Композиция политических, экономических и социальных факторов в условиях современной глобальной турбулентности привела к тому, что с 2022 г. по настоящее время наша страна находится на этапе «мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления, сопровождающегося консолидацией общества и хозяйствующих субъектов для решения задач научно-технологического развития» (пункт 10 СНТР-2024). И.Г. Дежина называет это мобилизационным режимом в российской науке с такими признаками современной мобилизации, как «рост государственной поддержки прикладных исследований для быстрой разработки технологий, расширение научной кооперации с индустрией, а также развитие международного научного сотрудничества со странами, которые разделяют цели и задачи научно-технологической повестки» [6].

Что касается секьюритизации отдельных сфер общественной жизни, то основополагающей работой по данной проблеме принято считать работу О. Вивера [7], в которой поднимаются вопросы о том, почему отдельные явления рассматриваются с позиции угрозы национальной безопасности, какие последствия это порождает, кто и зачем проводит секьюритизацию. Исследования О. Вивера положили начало развитию копенгагенской научной школы, фокусирующей внимание на проблемах секьюритизации и десекьюритизации науки [8]. Подробно становление теории секьюритизации и развитие копенгагенской научной школы рассмотрено в работе О.С. Гайдаева [9].

Растущая геополитическая напряженность в мире, проявляющаяся в различных противостояниях, привела к тому, что наука стала рассматриваться экспертами как объект, нуждающийся в защите от иностранного вмешательства [10], в том числе путем ограничения научного сотрудничества. Данная тенденция нашла широкое отражение в научных публикациях. Так, в работе [11] рассматривается проблема ограничения научной коллаборации между странами Запада и Китаем. Противоречиям между принципами национальной безопасности и идеями научной открытости уделяется внимание и в работах [8; 12; 13]. И.Г. Дежина в данном аспекте указывает на следующий риск для отечественной науки: «В России ряд исследовательских фронтов развит

недостаточно, поэтому в случае сокращения международного информационного обмена усилится отставание от передовой науки» [14, с. 380].

Как отмечает О. Кувшинова, ссылаясь на доклад ОЭСР «Перспективы науки, технологий и инноваций – 2025», концепции «стратегической автономии» и технологического суверенитета становятся все более значимыми для многих стран, причем не только в технологической сфере, но и в области научных исследований. Указанные тенденции, по мнению автора, создают риски фрагментации международных научно-технологических связей и снижения качества коллективных исследований и разработок, особенно при решении глобальных проблем, прежде всего в сферах энергобезопасности и экологии. В конечном счете это может подорвать конкурентоспособность и благосостояние национальных экономик [15].

Однако научные исследования рассматриваются не только как объект защиты, но и как инструмент, обеспечивающий экономическую и военную конкурентоспособность страны, ее способность противостоять внешним угрозам. Так, в исследовании [16], где рассматривается связка «безопасность – инновации» (*англ.* security-innovation nexus), выделяются четыре основных контура взаимодействия (см. табл. 1).

Таблица 1

Управленческие решения на стыке безопасности и инноваций: положительные эффекты и риски

	Инновации на службе безопасности	**Безопасность на службе инноваций**
Позитивный эффект (инновации – в первом случае, безопасность – во втором, выступают катализатором развития)	Поиск инновационных технологических решений в сфере управления безопасностью (например, инновационные хабы в сфере безопасности и обороны; платформенные решения в сфере НИОКР для быстрой разработки вакцин)	Сфера безопасности как новый рынок для исследователей и предпринимателей (например, программы НИОКР в области безопасности; частные военные исследования; тендеры/гранты)
Риски/вызовы	Инновация как источник небезопасности для желаемого (гео)политического порядка (например, разрушительные технологии: блокчейн, большие данные, искусственный интеллект; биомедицинские исследования двойного назначения)	Безопасность как препятствие для функционирования исследований и частного предпринимательства (например, международные санкции; режимы секретности; нормативные рамки, ограничивающие инновационную деятельность)

Источник: адаптация авторами по материалам [16].

Растущее число исследовательских проектов в интересах военной промышленности отмечается в Великобритании[4], где также формируется институциональная среда по защите интеллектуальной собственности и результатов исследований от использования или злоупотребления со стороны внешних или «враждебных субъектов»[5]. К ключевым нормативно-правовым документам в данной сфере относят Закон о национальной безопасности и инвестициях 2021 г. (National Security and Investment Act 2021, NS&I Act) и Принципы «Надежных исследований и инноваций» (UKRI's Trusted Research and Innovation Principles, 2021), фокусирующихся на контроле рисков в международных научно-исследовательских проектах и оценке партнеров, вовлеченных в указанные исследовательские проекты.

Развитая система обеспечения безопасности исследований сформирована и в США. В актуальной Матрице законов, нормативных актов и политик в области науки и безопасности[6], составленной Советом по правительственным отношениям (англ. Council on Governmental Relations), фигурирует более 20 нормативно-правовых актов (законов, указов, межведомственных политик) и более 50 иных документов (например, уведомления, инструкции, формы, отчеты), регулирующих отношения в сфере обеспечения безопасности научных исследований и разработок. Отметим также, что в политическом дискурсе США технологические инновации рассматриваются как ключевой фактор обеспечения военной конкурентоспособности страны [17].

Опыт Японии и Китая

Широкий спектр мер по развитию науки и технологий в целях обеспечения экономической безопасности принят в Японии[7] и Китае.

Как отмечено в исследовании [18], существенный рост внимания к проблемам экономической безопасности в Японии прослеживается с 2019 г., хотя отдельные меры предпринимались и ранее. Например,

---

[4] Investment, Influence and Integrity: How arms industries compromise universities' research agendas / Rethinking Security. https://rethinkingsecurity.org.uk/2023/03/13/investment-influence-and-integrity-how-arms-industries-compromise-universities-research-agendas/?share=jetpack-whatsapp (дата обращения: 02.04.2026).

[5] R&I Security / London School of Economics and Political Science. https://info.lse.ac.uk/staff/divisions/research-and-innovation/contracts-service/ri-security (дата обращения: 16.07.2026).

[6] 10-я версия, датированная 30.09.2025 г. Источник: COGR Matrix of Science & Security Laws, Regulations, and Policies / COGR. https://www.cogr.edu/cogr-matrix-science-security-laws-regulations-and-policies (дата обращения: 16.07.2026).

[7] OECD (2025), OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2025: Driving Change in a Shifting Landscape, OECD Publishing, Paris. https://doi.org/10.1787/5fe57b90-en, с. 69-70.

в 2015 г. в целях стимулирования исследований в области безопасности правительство учредило Фонд содействия исследованиям в области технологий национальной безопасности при Агентстве по закупкам, технологиям и материально-техническому обеспечению (ATLA)[8]. В качестве катализатора процессов секьюритизации выделяют принятие в 2022 г. «Акта об обеспечении экономической безопасности» (Economic Security Promotion Act) [18], закрепившего поддержку развития критических технологий как меру обеспечения нацбезопасности и экономического суверенитета.

Заслуживает внимания План действий по укреплению промышленной и технологической базы в сфере экономической безопасности, разработанный в мае 2025 г. Министерством экономики, торговли и промышленности Японии[9]. В основе предусмотренных планом мер лежит концепция трех «P» (Promotion, Protection, Partnership):

- поддержка исследований или продвижение (Promotion) предполагает форсированное финансирование исследований и разработок, в том числе двойного назначения, развитие цифровой и энергетической инфраструктуры;
- защита (Protection) направлена на усиление экспортного контроля, инвестиционного контроля, предотвращение утечки данных;
- международное сотрудничество (Partnership) направлено на развитие связей со странами-единомышленниками преимущественно в Индо-Тихоокеанском регионе, участие в формировании международных стандартов и правил, создании новых рынков.

В данном документе акцентируется внимание также на развитии сотрудничества между государством и частным сектором: для обеспечения эффективной коллаборации представителей власти, науки и бизнеса планируется создание платформенных решений в целях продвижения исследований и разработок в областях, стратегически значимых с точки зрения экономической безопасности. Фокус на усиление взаимосвязи науки и технологий с национальной безопасностью прослеживается и в принятом 27 марта 2026 г. Базовом плане развития науки, технологий и инноваций[10], в котором наука, технологии и инновации рассматриваются не только как «основа экономики и общества», но и как «ключевой элемент, определяющий само суще-

---

[8] Acquisition, Technology & Logistics Agency (ATLA): официальный сайт. https://www.mod.go.jp/atla/en/ (дата обращения: 28.04.2026).

[9] План действий по укреплению промышленной и технологической базы в сфере экономической / METI. безопасности https://www.meti.go.jp/policy/economy/economic_security/250530actionplanr2.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

[10] 第７期科学技術･イノベーション基本計画（令和８年３月２７日閣議決定）[7-й Базовый план научно-технических инноваций] / Кабинет министров Японии. https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/7honbun.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

ствование государства». Отметим, что новым Базовым планом предусмотрено существенное увеличение объема как государственного финансирования исследований и разработок (ИиР), так внутренних затрат на исследования и разработки.

В Китае милитаризация науки является частью национальной стратегии военно-гражданской интеграции (*англ.* Strategy for Military-Civilian Integration)[11], предполагающей выстраивание такой институциональной среды, которая будет способствовать адаптации научных достижений, полученных в результате гражданских исследований и разработок, к военным целям, и наоборот. В качестве реперной точки можно отметить принятие Закона «О национальной безопасности»[12] в 2015 г., в соответствии с которым концепция национальной безопасности была существенно расширена, в частности, в контур национальной безопасности были включены наука и технологии. В качестве важных институциональных преобразований следует отметить принятие плановых документов, закрепляющих принципы секьюритизации науки:

- «13-й пятилетний план интеграции и развития военной и гражданской науки и техники»[13], детализирующий механизмы передачи и обмена технологиями между гражданским и военным секторами;
- «14-й пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и наброски долгосрочных целей на 2035 год», который ознаменовал переход от простого сотрудничества к созданию единой национальной системы. Акцент сделан на прорывных инновациях в следующих областях: искусственный интеллект (создание систем ИИ, которые могут управлять как городским трафиком, так и беспилотными летательными аппаратами); квантовые технологии; развитие инфраструктуры, адаптированной как для целей гражданских ИиР, так и для военных; унификация технологических стандартов;

---

[11] Strategy for Military-Civilian Integration [Стратегия военно-гражданской интеграции] / China SCIO. 11.07.2019. http://english.scio.gov.cn/featured/chinakeywords/2019-07/11/content_74977618.htm (дата обращения: 28.04.2026).

[12] 中华人民共和国国家安全法 (主席令第二十九号) [Закон Китайской Народной Республики «О национальной безопасности» (Указ Президента № 29)] / 新华社. 2015.07.01. https://www.gov.cn/zhengce/2015-07/01/content_2893902.htm (дата обращения: 28.04.2026).

[13] 科技部　中央军委科学技术委员会关于印发《"十三五"科技军民融合发展专项规划》的通知 [Уведомление Комитета по науке и технологиям Центральной военной комиссии Министерства науки и технологий о выпуске «13-го пятилетнего плана интеграции и развития науки и техники, военной и гражданской»] / Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China, 12.04.2017. https://www.most.gov.cn/xxgk/xinxifenlei/fdzdgknr/qtwj/qtwj2017/201708/t20170824_134588.html (дата обращения: 28.04.2026).

- «15-й пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики»[14], закрепляющий курс на полную технологическую независимость для минимизации рисков внешней блокады. В качестве приоритета научно-технологического развития определены технологии искусственного интеллекта и три фундаментальных направления исследований: квантовые технологии, биотехнологии и энергетика. 15-й план предусматривает увеличение финансирования НИОКР, а в качестве целевого показателя обозначен цепной рост внутренних затрат на исследования и разработки в размере 7%. При этом предполагается неравномерное распределение дополнительного финансирования, приоритет отдается именно фундаментальным исследованиям с целью формирования «научного задела» в тех областях, где Китай еще зависим от западных фундаментальных открытий или лицензий.

Предпринимаются меры и по защите результатов исследований и разработок. Существенно ограничивается возможность публикации научных результатов в зарубежных журналах открытого доступа, устанавливается предельный лимит расходов на указанные цели из всех государственных источников, включая Национальный фонд естественных наук Китая. Отдельно следует отметить практику Китайской академии наук по публикации «черных списков» – так называемых специальных перечней зарубежных научных изданий, «вызывающих опасения» [19].

Секьюритизация науки в России: институциональные изменения

Секьюритизация российской науки нашла отражение в принятии ряда нормативно-правовых актов, изменяющих систему управления наукой. Важнейшим документом, устанавливающим связь между наукой и национальной безопасностью, является Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400)[15]. Так, в пункте 22 этого документа стратегического планирования наука определяется как ключевой фактор кон-

[14] 中華人民共和國國民經濟和社會發展第十五個五年規劃綱要 [Наброски Пятнадцатого пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики] / Информационное агентство Синьхуа (Пекин), 13 марта 2026 г. http://big5.www.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/yaowen/liebiao/202603/content_7062633.htm (дата обращения: 28.04.2026).

[15] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Администрация Президента России. http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 28.04.2026).

курентоспособности и обороны: «Состояние науки, инновационной сферы, промышленности, системы образования, здравоохранения и культуры превращается в ключевой индикатор конкурентоспособности России. Выход на передовые позиции в этих областях обеспечит дальнейшее укрепление обороноспособности страны…». Эта формулировка устанавливает прямую причинно-следственную связь между состоянием науки и возможностью государства защищать себя. Отставание в науке приравнивается к угрозе обороноспособности. В пункте 26 научно-технологическое развитие прямо названо стратегическим национальным приоритетом, что делает его объектом в процессе обеспечения национальной безопасности. В настоящее время в научном дискурсе закреплен подход, согласно которому показатели научно-технологического развития применяются при мониторинге экономической безопасности России, а неудовлетворительное состояние научной сферы признается самостоятельным вызовом или угрозой [20].

В 2024 г. по распоряжению Президента Российской Федерации был образован Научно-экспертный совет Совета Безопасности Российской Федерации (далее НЭС СБ РФ) «в целях повышения научно-методологического и экспертно-аналитического обеспечения» деятельности Совбеза. При этом был упразднен существовавший ранее научный совет при Совете Безопасности РФ.

НЭС СБ РФ возглавляет секретарь Совета Безопасности. Ключевыми задачами Научно-экспертного совета являются:

- научно-методическое и экспертно-аналитическое обеспечение деятельности Совета Безопасности;
- оценка состояния национальной безопасности и прогнозирование внутренних и внешних угроз;
- подготовка предложений по совершенствованию государственной политики в сфере национальной безопасности;
- уточнение Стратегии национальной безопасности;
- разработка национальных проектов и федеральных программ по национальной безопасности;
- проведение экспертизы нормативных документов, поступающих в Совет Безопасности.

Решения НЭС СБ РФ носят рекомендательный характер. Они направляются в федеральные органы власти, субъекты РФ и научно-исследовательские организации[16]. Учитывая статус данного Совета, его решения все же носят скорее обязательный, чем рекомендательный характер.

[16] Научно-экспертный совет Совбеза России // Рувики: интернет-энциклопедия. https://ru.ruwiki.ru/wiki/Научно-экспертный_совет_Совбеза_России (дата обращения: 28.04.2026).

Отдельно следует остановиться на мерах по защите результатов научно-исследовательской деятельности и по противодействию утечке стратегически значимой информации. Дополнением к классической системе по ограничению доступа к результатам научно-исследовательских работ, относимых к государственной тайне[17], следует выделить принятие Федерального закона от 24.06.2025 г. № 159-ФЗ, который внес поправки в статьи 7.1 и 16 базового закона «О науке и государственной научно-технической политике». Данный закон устанавливает необходимость согласования участия иностранных граждан, иностранных организаций и российских организаций с иностранным участием в проведении отдельных научно-исследовательских работ по направлениям, которые утверждаются отдельным перечнем Правительства Российской Федерации по представлению Минобрнауки России и согласованию с ФСБ России. Таким образом, данный закон наделяет органы безопасности полномочиями по контролю и согласованию международного научного сотрудничества, что ранее входило в компетенцию Российской академии наук.

Во исполнение данного закона утверждены Правила согласования участия указанных лиц в научно-исследовательских работах[18], в соответствии с которыми процесс согласования проходит через систему ЕГИСУ НИОКТР (Единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения), созданную еще в 2013 г.[19] Изначально главной задачей данной системы был учет и мониторинг с целью исключения дублирования исследований. Однако с 2022 г. ее роль кардинально изменилась: она стала «ядром глобального проекта

---

[17] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.07.2025 г. № 1805-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 г.» // ГАРАНТ. РУ: информационно-правовой портал. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412194202/ (дата обращения: 28.04.2026).

[18] Постановление Правительства Российской Федерации от 27.11.2025 г. № 1894 «Об утверждении Правил согласования с Федеральной службой безопасности Российской Федерации участия иностранных граждан и иностранных организаций, а также российских организаций, участниками (учредителями) которых являются иностранные граждане и (или) иностранные организации, в научной и (или) научно-технической деятельности и экспериментальных разработках» // Правительство России. http://government.ru/docs/all/162115/ (дата обращения: 28.04.2026).

[19] Постановление Правительства Российской Федерации от 12.04.2013 г. № 327 «О Единой государственной информационной системе учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения» (вместе с «Положением…») // Официальный интернет-портал правовой информации. 17.04.2013. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201304170008 (дата обращения: 28.04.2026).

по цифровой трансформации науки»[20], а также ядром управления наукой.

С одной стороны, эти меры, безусловно, важны как ответы на современные большие вызовы. С другой стороны, не следует забывать и о научной дипломатии, то есть о продвижении на международной арене национальных интересов и достижений национальной науки политиками, дипломатами, учеными и научными организациями. Научная дипломатия и инструменты «мягкой силы», к которым, в частности, относятся наука, технологии и инновации, позволяют достаточно оперативно представлять зарубежным партнерам свое ви́дение исследовательских проблем, ценностей и приоритетов. Нельзя, на наш взгляд, чрезмерно усложнять процедуры согласования участия иностранных граждан и иностранных организаций, а также российских организаций, участником (учредителем) которых является иностранный гражданин и (или) иностранная организация в научной и (или) научно-технической деятельности и экспериментальных разработках, проводимых российскими организациями, независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности. Под угрозой будут находиться все три сегмента научной дипломатии: научная экспертиза – при формировании внешней политики; содействие международному научному сотрудничеству; использование научного сотрудничества для улучшения международных отношений между странами. Причем это будет касаться и отношений с дружественными странами.

Несмотря на сильнейшее санкционное давление по всем направлениям, наша страна остается сильным партнером в научной сфере, в которой она выступает пока еще как безусловный авторитет. Контакты исследователей и научных организаций продолжаются, идет реализация международных научных проектов. Важно сохранять и преумножать эти контакты, даже при сегодняшних непростых условиях.

Мобилизационный режим: прикладные и фундаментальные исследования

По определению академика А.Д. Некипелова, в отличие от результатов фундаментальных исследований, продукт прикладных разработок носит товарный характер, и их финансирование является прерогативой бизнеса. Однако «в случае необходимости государство, разумеется, может поддерживать бизнес, создавая экономические условия, благоприятствующие вложению средств в прикладные исследования»

[20] В России будет создана единая система управления научными исследованиями // Минобрнауки России: официальный сайт. 04.07.2022. https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/53645/ (дата обращения: 28.04.2026).

[21, с. 134]. Представляется, что здесь показана идеальная ситуация, к которой необходимо стремиться. Пока же доля участия предпринимательского сектора в финансировании исследований и разработок у нас в стране составляет немногим более 30%, тогда как во многих странах она существенно больше, а именно 50–80% (подробнее см.: [22]). Таким образом, российскому государству приходится работать на «два фронта»: финансировать и фундаментальные, и прикладные исследования. Мобилизационный режим, думается, положение отнюдь не улучшит. Так, например, с 2023 г. Российский научный фонд наряду с поддержкой фундаментальных исследований финансирует и прикладные, а также технологические проекты. За период с 2023 г. РНФ поддержал 94 проекта в области микроэлектроники на общую сумму 6,8 млрд руб. Спектр поддерживаемых проектов расширяется: в 2025 г. были поддержаны 26 исследовательских инициатив в рамках национальных проектов «Новые материалы и химия», «Средства производства и автоматизации», «Промышленное обеспечение транспортной мобильности»[21]. Устанавливается приоритетность поддержки для проектов, предусматривающих в конце срока их реализации формирование научно-технического задела по важнейшим направлениям научно-технологического развития в целях создания новых или усовершенствования применяемых технологий в реальном секторе экономики.

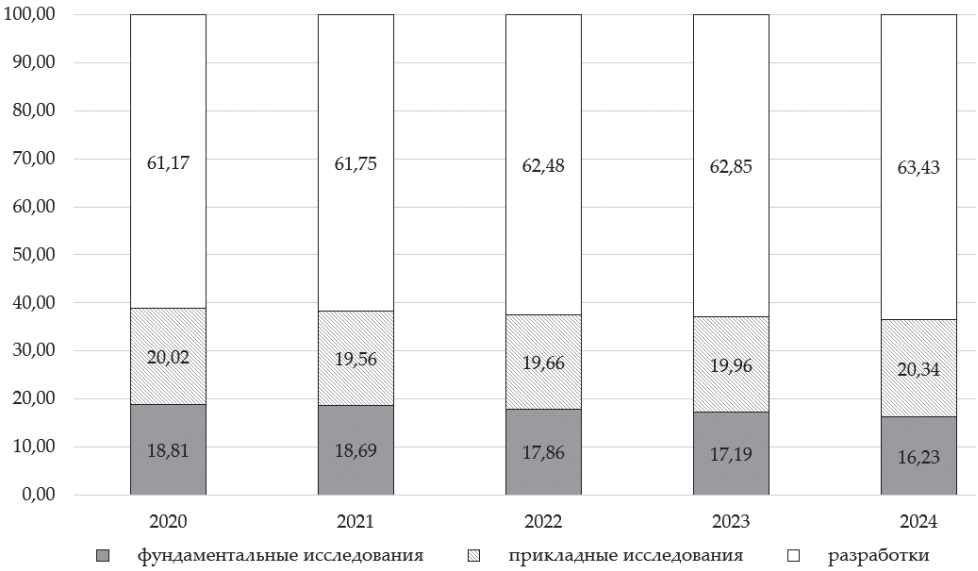
Анализ динамики внутренних затрат на исследования и разработки (ВЗИР) показывает структурный сдвиг в сторону прикладных исследований и разработок (см. рис. 1). За период с 2020 г. доля этих работ в общем объеме ВЗИР возросла на 2,57 п.п., а в абсолютных цифрах их объем увеличился на 61% – с 886,1 до 1 427,2 млрд руб.

Мобилизационный режим с акцентом на прикладных исследованиях накладывает отпечаток и на деятельность РАН как главного экспертного органа страны. В Аналитическом докладе о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными, представленном в Правительство РФ в 2025 г., появился раздел «О механизме проведения экспертизы прикладных исследований, финансируемых из средств федерального бюджета», где говорится о необходимости серьезного развития этого направления экспертной деятельности академии, – в настоящее время РАН дает экспертные заключения лишь на 10 % всех прикладных исследований[22].

---

[21] Российский научный фонд поддерживает тысячи ученых // Первый Севастопольский. 2025. https://sev.tv/news/111640.html (дата обращения: 07.04.2026).

[22] Аналитический доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными (основные положения). М.: Российская академия наук, 2025.



Источник: Росстат. https://www.rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 07.04.2026).

Рис. 1. Структура внутренних затрат на исследования и разработки по видам работ, %

Вместе с тем и в фундаментальных исследованиях имеется «мобилизационная» составляющая: по словам президента Российской академии наук, «в 2023 г. запущены фундаментальные и поисковые исследования для обороны и безопасности страны»[23]. Представляется, что такие исследования связаны с военно-техническими и стратегическими прогнозами международной ситуации, оценкой характера угроз для национальной/экономической безопасности. Не в последнюю очередь в связи с этим, по рекомендациям РАН, требуется довести расходы на фундаментальные исследования к 2030 г. до 0,4% ВВП (сейчас около 0,14%), причем это увеличение должно быть достигнуто с учетом паритетного вклада бизнеса[24]. При всем уважении к данным рекомендациям отметим (вслед за ак. А.Д. Некипеловым), что прерогативой предпринимательского сектора является все же финансирование прикладных исследований.

Мобилизационный режим, стимулируя прикладные исследования, не должен приводить к недооценке фундаментальной науки – именно она является глубинным источником прорывных технологий

[23] Особая роль. Главы РАН и правительства обсудили текущие задачи // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. 10 апреля 2026. № 15. С. 2. https://poisknews.ru/releases/osobaya-rol/ (дата обращения: 28.04.2026).

[24] Роль на вырост. РАН в контуре управления научно-технологическим развитием // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. 5 июня 2026. № 23. С. 5.

и инновационного экономического роста. В условиях глобальной турбулентности все отчетливее прослеживается консенсус: создание передовых технологий и удержание мировых рынков требуют опоры на собственный фундамент знаний. Заимствование же чужих фундаментальных разработок неизбежно ведет к технологическому отставанию и утрате суверенитета.

Заключение

Ориентирование государственной научно-технической политики на большие вызовы, в первую очередь связанные с обеспечением национальной безопасности, определяет новую роль науки и технологий как основополагающего элемента решения многих национальных и глобальных проблем, дающего возможность прогнозировать происходящие в мире изменения, учитывать внутренние тенденции, ожидания и потребности российского общества.

Своевременная реакция всей системы государственного управления на большие вызовы должна обеспечивать создание технологий, продуктов и услуг, не только отвечающих национальным интересам и решающих задачи формирования условий для высокого качества жизни и деятельности граждан на всей территории страны, но и востребованных на мировых рынках. Однако достижение этих целей невозможно без всемерного развития фундаментальной науки, которая представляет собой экспериментальную или теоретическую деятельность, направленную на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды[25]. В СНТР-2024 (пункт 19) говорится, что «ключевую роль в подготовке научно-технологического сектора страны к новым большим вызовам должна сыграть российская фундаментальная наука, обеспечивающая получение новых знаний и опирающаяся на внутреннюю логику своего развития».

По нашему мнению, введение мобилизационного режима в российской науке и ее секьюритизации в глобальном масштабе приведет к ослаблению той ключевой роли, которую фундаментальная наука должна выполнять в сложившихся геополитических и экономических условиях. О такой вероятности свидетельствует динамика внутренних затрат на исследования и разработки, а также ориентация Российского научного фонда на грантовое финансирование преимущественно прикладных исследований. Особенно настораживает то, что РНФ после

[25] Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) «О науке и государственной научно-технической политике», ст. 2. http://kremlin.ru/acts/bank/9973 (дата обращения: 28.04.2026).

реорганизации Российского фонда фундаментальных исследований стал практически научным фондом-монополистом.

Выход из создавшегося положения видится авторами как в диверсификации источников финансирования исследований и разработок за счет увеличения объема частных инвестиций в научную, научно-техническую и инновационную деятельность, что позволит государству сосредоточиться именно на поддержке фундаментальной науки, так и в увеличении государственного финансирования исследований и разработок до уровня, сопоставимого с уровнем финансирования фундаментальной науки в странах – лидерах научно-технологического развития (подробнее см.: [22]).

Мобилизационный характер научной политики и процессы секьюритизации науки требуют принятия управленческих решений государства не только по формированию ответов на большие вызовы, но и по системной оценке соответствующих рисков. Ключевым инструментом здесь выступает создание и постоянное совершенствование системы индикаторов национальной безопасности, включая определение пороговых значений для каждого показателя. Цель – обеспечить своевременное предупреждение глобальных угроз без избыточного расходования ресурсов, сохраняя при этом необходимый уровень защищенности страны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Сенчагов В.К.* Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность. М.: Анкил, 2010. [*Senchagov V.K.* Economy, Finance, Prices: Evolution, Transformation, Security. Moscow: Ankil, 2010. (In Russ.).]
2. *Дегтярев А.Н., Ильина И.Е.* СНТР-2.0. Триггеры и драйверы технологического суверенитета России // Управление наукой и наукометрия. 2024. Т. 19. № 3. С. 486–499. [*Degtyarev A.N., Ilina I.E.* SSTD 2.0. Triggers and Drivers of Russia's Technological Sovereignty // Science Governance and Scientometrics. 2024. Vol. 19. No. 3. Pp. 486–499. (In Russ.).] EDN: YRJFGA. DOI: 10.33873/2686-6706.2024.19-3.486-499.
3. *Ворожихин В.В., Заварухин В.П., Ларионова Е.И.* Современные инструменты совершенствования управления развитием науки России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 5. С. 59–82. [*Vorozhikhin V.V., Zavarukhin V.P., Larionova E.I.* Modern Tools for Improving the Management of Science Development in Russia // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 5. Pp. 59–82. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2023_5_59_82.
4. *Еремин В.В., Побываев С.А., Сильвестров С.Н.* Экономические факторы глобальной конкуренции // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 6. С. 86–108. [*Eremin V.V., Pobyvaev S.A., Silvestrov S.N.* Economic Factors of Global Competition // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 6. Pp. 86–108. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_86_108.
5. *Матюшок В.М., Балашова С.А.* Неравенство мирового развития как глобальный вызов: модели «ответа» // Мир новой экономики. 2021. Т. 15. № 4. С. 74–87.

[*Matyushok V.M., Balashova S.A.* Inequality of World Development as a Global Challenge: 'Response' Models // World of New Economy. 2021. Vol. 15. No. 4. Pp. 74–87. (In Russ.).] EDN: JABVXD. DOI: 10.26794/2220-6469-2021-15-4-74-87.
6. *Дежина И.Г.* Мобилизация науки? Вызовы технологического суверенитета // Науковедческие исследования. 2025. № 3. С. 89–106. [*Dezhina I.G.* Mobilization of Science? Challenges of Technological Sovereignty // Science Studies. 2025. No. 3. Pp. 89–106. (In Russ.).] EDN: JACLBA. DOI: 10.31249/scis/2025.03.06.
7. *Wæver O.* Politics, security, theory // Security Dialogue. 2011. Vol. 42. No. 4–5. Pp. 465-480. DOI: 10.1177/0967010611418718.
8. *Ruohonen J.* On the securitization of science // Ethics, Medicine and Public Health. 2026. Vol. 34. P. 101237. DOI: 10.1016/j.jemep.2025.101237.
9. *Гайдаев О.С.* Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32. [*Gaidaev O.S.* Securitization Theory, or Nothing New under the Sun: On the Theoretical and Philosophical Origins and Emergence of the Theory // RUDN Journal of International Relations. 2021. Vol. 21. No. 1. Pp. 20–32. (In Russ.).] EDN: NNEVCH. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32.
10. *Dao Tam K., et al.* Responsible Collaboration through Appropriate Research Security: A Workshop to Discuss and Study the Emergent Discipline of Research on Research Security / Houston: Rice University's Baker Institute for Public Policy, September 5, 2024. DOI: 10.25613/YFR2-1593.
11. *Shih T., Wagner C.S.* The Trap of Securitizing Science // Issues in Science and Technology. 2024. Vol. 41. No. 1. Pp. 100–103. DOI: 10.58875/zsdo9141.
12. *Shih T.* Securitizing Science: A Careful Consideration of Tradeoffs is Needed // International Higher Education. 2025. No. 124. DOI: 10.6017/895b9e0d.b10532b9.
13. *Wit H., Glass C.R.* Navigating the Political versus Social Realities of "Responsible Internationalization." // International Higher Education. 2024. No. 121. DOI: 10.6017/895b9e0d.366509d1.
14. *Дежина И.Г.* Меняющийся ландшафт научной политики в условиях движения к технологическому суверенитету // Управление наукой и наукометрия. 2025. Т. 20. № 3. С. 369–386. [*Dezhina I.G.* The Changing Landscape of Science Policy in the Context of Moving towards Technological Sovereignty // Science Governance and Scientometrics. 2025. Vol. 20. No. 3. Pp. 369–386. (In Russ.).] DOI: 10.33873/2686-6706.2025.20-3.369-386.
15. *Кувшинова О.* «Секьюритизация» науки / Эконс. 30.10.2025. https://econs.online/articles/ekonomika/sekyuritizatsiya-nauki/ (дата обращения: 28.04.2026). [*Kuvshinova O.* "Securitization" of Science / Econs. 30.10.2025. https://econs.online/articles/ekonomika/sekyuritizatsiya-nauki/ (accessed: 28.04.2026). (In Russ.).]
16. *Haddad C., Vorlíček D., Klimburg-Witjes N.* The Security-Innovation Nexus in (Geo-) Political Imagination. Geopolitics. 2024. 29 (3). Pp. 741–764. DOI: 10.1080/14650045.2024.2329940.
17. *Watts T.F.A.* The offset imaginary: Great power competition, security imaginaries, and the making of artificial intelligence in American defense planning. Contemporary Security Policy. 2026. 47 (2). Pp. 384–414. DOI: 10.1080/13523260.2025.2599250.
18. *Паксютов Г.Д.* Японская стратегия экономической безопасности: секьюритизация экономического возвышения Китая? // Японские исследования. 2023. № 4. С. 6–17.

[*Paksyutov G.D.* Japan's Economic Security Strategy: Securitization of China's Economic Rise? // Japanese Studies. 2023. No. 4. Pp. 6–17. (In Russ.).] EDN: YLVKRF. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-4-6-17.

19. *Белявский О., Шаров А.* Благо для науки. Как в Китае повышают публикационную активность ученых // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. 03.04.2026. № 14. С. 14. https://poisknews.ru/releases/blago-dlya-nauki/ (дата обращения: 28.04.2026). [*Belyavsky O., Sharov A.* Good for Science: How China Increases Scientists' Publication Activity // Poisk: weekly newspaper of the scientific community. 03.04.2026. No. 14. P. 14. https://poisknews.ru/releases/blago-dlya-nauki/ (accessed: 28.04.2026). (In Russ.).]
20. *Беляевская-Плотник Л.А.* Цифровой «радар» экономической безопасности государства: теория, методика, апробация // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 15. № 6А. С. 119–131. [*Belyaevskaya-Plotnik L.A.* Digital 'Radar' of the State's Economic Security: Theory, Methodology, Approbation // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2025. Vol. 15. No. 6A. Pp. 119–131. (In Russ.).] EDN: PZIKDB. DOI: 10.34670/AR.2025.96.47.012.
21. *Некипелов А.Д.* От нейтрализации внешних шоков к устойчивому долгосрочному развитию // Научные труды Вольного Экономического общества России. 2024. Т. 248. С. 130–142. [*Nekipelov A.D.* From Neutralization of External Shocks to Stable Long-run Development // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2024. Vol. 248. Pp. 130–142. (In Russ.).] DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-130-142.
22. *Черных С.И., Фролова Н.Д.* Фундаментальные, прикладные и поисковые научные исследования: нормативно-правовая корректировка понятийного аппарата и проблемы финансирования // Управление наукой и наукометрия. 2025. № 2. С. 196–215. [*Chernykh S.I., Frolova N.D.* Basic, Applied and Exploratory Scientific Research: Regulatory and Legal Adjustment of the Conceptual Framework and Financing Problems // Science Governance and Scientometrics. 2025. No. 2. Pp. 196–215. (In Russ.).] EDN: TJAENY. DOI: 10.33873/2686-6706.2025.20-2.196-215.

Дата поступления рукописи: *20.08.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *20.10.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Черных Сергей Иннокентьевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра исследований проблем государственного управления ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7791-1748
serge-chernn@yandex.ru

Фролова Надежда Дмитриевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором институтов и механизмов государственного управления Центра исследований проблем государственного управления ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3696-2688
nrasskazikhina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergey I. Chernykh – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Center for Public Administration Research, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7791-1748
serge-chernn@yandex.ru

Nadezhda D. Frolova – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Head of the Public Administration Institutions and Mechanisms Section, Center for Public Administration Research, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3696-2688
nrasskazikhina@yandex.ru

GRAND CHALLENGES AND SCIENCE SECURITIZATION

The article examines the transformation of the role of science amidst global turbulence, sanctions, and escalating geopolitical confrontation. The focus is on the securitization of science – its subordination to national security objectives – as a response to the "grand challenges" identified in the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation (SSTD-2.0). The state's administration decisions related to institutional changes in the Russian scientific and technological sphere have been analyzed (establishment of the Scientific Expert Council of the Security Council of the Russian Federation, new rules for foreign participation in research, transformation of the role of the Unified State Information System for R&D). A comparative analysis of science securitization approaches in Japan (three "P" concept, Economic Security Promotion Act) and in China (military-civilian integration strategy, five-year plans) is provided. The article demonstrates a reorientation of the Russian Science Foundation's grant policy towards applied research in connection with the mobilization regime, which creates risks for underfunding for basic science. The necessity of diversifying R&D funding sources through private business, as well as developing a system of national security indicators for the science and technology sector, is substantiated. The importance of balancing protective measures with the advancement of science diplomacy is emphasized.

Keywords: *national security, grand challenges, securitization of science, mobilization regime, fundamental research, technological sovereignty, SSTD-2024.*

JEL: O32, O38.

А.З. МИДОВ
кандидат экономических наук,
доцент Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова

М.В. ШАКЛЕИНА
кандидат экономических наук,
доцент Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ С УЧЕТОМ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ И УРОВНЯ ФИНАНСОВОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ: ЭКОНОМЕТРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ[1]

Статья посвящена выявлению стратегических приоритетов повышения качества жизни населения регионов России с учетом отраслевой структуры экономики и уровня финансовой самостоятельности. По данным Росстата за 2010–2023 гг. по 82 регионам методом главных компонент построен интегральный индикатор качества жизни. Панельное моделирование с региональными и временными эффектами за 2016–2023 гг. проведено отдельно для трех групп регионов с разным уровнем бюджетной обеспеченности. Установлено, что бюджетная обеспеченность формирует ресурсные возможности регионального развития, однако сама по себе не определяет достигнутый уровень качества жизни: характер взаимосвязи между отраслевой структурой экономики и качеством жизни существенно различается между группами регионов. В дотационных регионах положительная связь с качеством жизни выявлена для образования и отдельных видов сервисной деятельности (включая туристско-рекреационные услуги) с относительно низким порогом капитальных вложений, тогда как расширение бюджетного сектора (государственное управление и социальное обеспечение) связано с отрицательным эффектом. Для финансово самостоятельных регионов значимую роль играет развитие человеческого капитала, одновременно отрицательная связь с масштабом деятельности в сфере водоснабжения, водоотведения и обращения с отходами отражает влияние техногенной нагрузки. Для регионов со средним уровнем финансовой самостоятельности устойчивого набора отраслевых факторов не выявлено, что указывает на необходимость их дополнительной типологизации. Результаты показывают, что единый набор отраслевых приоритетов для российских регионов эмпирически не обоснован: стратегический выбор должен учитывать сочетание

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00319 «Экономико-демографический анализ качества жизни населения России».

финансовых возможностей территории и сложившейся специализации и отраслей, развитие которых связано с повышением качества жизни, что определяет переход от унифицированных стратегий к дифференцированным.

Ключевые слова: *качество жизни, стратегирование, стратегические приоритеты, интегральный индикатор, панельная регрессия, регионы, финансовая самостоятельность.*

УДК: 332.1, 330.43

EDN: AGRSUK

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_5_60_92

Введение

Повышение качества жизни населения является генеральной целью стратегии социально-экономического развития региона и одним из ключевых критериев эффективности государственной политики. Однако использование этой категории в стратегировании осложняется ее многомерностью: как правило, качество жизни населения измеряют показателями, связанными с производством и доходами, которые отражают ресурсную основу благополучия, но не характеризуют в полной мере здоровье, образование, доступность общественных услуг, безопасность, состояние окружающей среды и возможности самореализации. Для российских регионов проблема особенно значима вследствие различий в отраслевой структуре и в уровне бюджетной обеспеченности.

Развитие теории качества жизни происходило по мере расширения представлений о благосостоянии и общественном прогрессе, вследствие чего в научной литературе сложилось несколько подходов к его пониманию. Экономическая концепция связывает качество жизни с объемом материальных ресурсов и рассматривает экономический рост как основу его повышения [49]. Достоинством данного подхода является простота в количественной оценке и возможность сопоставления территорий через показатели ВВП, ВНД. Несостоятельность отождествления благосостояния с валовым национальным продуктом на душу населения была осознана постепенно, по мере накопления эмпирических данных: Р. Истерлин определил разрыв между долгосрочным ростом среднедушевого дохода и субъективным благополучием [24]; Б. Фрай и А. Стутцер показали, что на благополучие, помимо дохода, влияют безработица, инфляция и институциональные факторы [29]. Развитие исследовательского направления «за пределами ВВП» Дж. Стиглицем, Ж.-П. Фитусси показало, что ВВП не в полной мере определяет общественный прогресс, необходимо учитывать неравенство в распределении доходов, экологическую и социальную устойчивость развития [51]. Экономическое развитие выступает необходимым, но не достаточным условием повышения качества жизни.

Утилитаристская концепция определяет качество жизни через полезность, получаемую человеком от использования благ. Качество жизни оценивается через удовлетворенность жизнью, основывается на субъективной оценке индивида различных сфер жизнедеятельности [10]. Э. Динер с соавторами разграничил когнитивную и аффективную составляющие благополучия [20] и показал, что наряду с доходом его устойчивыми предикторами выступают здоровье и социальные связи [21]. Преимуществом подхода является учет индивидуального восприятия условий жизни. Его ограничение связано с тем, что субъективные оценки зависят от ожиданий, ценностей и культурных норм.

Концепция расширения человеческих возможностей определяет качество жизни через реальные свободы человека выбирать и реализовывать значимые для него виды деятельности. Доход и другие материальные блага рассматриваются не как конечная цель, а как средства достижения необходимого уровня образования, достойной занятости и самореализации [40; 48]. Одинаковые доходы могут обеспечивать разное качество жизни в зависимости от доступности общественных услуг.

Синтез объективных индикаторов и субъективных оценок благополучия составляет основу прагматической концепции качества жизни. По мере развития данной концепции сформировалась трактовка качества жизни как латентной, синтетической по своей природе и многомерной категории. Среди подходов, реализующих такую трактовку, особое место занимает *методология интегральных индикаторов С.А. Айвазяна [2], где качество жизни раскрывается в ней через четыре синтетические категории: качество населения, уровень благосостояния, качество социальной сферы и качество экологической ниши.*

Методологической основой актуальных подходов к оценке интегрального индикатора качества жизни служит преимущественно линейная свертка входящих переменных, тогда как различия между измерителями определяются типом используемых данных: статистические показатели [44; 47], данные социологических опросов [26; 45] либо их сочетание [34; 42]. Однако М. Равальон [46] и М. Флёрбе [27] показали, что результаты составных индексов зависят от произвольного выбора весов и процедуры агрегирования. В этой связи методологическим требованием к свертке показателей, определяющих качество жизни, является обоснование выбора весов, что обеспечивается методологией интегральных индикаторов С.А. Айвазяна [2; 17].

С учетом рассмотренных *подходов в настоящей работе качество жизни определяется как многомерная характеристика условий, возможностей и результатов жизнедеятельности населения, отражающая материальную обеспеченность, развитие человеческого потенциала, доступность*

общественных благ, безопасность, качество социальной и природной среды и возможности реализации жизненных стратегий.

Ключевая роль высокого качества жизни населения отмечается в работах академика В.*Л.* Квинта, где рассматриваемая категория трактуется как «раскрытие креативных возможностей человека, которые должны обеспечиваться на корпоративном, региональном и национальном уровне благодаря внедрению системы управления качеством» [7, с. 425]. Поскольку генеральной целью региональной стратегии выступает улучшение качества жизни населения, закономерно встает вопрос о том, какие именно стратегические приоритеты следует реализовывать для достижения этой цели [6, с. 77]. В данном контексте зависимость региональной экономики от узкого круга производящих отраслей может быть преодолена за счет стимулирования новых видов экономической деятельности при условии достаточности ресурсного потенциала территории. Ожидаемым следствием такого стимулирования становится формирование сбалансированной структуры занятости, диверсификация источников дохода населения и более равномерное распределение рыночных рисков между секторами региональной экономики [8; 19]. К. Френкен и соавторы обосновывают ключевую роль основанной на знаниях региональной специализации [28], а в диверсифицированной региональной экономике наблюдается более высокое качество жизни при более низкой безработице [22]. Необходимость выхода за рамки ВВП при оценке общественного прогресса [51] обосновывает применение интегрального индикатора качества жизни как целевого показателя региональной стратегии.

Неравномерное распределение базовых факторов экономического развития влечет различия в уровне развития территорий [36], что является следствием процессов дивергенции и наибольшего отставания слаборазвитых регионов [37]. В России сильная неоднородность экономического развития регионов выражается в большом количестве регионов-реципиентов, зависящих от безвозмездных поступлений из федерального центра [5]. Данные условия усиливают неоднородность регионов, что создает разные предпосылки для обеспечения экономического роста посредством реализации региональных стратегий в условиях ограниченных ресурсов. Именно поэтому качество жизни может выступать эффективным показателем отбора стратегических приоритетов, особенно для регионов-реципиентов.

Эмпирические исследования подтверждают «парадокс Истерлина»: связь экономического роста с качеством жизни, которая выражена субъективным индикатором удовлетворенности жизнью, сохраняется лишь до достижения определенного порогового уровня дохода [24]. Исследование, проведенное на российских данных [11], выявило прямую взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и эконо-

мическим ростом, что может говорить о том, что пороговое значение доходов еще не достигнуто. Ряд исследований уточняют это положение: увеличение ВВП не сопровождается автоматическим ростом благополучия вследствие неравномерного распределения экономических результатов, а периоды опережающей динамики благополучия относительно ВВП неустойчивы [31]; экономическая диверсификация способна усиливать межрегиональные различия, поскольку ее преимущества полнее реализуются в развитых регионах [38]. Сходные результаты были продемонстрированы на российских данных. Н.Н. Михеева показала, что экономический рост большинства российских регионов сопровождался снижением индекса инклюзивного развития [39]. В работе К.А. Туманянц с соавторами установлена устойчивая двунаправленная отрицательная связь между неравенством доходов и темпами роста валового регионального продукта [13].

Экономическое развитие трактуется в настоящей работе как фактор качества жизни, не тождественный ему, что предопределяет выбор интегрального индикатора, но не ВРП, в качестве целевой переменной, а приоритетной задачей – поиск направлений переориентации отраслевой структуры, способствующих росту качества жизни населения в долгосрочной перспективе.

Названные структурные факторы качества жизни определяют круг стратегических приоритетов, однако состав их, как мы предполагаем, не может быть единым для регионов с разным уровнем ресурсной обеспеченности.

Стратегические приоритеты в контексте возможностей экономической диверсификации

Неоднородность экономического и социального развития российских регионов, проявляющаяся в различном уровне развитости промышленной структуры и размере среднего класса [14; 15], обусловливает объективную ограниченность ресурсной базы, на которую могут опираться стратегии социально-экономического развития, и тем самым предопределяет дивергентный характер траекторий их развития. Такие предпосылки находят выражение в различном уровне финансовой самостоятельности регионов [1]. Данное различие обусловлено действующей моделью межбюджетных отношений [16], закрепляющей зависимость значительной части субъектов от федеральных трансфертов. Гарантируя единые стандарты публичных благ через выравнивание бюджетной обеспеченности, трансферты не создают стимулов к самостоятельному развитию у регионов-реципиентов и сопряжены с замедлением их долгосрочного роста [23], что обосновывает первостепенность для этой группы задачи поиска внутренних точек роста.

Методологическое и теоретическое обоснование критериев, обусловливающих уровень финансовой самостоятельности регионов, рассматривается в теории бюджетного федерализма. Согласно модели Ч. Тибу, конкуренция между территориями способствует более точному учету предпочтений населения при предоставлении общественных благ [52]. У. Оутс показал, что финансово самостоятельные регионы лучше адаптируют их объем и структуру к местным условиям [41]. Поскольку общественные блага входят в систему показателей качества жизни [32], бюджетная самостоятельность может влиять на его уровень. Наблюдаемый эффект зависит от качества институтов и подотчетности органов власти [35], а его связь с человеческим развитием может быть нелинейной [33].

В этой связи нами выдвигается гипотеза, что финансовая самостоятельность расширяет возможности региона по развитию сбалансированной отраслевой структуры экономики региона и преобразованию экономического роста в повышение качества жизни населения, тогда как зависимость от трансфертов ограничивает стратегическую гибкость регионов-реципиентов. Состав стратегических приоритетов и направлений структурной диверсификации, повышающих качество жизни при ограниченных ресурсах, различается по группам регионов. Гипотеза верифицируется эмпирически средствами панельного анализа.

Расширение круга видов экономической деятельности, в котором проявляется диверсификация экономики, существенно влияет на социальный выбор и возможности людей, поскольку ее главным итогом становится расширение социальных возможностей при выборе профессии, потребления и образа жизни, а также снижение уязвимости к внешним экономическим потрясениям [53]. Стимулируя институциональные изменения, такая диверсификация положительно сказывается на человеческом развитии, поскольку развивающиеся институты расширяют доступ общества к информации о новых возможностях.

Согласно эмпирическому исследованию Д. Хартманна [30], для человеческого развития диверсификация экономики значит значительно больше, чем прирост совокупного дохода, поскольку рост, достигаемый исключительно за счет повышения эффективности в уже существующих секторах, сокращает спрос на рабочую силу [43]. Экономический рост, обусловленный исключительно увеличением объема выпуска без соответствующего расширения занятости, способен приводить к росту безработицы и усилению социальной напряженности, что, в свою очередь, негативно сказывается на качестве жизни населения. Данное положение согласуется с результатами исследований А. Амсдена, эмпирически подтверждающего, что без создания новых рабочих мест меры по сокращению бедности, развитию человеческого потенциала и повышению качества жизни за счет расширения

возможностей доступа к образованию, здравоохранению, развитию инфраструктуры и др., показывают низкую эффективность в долгосрочной перспективе [18]. Соответственно, долгосрочное социально-экономическое развитие должно базироваться на комплексном технологическом, институциональном развитии за счет экономической диверсификации, способным создавать новые рабочие места с высокой производительностью.

Основные этапы моделирования

Методология данного исследования базируется на подходе к стратегированию выхода регионов из дотационного экономического состояния, изложенном в диссертационном исследовании А.З. Мидова [9].

I этап – построение блочных интегральных индикаторов и сводного интегрального индикатора качества жизни населения (далее ИИ КЖН).

В качестве информационно-статистической базы для расчета сводного интегрального индикатора качества жизни населения использованы данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата)[2], а также данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)[3].

В основу построения сводного интегрального индикатора качества жизни населения положены четыре синтетические категории: качество населения, уровень благосостояния, качество социальной сферы и качество экологической ниши [2; 17]. Концептуальное содержание категории качества жизни задается рассмотренной во введении литературой и не входит в предмет данной методологии.

Число блочных индикаторов по каждой категории определено методом главных компонент при условии, что накопленная доля объясненной суммарной дисперсии частных критериев составляет не менее 55%.

---

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. Москва, Росстат, 2025. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2025.pdf (дата обращения: 01.05.2026); Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. Москва, Росстат, 2025. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Soc_pol_2025.pdf (дата обращения: 01.05.2026); Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). Статистический сборник. Москва, Росстат, 2026. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2026.htm (дата обращения: 01.05.2026); Охрана окружающей среды в России. Статистический сборник. Москва, Росстат, 2024. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Oxrana_okruj_sredi_2024.pdf (дата обращения: 01.05.2026); Труд и занятость в России. Статистический сборник. Москва, Росстат, 2025. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

[3] Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). https://www.fedstat.ru/ (дата обращения: 01.05.2026).

Таблица 1

Накопленная доля суммарной дисперсии критериев набора синтетических категорий, объясненная главными компонентами

№ синтетической категории	Синтетическая категория КЖ	Число главных компонент			Необходимое количество интегральных индикаторов
		1	2	3	
I	Качество населения (КН)	0,27	0,45	0,58	3
II	Уровень благосостояния (УБ)	0,34	0,55		2
III	Качество социальной сферы (КСС)	0,23	0,43	0,55	3
IV	Качество экологической ниши (КЭН)	0,33	0,55		2

Источник: расчеты авторов.

Расчеты по синтетическим категориям (см. табл. 1) базируются на унифицированных переменных в соответствии с методологией С.А. Айвазяна[4], изложенной в работе «Анализ качества и образа жизни населения» [2]. Априорная система включала 102 переменные, отвечающие структуре синтетических категорий данной методологии; по результатам анализа мультиколлинеарности выборка сокращена до апостериорного набора из 58 показателей, характеризующих блочные интегральные индикаторы (см. Приложение 3).

Значение блочного интегрального индикатора рассчитывается по формуле:

$$y_i(j) = \sum_{q=1}^{P_j} w_q \tilde{x}_i^{(q)}(j), \quad (1)$$

где w_q – веса нормированных показателей j-го блочного интегрального индикатора, $\tilde{x}_i$ – нормированный показатель j-го блочного интегрального индикатора.

[4] Система показателей по С.А. Айвазяну разделена на следующие блоки:
I. Качество населения: I.1. воспроизводство, демографическая структура и физическое здоровье; I.2. способность образовывать и сохранять семьи; I.3. уровень образования и культуры; I.4. уровень квалификации населения.
II. Уровень благосостояния: II.1. доходы и расходы населения; II.2. обеспеченность жильем и собственностью; II.3. обеспеченность общества мощностями инфраструктуры.
III. Качество социальной сферы: III.1. условия труда; III.2. физическая, имущественная и социальная безопасность членов общества; III.3. характеристики социальной патологии; III.4. социальная и территориальная подвижность населения.
IV. Качество экологической ниши: IV.1. воздушный бассейн; IV.2. водный бассейн; IV.3. биологическое разнообразие и состояние природных экосистем; IV.4. состояние природных экосистем.

Веса отдельных показателей внутри главной компоненты рассчитываются как нормированные элементы собственного вектора ковариационной матрицы. При этом исходные данные предварительно подвергаются нормировке, согласно методологии С.А. Айвазяна [2]. Веса укрупненных блоков определяются пропорционально выборочной дисперсии каждого блока с последующей нормировкой.

Сводный интегральный индикатор рассчитывается по формуле:

$$\hat{y}_i = N - \rho_i, \quad (2)$$

где ρ_i – взвешенное евклидово расстояние до эталонной точки (N=10), рассчитывается по формуле:

$$\rho_i^2 = \sum_{j=1}^{m_0} \upsilon(j) \cdot \left(y_i(j) - N\right)^2$$

как разность эталонного значения шкалы (N = 10) и взвешенного евклидова расстояния до эталонной точки, учитывающего нормированные веса блоков.

II этап – кластеризация регионов методом *k*-средних по уровню финансовой самостоятельности.

Методология разделения регионов по уровню финансовой самостоятельности подробно изложена в работе М.В. Шаклеиной, А.З. Мидова [14], где по ее результатам выделены три группы: лидеры (19 регионов), аутсайдеры (13 регионов) и середняки (50 регионов); состав каждой группы приведен в Приложении 1.

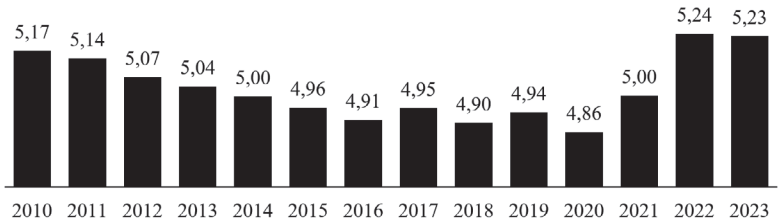
III этап – эконометрический анализ панельных данных (82 региона России, 2016–2023 гг.). Расчеты выполняются внутри кластеров, сформированных по уровню финансовой самостоятельности регионов. В качестве зависимой переменной выступает ИИ КЖН, рассчитанный на первом этапе исследования. Эконометрическая модель включает две группы переменных:

– контрольные переменные (уровень занятости, объем инновационной продукции, инвестиции в основной капитал, стоимость основных фондов). Выбор данных показателей обусловлен их влиянием на социально-экономическое развитие и качество жизни [2; 17];
– тестируемые переменные – это показатели развития отдельных видов экономической деятельности. Их включение в модель позволяет оценить возможности экономической диверсификации экономики региона для повышения качества жизни населения (см. Приложение 2).

Результаты эконометрического моделирования качества жизни населения

На первом этапе проанализируем динамику блочных и сводного интегральных индикаторов качества жизни, расчет которых проведен по единой методологии, описанной выше. Количество главных компонент в рамках отдельно взятой синтетической категории представлено в табл. 1.

А. Интегральный индикатор «Качество населения» (ИИ КН)

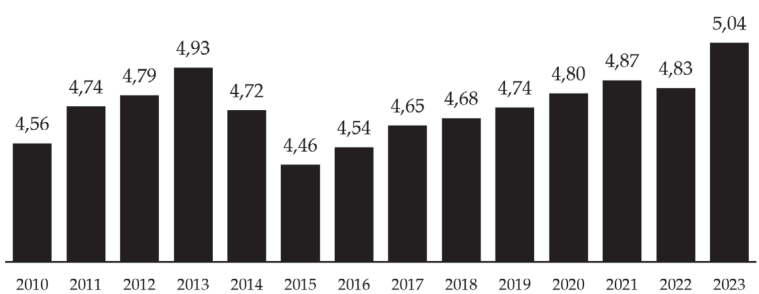


Рассчитано авторами.

Рис. 1. Динамика среднего значения интегрального индикатора «Качество населения» в регионах РФ (среднее значение можно считать устойчивым, так как уровень вариации не превышает 8% в разрезе каждого года)

Снижение «Качества населения» в 2010–2020 гг. сменяется ростом в 2021–2023 гг. (см. рис. 1), что вызвано повышением уровня образования, квалификации населения, ростом производительности труда. Сокращение численности трудоспособного населения, снижение рождаемости являются тормозящими демографическими процессами в вопросах регионального развития, которые должны быть учтены при разработке социально-экономических стратегий [3].

Б. Интегральный индикатор «Уровень благосостояния» (ИИ УБ)

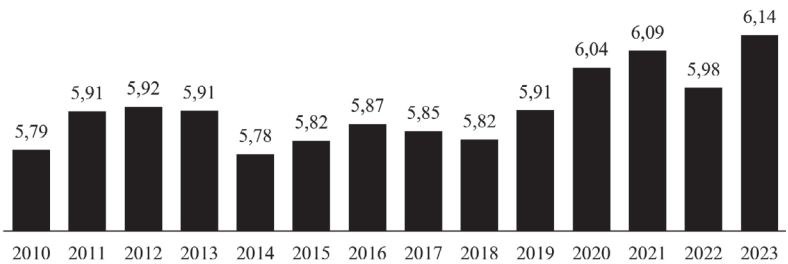


Рассчитано авторами.

Рис. 2. Динамика среднего значения интегрального индикатора «уровень благосостояния» в регионах РФ (среднее значение можно считать устойчивым, так как уровень вариации не превышает 15% в разрезе каждого года)

«Уровень благосостояния» характеризуется заметными колебаниями, среднее квадратическое отклонение 0,53–0,67 (см. рис. 2): рост 2010–2013 гг. сменился снижением в 2014–2015 гг. и последующим восстановлением, прерванным спадом 2022 г. В 2023 г. показатель достиг максимального значения за рассматриваемый период – 5,04 пункта. Такая динамика свидетельствует о высокой чувствительности материальной составляющей качества жизни к изменениям экономической конъюнктуры.

В. Интегральный индикатор «Качество социальной сферы» (ИИ КСС)

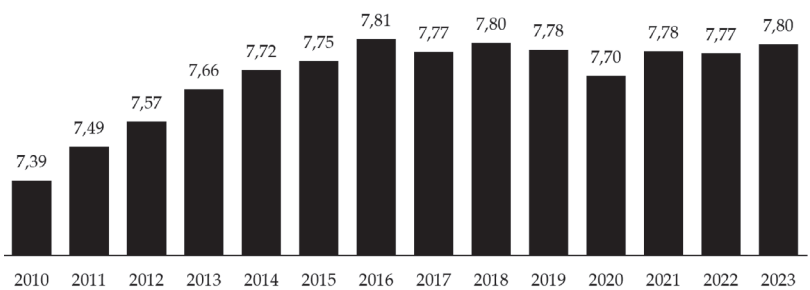


Рассчитано авторами.

Рис. 3. Динамика среднего значения интегрального индикатора «качество социальной сферы» в рассматриваемых регионах РФ (среднее значение можно считать устойчивым, так как уровень вариации не превышает 10% в разрезе каждого года)

Динамика среднего значения интегрального индикатора «Качество социальной сферы» демонстрирует более устойчивую положительную динамику: индикатор увеличился с 5,79 пункта в 2010 г. до 6,14 пункта в 2023 г. (см. рис. 3). В отличие от уровня благосостояния, его колебания менее выражены, что указывает на более инерционный характер изменений социальной инфраструктуры, безопасности и условий социальной среды.

Г. Интегральный индикатор «Качество экологической ниши» (ИИ КЭН)



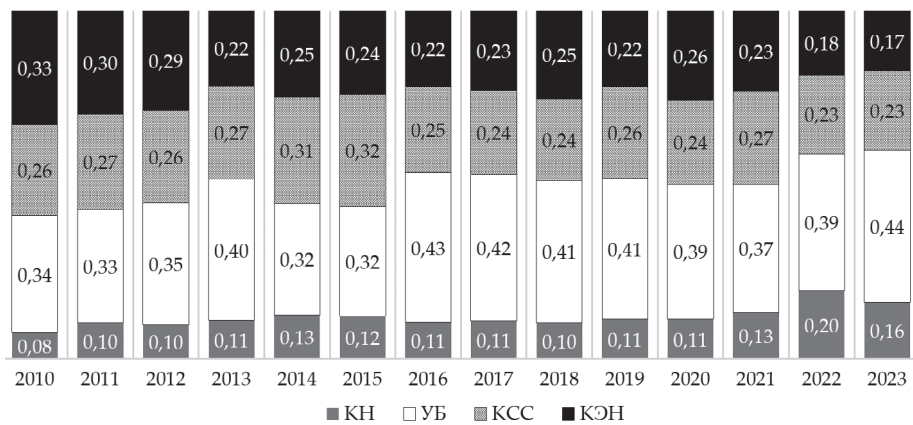
Рассчитано авторами.

Рис. 4. Динамика среднего значения интегрального индикатора «Качество экологической ниши» в регионах РФ (среднее значение можно считать устойчивым, так как уровень вариации не превышает 15% в разрезе каждого года)

Интегральный индикатор «Качество экологической ниши» в рамках рассматриваемого периода 2010–2023 гг. вырос с 7,39 до 7,80 пунктов (см. рис. 4). В межрегиональном срезе промышленно развитые территории, а также территории с высокой экологической нагрузкой на водные объекты демонстрируют низкие значения индикатора. Высокие значения характерны для регионов аграрной специализации и территорий с мягким климатом.

Д. Сводный интегральный показатель «Качество жизни населения» (ИИ КЖН)

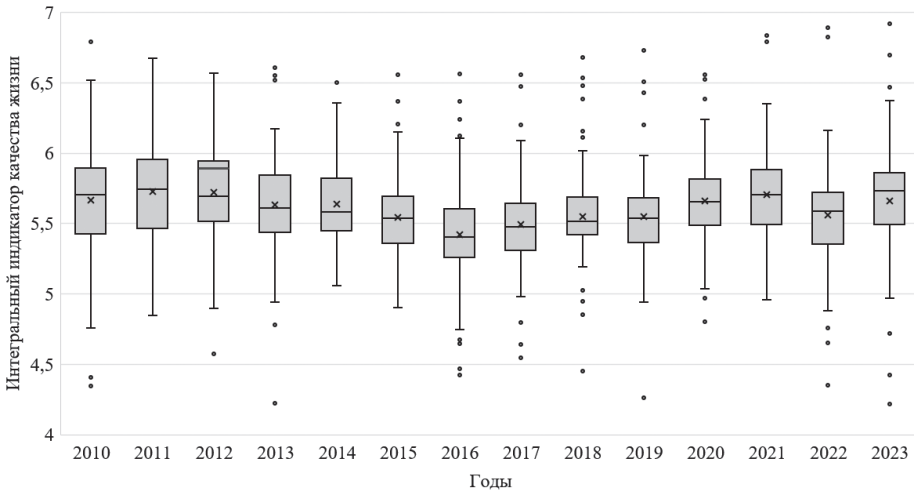
Сводный интегральный индикатор качества жизни определяется линейной сверткой блочных интегральных индикаторов, взятых с нормированным весовым коэффициентом, рассчитанным в соответствии с методологией С.А. Айвазяна [2]. Наибольший вес можно отметить у компоненты «Уровень благосостояния» и «Качество социальной сферы» (см. рис. 5), что сказывается на динамике среднего значения ИИ КЖН и демонстрирует кризисные явления в экономике страны.



Рассчитано авторами.

Рис. 5. Нормированные весовые коэффициенты по отдельным синтетическим категориям для ИИ КЖН (среднее значение можно считать устойчивым, так как уровень вариации не превышает 10% в разрезе каждого года)

Рост качества жизни в российских регионах сопровождался не только сокращением межрегиональных различий, но и постепенным ростом медианного уровня. Поскольку ИИ КЖН имеет ограниченную, но устойчивую вариацию во времени при сохранении различий между отдельными группами регионов, учет региональной неоднородности и использование панельных моделей с фиксированными эффектами является методологически обоснованным.



Рассчитано авторами.

Рис. 6. Распределение значений интегрального индикатора качества жизни населения по регионам Российской Федерации в 2010–2023 гг. (среднее значение можно считать устойчивым, так как уровень вариации не превышает 10% в разрезе каждого года)

Среднее значение ИИ КЖН колеблется в пределах 5,42–5,73 пункта (см. рис. 6).

У регионов-лидеров, или финансово самостоятельных регионов, за 2010–2023 гг. наблюдается рост среднего значения ИИ КЖН на 3,48% (с5,77 до 5,97 пунктов). В группе регионов-аутсайдеров, или дотационных регионов, увеличение показателя на 13,96% (с 4,48 до 5,11 пунктов) обусловлено структурным изменением выборки: начиная с 2015 г. в расчет включены Республика Крым и г. Севастополь, что увеличило состав группы аутсайдеров с 11 до 13 регионов и привело к заметному скачку среднего значения группы с 4,578 пункта в 2014 г. до 5,296 пункта в 2015 г. У регионов со средним уровнем финансовой самостоятельности за весь период изменение составило –0,29%, а по Российской Федерации в целом среднее значение ИИ КЖН осталось практически неизменным (с 5,661 до 5,659 пункта). Таким образом, за исключением структурного эффекта расширения выборки в 2015 г., качественная картина межгруппового распределения остается устойчивой: в 2023 г. средний уровень ИИ КЖН лидеров составляет 5,968 пункта, середняков – 5,684, аутсайдеров – 5,109 пункта, сохраняя разрыв между крайними группами на уровне 0,859 пункта (см. табл. 2).

Кластеризация регионов по уровню финансовой самостоятельности (см. табл. 2) выявляет существенные различия в их экономическом, социальном развитии, а также в качестве жизни. В частности, средние значения ИИ КЖН у регионов-аутсайдеров значительно ниже, чем в остальных группах.

Таблица 2

Распределение значений интегрального индикатора качества жизни по группам финансовой самостоятельности в 2010 и 2023 г.

		Регионы-лидеры	Регионы-середняки	Регионы-аутсайдеры
Среднее	2010	5,77	5,70	4,48
	2023	5,97	5,68	5,11
	± *изм.*	*0,20*	*–0,02*	*0,63*
Медиана	2010	5,81	5,70	5,32
	2023	5,86	5,73	5,17
	± *изм.*	*0,05*	*0,03*	*–0,15*
Коэффициент вариации	2010	0,08	0,06	0,45
	2023	0,06	0,05	0,09
	± *изм.*	*–0,02*	*–0,01*	*–0,36*

Рассчитано авторами.

Вместе с тем *финансовая самостоятельность не является единственным фактором благополучия населения региона.* Несколько регионов-лидеров по финансовой самостоятельности (например, Кемеровская область, Красноярский край) демонстрируют сравнительно низкое качество жизни. И наоборот, некоторые регионы-аутсайдеры по финансовой самостоятельности (например, Камчатский край, ИИ КЖН в 2023 г. – 6,022 пункта) превышают среднероссийские показатели. Это свидетельствует о том, что наличие финансовых ресурсов не гарантирует ориентации региональной политики на улучшение жизни граждан. Высокие показатели ИИ КЖН у финансово зависимых регионов объясняются объективными факторами: хорошей экологией, демографией, климатом и др., которые в дальнейшем становятся стратегическими конкурентными преимуществами.

Выбор эконометрической спецификации обусловлен ограничениями моделей типа cross-section, которые, согласно исследованиям, неустойчивы к спецификации и не разграничивают краткосрочные и долгосрочные эффекты. Поэтому в исследовании применяются панельные данные, временная составляющая которых позволяет проверять долгосрочные связи и полнее раскрывать причинно-следственный характер зависимостей. Соответственно, содержанием III этапа моделирования выступает анализ панельных данных по 82 субъектам РФ за 2016–2023 гг., направленный на определение набора стратегических приоритетов, способных обеспечить повышение качества жизни населения региона.

Базовая спецификация панельной регрессии включает вектор контрольных переменных, а также региональные и временные эффекты, при этом ненаблюдаемые пространственные различия и неучтенные временные шоки улавливаются двунаправленными фиксированными эффектами.

$$\ln\left(QoL_{it}\right) = \sum_{k=1}^{K} \alpha_k \ln\left(Sec\,tor_{kit}\right) + \sum_{m=1}^{M} \beta_m \ln\left(Z_{mit}\right) + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

где QoL_{it} – значение интегрального индикатора качества жизни населения в регионе i в году t; $Sector_{kit}$ – показатель развития k-го вида экономической деятельности в регионе i в году t (использованы показатели, характеризующие выпуск продукции на душу населения в руб. по секторам экономики в соответствии с классификатором ОКВЭД); Z_{mit} – вектор контрольных переменных, характеризующих социально-экономические условия региона (уровень занятости (%), инвестиции в основной капитал (руб.), стоимость основных фондов на душу населения (руб.), среднедушевые доходы населения (руб.), объем инновационных товаров, работ, услуг на душу населения (руб.); μ_i – индивидуальные фиксированные эффекты регионов, учитывающие ненаблюдаемые во времени устойчивые характеристики субъектов Российской Федерации; λ_t – временные фиксированные эффекты, учитывающие общие макроэкономические, институциональные и шоковые изменения, одинаково воздействующие на все регионы в соответствующем году; ε_{it} – случайная ошибка модели.

Оценивание проводится отдельно по группам регионов с разным уровнем финансовой самостоятельности. В основной интерпретации учитываются только те отраслевые переменные, которые сохраняют знак и содержательную интерпретируемость в полной модели, модели с временными эффектами. Это позволяет снизить риск произвольного отбора значимых переменных и рассматривать полученные результаты как предварительный инструмент отбора направлений стратегического анализа, а не как автоматическое определение стратегических приоритетов.

В процессе моделирования результаты проверки моделей по тесту Бреуша-Пагана демонстрируют предпочтительность спецификаций с индивидуальными эффектами, а по тесту Хаусмана – преимущество моделей с фиксированными эффектами.

Для учета возможной гетероскедастичности в остатках большое внимание было уделено расчету новых стандартных ошибок. В этой связи использовалась ковариационная матрица Хьюбера-Уайта. Необходимость разделения на подвыборки с целью выявления детерминант качества жизни населения подтверждается проведенным тестом Чоу.

В табл. 3 представлены результаты панельной регрессии только по тем видам деятельности, которые оказались значимыми хотя бы в одной из подгрупп в результате последовательного исключения незначимых переменных из модельных спецификаций. Сами отрасли, не достигшие значимости ни в одной из колонок, из таблицы исключены для удобства представления. Для каждой группы регионов приведены две спецификации: с индивидуальными фиксированными эффектами (FE) и с индивидуальными и временными фиксированными эффектами (FE + время).

Таблица 3

Факторы роста качества жизни в регионах с различным уровнем финансовой самостоятельности

Логарифмы объясняющих переменных	***Зависимая переменная* – логарифм интегрального индикатора качества жизни населения (ИИ КЖН)**					
	регионы-аутсайдеры		**регионы-лидеры**		**регионы-середняки**	
	FE	**FE + время**	**FE**	**FE + время**	**FE**	**FE + время**
Отрасли, значимые для регионов-аутсайдеров						
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,3489** (0,1335)	0,3269** (0,1451)	–0,1174 (0,1309)	–0,1766 (0,1359)	0,0054 (0,0469)	0,0355 (0,0516)
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	–0,7952** (0,3578)	–0,6803* (0,3501)	–0,1489 (0,3150)	–0,3435 (0,2966)	0,3203 (0,2119)	0,2644 (0,2116)
Образование	0,3042** (0,1231)	0,4106** (0,1493)	0,3959* (0,1912)	0,4124* (0,2352)	0,0410 (0,1192)	0,0282 (0,1411)
Стоимость основных фондов на душу, руб.	0,2229** (0,0779)	0,2930** (0,1296)	–0,0191 (0,0491)	–0,2085* (0,1033)	0,0418 (0,0407)	0,0547 (0,0690)
Отрасли, значимые для регионов-лидеров						
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	–0,0630 (0,1603)	–0,0229 (0,1290)	–0,2227** (0,0833)	–0,2756*** (0,0778)	0,0272 (0,0401)	0,0064 (0,0360)
Деятельность финансовая и страховая	–0,0010 (0,0081)	0,0009 (0,0086)	0,1282* (0,0631)	0,1118 (0,0890)	–0,0134 (0,0309)	–0,0227 (0,0239)
Отрасли, значимые для регионов-середняков						
Обрабатывающие производства	–0,1457 (0,0937)	–0,1700 (0,1213)	–0,0081 (0,0902)	–0,0760 (0,0919)	–0,0212 (0,0357)	–0,0550* (0,0323)
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	0,0787 (0,1109)	0,0776 (0,1076)	–0,1252 (0,1434)	–0,2145 (0,1642)	–0,0520 (0,0584)	–0,0970* (0,0564)

Окончание табл. 3

Логарифмы объясняющих переменных	***Зависимая переменная* – логарифм интегрального индикатора качества жизни населения (ИИ КЖН)**					
	регионы-аутсайдеры		**регионы-лидеры**		**регионы-середняки**	
	FE	**FE + время**	**FE**	**FE + время**	**FE**	**FE + время**
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	0,1410 (0,1624)	–0,1644 (0,1813)	0,0467 (0,2052)	–0,1993 (0,2249)	0,1312* (0,0689)	0,0018 (0,1050)
Предоставление прочих видов услуг	0,1416* (0,0756)	0,0656 (0,0905)	0,0096 (0,1125)	–0,0593 (0,1012)	0,1148** (0,0454)	0,0104 (0,0437)
Значимые контрольные переменные						
Уровень занятости населения, %	–0,5749 (0,7292)	0,0714 (0,8297)	–1,0872** (0,3852)	–1,8241 (1,0960)	–0,3493* (0,1861)	0,0088 (0,3099)
Временные эффекты						
Совместная значимость 2017–2023	–	Значим 2022, 2023	–	Совместно не значимы	–	Совместно не значимы
Спецификация и диагностика модели						
Константа	12,3950**	–0,4590	10,7838**	23,3712***	0,8455	–3,3685
Число наблюдений	104	104	152	152	400	400
Число объектов	13	13	19	19	50	50
Коэффициент регрессии (R^2)	0,4647	0,5693	0,4973	0,6306	0,3769	0,5073
Тест Хаусмана	$\chi^2(24) = 90{,}98$ / Prob > chi² = 0,0000					
F-тест индивидуальных эффектов	$F(81, 550) = 18{,}35$ / Prob > F = 0,0000					
Тест Чоу на равенство коэф, *F*1 к *F*2 по 19 отраслям	$F(19, 81) = 2{,}50$ / Prob > F = 0,0024					
Тест Бреуша–Пагана	$\tilde{\chi}^2(01) = 682{,}83$ / Prob > chi² = 0,0000					

Примечание: в скобках указаны робастные стандартные ошибки (Хьюбер–Уайт), кластеризованные по регионам. Уровни значимости: *** p < 0,01; ** p < 0,05; * p < 0,10.

Источник: расчеты авторов.

На следующем этапе исследования проводится дифференцированный анализ полученных в результате моделирования факторов (см. табл. 3), влияющих на качество жизни населения, в разрезе групп регионов по уровню финансовой самостоятельности.

Регионы-аутсайдеры (или дотационные, 13 субъектов). В данной группе регионов значимое положительное влияние на качество жизни имеет развитие двух видов экономической деятельности: «*Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания*» и «*Образование*». Обе переменные сохраняют знак, величину и уровень значимости при добавлении временных эффектов, что свидетельствует о структурном, а не конъюнктурном характере их воздействия на качество жизни.

Фактор «Образование» закономерно выходит на первый план в регионах этой группы, поскольку намечаемая для них экономическая диверсификация требует соответствующего уровня компетенций и квалификации населения региона, а такой уровень напрямую зависит от роста числа и качества образовательных учреждений. Данная взаимосвязь подтверждается и в зарубежной, и в отечественной литературе: Д. Хартманн [30, с. 70–71] утверждает, что «диверсификация требует разнообразного набора навыков и знаний, роста числа образовательных учреждений»; С. Земцов и В. Баринова [4, с. 75] приходят к согласующемуся выводу, отмечая, что слаборазвитым регионам необходимы меры социальной политики, ориентированные на «повышение человеческого капитала и мобильности». Исходя из этого, стратегические приоритеты данной группы регионов целесообразно строить вокруг повышения уровня и качества образования (среднего профессионального или высшего), как базового инструмента подготовки кадров для ключевых секторов экономики.

Развитие сферы гостеприимства в дотационных регионах является одним из немногих доступных направлений диверсификации экономики, не требующим масштабных капитальных вложений и позволяющим монетизировать природный и культурный потенциал региона (особенно актуально для Камчатского края, Республики Дагестан, Алтайского края). Стратегические приоритеты включают развитие сельского, экологического, культурно-познавательного и рекреационного туризма, а также создание инфраструктуры размещения и питания, отвечающей современным стандартам качества.

Рост выпуска сектора «*Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечения*» сопровождается, напротив, снижением качества жизни. Полученная зависимость интерпретируется как проявление «бюджетной ловушки». Рост ВРП вследствие наращивания трансфертов и расширения административного аппарата не приводит к улучшению благосостояния. Данный вывод согласуется с заключениями в работе [12] о зависимом характере экономик слабодотационных регионов и об ограниченности возможностей бюджетного сектора как самостоятельного драйвера качества жизни.

Среди контрольных переменных для аутсайдеров значимой оказалась стоимость основных фондов на душу населения; уровень занято-

сти и инвестиции не достигают статистической значимости, что подтверждает неэффективность экстенсивной модели роста для регионов данной группы.

Регионы-лидеры (наиболее бюджетообеспеченные, 19 субъектов). В рамках данной группы рост выпуска в двух отраслях приводит к росту качества жизни – «*Образование*» и «*Деятельность финансовая и страховая*». Роль «Образования» у бюджетообеспеченных регионов отличается от дотационных, так как отражает иную функцию, которая характеризует не стартовое условие для возможностей диверсификации, а воспроизводство человеческого капитала высокого уровня для инновационных кластеров и наукоемких производств (что проявляется в Москве, Татарстане, Санкт-Петербурге).

Положительный эффект финансовой и страховой деятельности объясняется развитой финансовой инфраструктурой регионов-лидеров, что обеспечивает фирмам и населению в данных регионах лучший доступ к кредитным, инвестиционным и страховым продуктам, что непосредственно влияет на качество жизни. Снижение значимости при контроле временных эффектов указывает на то, что часть эффекта поглощается макрофинансовыми шоками 2020–2023 гг., однако структурный положительный знак сохраняется.

Устойчиво отрицательный коэффициент при секторе ««Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений», по всей видимости, отражает не прямой эффект от масштаба данной деятельности, а ее структурную связь с промышленной нагрузкой региона: доля этого сектора в выпуске закономерно выше там, где выше водоемкость производства и техногенная нагрузка в целом, в том числе как следствие недостаточной эффективности водопользования промышленных предприятий. В этом смысле показатель выступает скорее индикатором структуры региональной экономики, чем самостоятельным объектом стратегического воздействия: отрицательный знак не дает оснований для вывода о вреде развития собственно водоснабжения и водоотведения. Содержательная проверка данной гипотезы требует отдельного исследования и выходит за рамки задач настоящей статьи. Вместе с тем финансовая самостоятельность регионов данной группы создает необходимые условия для реализации программ экологизации производства и повышения эффективности водопользования.

Среди контрольных переменных для лидеров значим уровень занятости, отрицательный знак которого указывает на то, что экстенсивное создание рабочих мест в низкопроизводительных секторах не улучшает качество жизни.

Регионы-середняки (50 субъектов) – это наиболее многочисленная группа, в которой отраслевые переменные теряют значимость при

введении временных эффектов. Статистически значимыми остаются *«Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» и «Предоставление прочих видов услуг»*. Высокая внутренняя гетерогенность группы, которая включает как промышленно развитые, так и аграрно ориентированные территории, объясняет отсутствие устойчивого набора отраслевых детерминант. Полученный результат обосновывает необходимость проведения дополнительной внутригрупповой кластеризации (например, по специализации, географическому положению, уровню развития институтов и пр.) для выявления направлений диверсификации, способных повысить качество жизни.

Основные выводы

Проведенное исследование показывает, что финансовая самостоятельность задает ресурсные возможности регионального развития, но сама по себе не определяет достигнутый уровень качества жизни. Ключевое значение имеет то, каким образом экономический потенциал региона трансформируется через его отраслевую структуру в социально-экономические результаты.

Использование интегрального индикатора качества жизни расширяет оценку регионального развития за пределы традиционных макроэкономических показателей и позволяет сместить акцент стратегирования с количественной оценки экономического роста на его качественную результативность для населения.

Расчеты ИИ КЖН за 2010–2023 гг. демонстрируют устойчивые различия между группами регионов, определенных по уровню финансовой самостоятельности. В 2023 г. среднее значение ИИ КЖН составляет 5,968 пункта у лидеров, 5,684 – у середняков и 5,109 – у аутсайдеров, при разрыве между крайними группами в 0,859 пункта. При этом Камчатский край при дотационном статусе достигает 6,022 пункта, а Кемеровская область и Красноярский край при высокой бюджетной обеспеченности остаются в нижней части распределения. То есть высокая бюджетная обеспеченность не гарантирует высокое качество жизни, а финансовая зависимость – низкое качество жизни. Ресурсная обеспеченность является важным, но недостаточным условием: результат определяется тем, каким образом экономический потенциал находит выражение в развитии человеческого капитала и социальной инфраструктуры. Впервые панельное моделирование позволило определить принципиальные различия в отраслевой структуре таких взаимосвязей.

Для финансово зависимых регионов стратегическим приоритетом является структурная диверсификация через сектора экономики с низким порогом входа: туризм, сферу общественного питания, профессиональное образование. Именно они создают занятость и способствуют

накоплению человеческого капитала без масштабных капиталовложений. В то же время наращивание бюджетного сектора и административных функций усугубляет зависимую от центра модель поведения, не способствуя повышению благосостояния.

В финансово самостоятельных регионах характер стратегических задач смещается от экстенсивного расширения к качественной модернизации сложившейся экономической специализации. Стратегическими приоритетами повышения качества жизни являются развитие финансовой инфраструктуры, инвестиции в наукоемкое образование и экологическая трансформация производств. В условиях высокой промышленной нагрузки повышение качества жизни предполагает снижение техногенных издержек и повышение экологической эффективности сложившейся производственной специализации.

Для самой многочисленной группы регионов со средним уровнем финансовой самостоятельности устойчивого набора отраслевых связей не обнаружено. Потеря значимости большинства коэффициентов после включения временных эффектов свидетельствует о высокой внутренней неоднородности этой группы. При формировании стратегических рекомендаций необходима дополнительная типологизация с учетом отраслевой специализации и институциональных особенностей развития.

Результаты моделирования показали, что одна и та же структурная трансформация способна иметь различное значение для качества жизни в зависимости от исходного ресурсного потенциала. Это означает, что единый набор отраслевых приоритетов для российских регионов эмпирически не обоснован: стратегический выбор должен учитывать сочетание финансовых возможностей территории, сложившейся специализации и отраслей, развитие которых связано с повышением качества жизни, что определяет переход от унифицированных стратегий к дифференцированным. Все это подтверждает выдвинутую авторами гипотезу.

Приложение 1

Состав групп регионов по уровню финансовой самостоятельности

Группа	Состав групп
Регионы-лидеры	Воронежская область; г. Москва; г. Санкт-Петербург; Иркутская область; Кемеровская область; Краснодарский край; Красноярский край; Ленинградская область; Московская область; Нижегородская область; Новосибирская область; Пермский край; Республика Башкортостан; Республика Татарстан; Ростовская область; Самарская область; Свердловская область; Тюменская область; Челябинская область
Регионы-аутсайдеры	г. Севастополь; Еврейская автономная область; Кабардино-Балкарская Республика; Камчатский край; Карачаево-Черкесская Республика; Республика Алтай; Республика Дагестан; Республика Ингушетия; Республика Калмыкия; Республика Крым; Республика Северная Осетия-Алания; Республика Тыва; Чеченская Республика
Регионы-середняки	Алтайский край; Амурская область; Архангельская область; Астраханская область; Белгородская область; Брянская область; Владимирская область; Вологодская область; Волгоградская область; Забайкальский край; Ивановская область; Калининградская область; Калужская область; Кировская область; Костромская область; Курганская область; Курская область; Липецкая область; Магаданская область; Мурманская область; Новгородская область; Омская область; Оренбургская область; Орловская область; Пензенская область; Приморский край; Псковская область; Республика Адыгея; Республика Бурятия; Республика Карелия; Республика Коми; Республика Марий Эл; Республика Мордовия; Республика Саха (Якутия); Республика Хакасия; Рязанская область; Саратовская область; Сахалинская область; Смоленская область; Ставропольский край; Тамбовская область; Тверская область; Томская область; Тульская область; Удмуртская Республика; Ульяновская область; Хабаровский край; Чувашская Республика; Чукотский автономный округ; Ярославская область

Приложение 2

Состав переменных для моделирования ИИ КЖН

Группа	Показатель	Наименование
Тестируемая	Y	Интегральный индикатор качества жизни населения региона (ИИ КЖН)
Показатели	X1	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство
Показатели	X2	Добыча полезных ископаемых
Показатели	X3	Обрабатывающие производства
Показатели	X4	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
Показатели	X5	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
Показатели	X6	Строительство
Показатели	X7	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов
Показатели	X8	Транспортировка и хранение
Показатели	X9	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания
Показатели	X10	Деятельность в области информации и связи
Показатели	X11	Деятельность финансовая и страховая
Показатели	X12	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом
Показатели	X13	Деятельность профессиональная, научная и техническая
Показатели	X14	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги
Показатели	X15	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение
Показатели	X16	Образование
Показатели	X17	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
Показатели	X18	Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений
Показатели	X19	Предоставление прочих видов услуг
Контрольные	X20	Уровень занятости населения в %

Окончание табл. со с. 82

Группа	Показатель	Наименование
Контрольные	X21	Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.
Контрольные	X22	Стоимость основных фондов на душу, руб.
Контрольные	X23	Среднедушевые денежные доходы населения, руб.
Контрольные	X24	Объем инновационных товаров в % от всех видов работ

Приложение 3

Состав интегрального индикатора качества жизни населения

Блок	Код	Наименование показателя	Единица измерения
1. Качество населения	X1	Доля городского населения, %	%, б/р
	X2	Соотношение мужчин и женщин (число женщин, приходящихся на 1000 мужчин)	б/р
	X6	Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми (младенческая смертность)	‰
	X7	Доля (%) лиц моложе трудоспособного возраста	%, б/р
	X8	Доля (%) лиц в трудоспособном возрасте	%, б/р
	X13	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении: все население – оба пола	лет
	X22	Число заболеваний, зарегистрированных у больных с впервые установленным диагнозом, на тыс. населения	на 1 000 чел.
	X23	Число умерших от инфекционных и паразитарных болезней на 100 тыс. населения	на 100 000 чел.
	X24	Число умерших от новообразований на 100 тыс. населения	на 100 000 чел.
	X25	Число умерших от болезней органов дыхания на 100 тыс. населения	на 100 000 чел.
	X26	Число умерших от болезней органов пищеварения на 100 тыс. населения	на 100 000 чел.
	X28	Число инвалидов на 1 тыс. населения	на 1 000 чел.
	X30	Общие коэффициенты брачности на 1000 человек населения	на 1 000 чел.
	X31	Общие коэффициенты разводимости на 1000 человек населения	на 1 000 чел.
	X32	Доля учащихся в общеобразовательных учреждениях от численности населения моложе трудоспособного возраста	%, б/р
	X33	Доля учащихся в средних специальных учебных заведениях в составе численности населения трудоспособного возраста	%, б/р
	X34	Доля учащихся в высших учебных заведениях в составе численности населения трудоспособного возраста	%, б/р
	X37	«Приведенная» производительность труда, тыс. руб. на чел. в год	тыс. руб./чел. в год

Продолжение табл. со с. 84

Блок	Код	Наименование показателя	Единица измерения
2.Уровень благосостояния	X38	Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения, руб.	руб.
	X40	Покупательная способность среднедушевых денежных доходов по отношению к наборам прожиточного минимума	б/р (набор ПМ)
	X41	Доля численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	%, б/р
	X42	Коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10% населения с наибольшими и 10% населения с наименьшими доходами)	б/р
	X43	Доля расходов на питание в потребительских расходах населения, %	%, б/р
	X44	Потребительские расходы в среднем на душу населения, руб.	руб.
	X2_1N	Инвестиции в основной капитал на душу населения	руб.
	X2_3N	Доля расходов на непродовольственные товары в общих расходах	%, б/р
	X2_4N	Объем платных услуг на душу населения	руб.
	X45	Приходится общей площади жилищного фонда на одного жителя, кв. м	кв. м
	X46	Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг, в % от общих расходов	%, б/р
	X47	Ввод в действие жилых домов на 1000 чел. населения	кв. м на 1 000 чел.
	X48	Доля семей, состоящих на учете на получение жилья, %	%, б/р
	X49	Обеспеченность населения собственными автомобилями (в расчете на 1000 человек населения)	ед. на 1 000 чел.
	X50	Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (км на 1000 км² территории)	км/тыс. км² терр.
	X51	Число подключенных абонентских устройств мобильной связи на 1000 человек населения	ед. на 1 000 чел.

Продолжение табл. со с. 84

Блок	Код	Наименование показателя	Единица измерения
3. Качество социальной сферы	X52	Покупательная способность средней заработной платы, наборов прожиточного минимума	б/р (набор ПМ)
	X53	Уровень безработицы, %	%, б/р
	X54	Уровень экономической активности населения, %	%, б/р
	X55	Численность пострадавших на производстве со смертельным исходом или с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более в расчете на 1000 работающих, чел.	на 1 000 работающих
	X57	Покупательная способность средней назначенной пенсии (отношение средней пенсии к прожиточному минимуму)	б/р (набор ПМ)
	X58	Доля работников промышленности, занятых во вредных и опасных условиях труда, %	%, б/р
	X61	Смертность от убийств (на 100 тыс. населения)	на 100 000 чел.
	X62	Число зарегистрированных экономических преступлений на 100 тыс. населения	на 100 000 чел.
	X68	Число погибших в дорожно-транспортных происшествиях на 100 тыс. населения	на 100 000 чел.
	X71	Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	б/р
	X72	Численность лиц, состоящих на диспансерном учете по поводу алкоголизма и алкогольных психозов в расчете на 100 тыс. населения	на 100 000 чел.
	X73	Численность лиц, состоящих на диспансерном учете по поводу наркомании в расчете на 100 тыс. населения	на 100 000 чел.
	X74	Заболеваемость с диагнозом психического расстройства и расстройства поведения на 100 тыс. населения (человек)	на 100 000 чел.
	X75	Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом злокачественного новообразования на 100 тыс. человек населения	на 100 000 чел.
	X76	Умерло от самоубийств в расчете на 100 тыс. населения	на 100 000 чел.
	X77	Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом ВИЧ-инфекции на 100 тыс. человек населения	на 100 000 чел.
	X78	Распространенность социально значимых заболеваний: туберкулез	на 100 000 чел.
	X80	Коэффициент миграционного прироста (на 10 тыс. населения)	на 10 000 чел.

Окончание табл. со с. 84

Блок	Код	Наименование показателя	Единица измерения
4. Качество экологической ниши	X82	Масса вредных веществ, выброшенных в атмосферу от стационарных источников, в среднем на душу населения, кг/год	кг/год на чел.
	X85	Доля окислов азота в общей массе выбросов вредных веществ в атмосферу от стационарных источников, %	%, б/р
	X93	Отношение объема сточных вод, сброшенных в поверхностные водоемы к объему воды, забранной из водных объектов, %	%, б/р
	X95	Приходится свежей воды, использованной на хозяйственно-питьевые нужды, в среднем на душу населения, $м^3$/год	$м^3$/год на чел.
	X4_1N	Текущие затраты на охрану окружающей среды на душу населения	руб. на чел.
	X4_2N	Затраты на капитальный ремонт основных фондов природоохранного назначения на душу населения	руб. на чел.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Агеева С.Д., Мишура А.В.* Региональная банковская система в России: тенденции и факторы пространственного распределения // Вопросы экономики. 2017. № 1. С. 123–141. [*Ageeva S.D., Mishura A.V.* Regional Banking System in Russia: Trends and Factors of Spatial Distribution // Voprosy Ekonomiki. 2017. No. 1. Pp. 123–141. (In Russ.).]
2. *Айвазян С.А.* Анализ качества и образа жизни населения (эконометрический подход). М.: Наука, 2012. [*Aivazian S.A.* Analysis of the Quality and Lifestyle of the Population (Econometric Approach). Moscow: Nauka, 2012. (In Russ.).]
3. *Аль-Хзайми Х., Бахтизин А., Вареник М., Зили В., Макаров В., Цзе В., Чжоу Х.* Демографический потенциал стран мира // Вестник Российской академии наук. 2025. Т. 95. № 12. С. 14–28. [*Al-Khzaimi H., Bakhtizin A., Varenik M., Zili V., Makarov V., Jie W., Zhou H.* Demographic Potential of the World's Countries // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2025. Vol. 95. No. 12. Pp. 14–28. (In Russ.).] DOI: 10.7868/S3034520025120027.
4. *Земцов С., Баринова В.* Смена парадигмы региональной инновационной политики в России: от выравнивания к «умной специализации» // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 65-81. [*Zemtsov S., Barinova V.* The Paradigm Changing of Regional Innovation Policy in Russia: From Equalization to Smart Specialization // Voprosy Ekonomiki. 2016. No. 10. Pp. 65–81. (In Russ.).]
5. *Зубаревич Н. В., Артоболевский С. С., Кузнецова О. В.* Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. [*Zubarevich N.V., Artobolevskiy S.S., Kuznetsova O.V.* Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization. Moscow: Independent Institute for Social Policy, 2010. (In Russ.).]
6. *Квинт В. Л.* Концепция стратегирования. 2-е изд. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. [*Kvint V.L.* The Concept of Strategizing. 2nd ed. Kemerovo: Kemerovo State University, 2022. (In Russ.).]
7. *Квинт В. Л., Окрепилов В. В.* Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 5. С. 412–425. [*Kvint V.L., Okrepilov V.V.* Quality of Life and Values in National Development Strategies // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2014. Vol. 84. No. 5. Pp. 412–425. (In Russ.).] DOI: 10.7868/S0869587314050107.
8. *Кравченко Н.А., Агеева С.Д.* Диверсификация экономики: институциональные аспекты // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. № 4. С. 52–67. [*Kravchenko N.A., Ageeva S.D.* Economic Diversification: Institutional Aspects // Journal of Institutional Studies. 2017. Vol. 9. No. 4. Pp. 52–67. (In Russ.).]
9. *Мидов А.З.* Методологические основы стратегирования выхода региона из дотационного экономического состояния: дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2022. [*Midov A.Z.* Methodological Foundations of Strategizing a Region's Exit from the Subsidized Economic State: Cand. Sci. (Econ.) Diss. Moscow, 2022. (In Russ.).]
10. *Пигу А.С.* Экономика благосостояния / пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. [*Pigou A.C.* The Economics of Welfare. Moscow: Progress, 1985. (In Russ.).]
11. *Родионова Л. А.* Парадокс Истерлина в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14. № 2. С. 386–393. [*Rodionova L.A.* The Easterlin Paradox in Russia // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law. 2014. Vol. 14. No. 2. Pp. 386–393. (In Russ.).]

12. *Татаркин А. И., Татаркин Д. А., Сидорова Е. Н.* Трансформация дотационных регионов России в саморазвивающиеся // Федерализм. 2012. № 4. С. 39–52. [*Tatarkin A.I., Tatarkin D.A., Sidorova E.N.* Transformation of Subsidized Regions of Russia into Self-Developing Ones // Federalism. 2012. No. 4. Pp. 39–52. (In Russ.).]
13. *Туманянц К.А., Арженовский С.В., Арькова О.А., Монастырев М.В., Пичулина И.А.* Неравенство и экономический рост в России: эконометрические оценки зависимостей // Деньги и кредит. 2023. Т. 82. № 2. С. 52–77. [*Tumanyants K.A., Arzhenovskiy S.V., Arkova O.A., Monastyrev M.V., Pichulina I.A.* Inequality and Economic Growth in Russia: Econometric Estimates of Dependencies // Russian Journal of Money and Finance. 2023. Vol. 82. No. 2. Pp. 52–77. (In Russ.).]
14. *Шаклеина М. В., Мидов А. З.* Стратегическая типологизация регионов по уровню финансовой самостоятельности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 39–54. [*Shakleina M.V., Midov A.Z.* Strategic Typologization of Regions by the Level of Financial Independence // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12. No. 3. Pp. 39–54. (In Russ.).]
15. *Шаклеина М. В., Шаклеин К. И.* Стратегическая типологизация субъектов Российской Федерации по экономическому и социальному развитию // Экономика и управление. 2017. Т. 137. № 3. С. 26-33. [*Shakleina M.V., Shaklein K.I.* Strategic Typologization of the Constituent Entities of the Russian Federation by Economic and Social Development // Economics and Management. 2017. Vol. 137. No. 3. Pp. 26–33. (In Russ.).]
16. *Юшков А. О., Одинг Н. Ю., Савулькин Л. И.* Дотационные регионы России: сценарии увеличения бюджетных доходов // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 46–65. [*Yushkov A.O., Oding N.Yu., Savulkin L.I.* Subsidized Regions of Russia: Scenarios for Increasing Budget Revenues // Voprosy Ekonomiki. 2018. No. 12. Pp. 46–65. (In Russ.).]
17. *Aivazyan S.A., Afanasyev M.Yu., Kudrov A.V.* Methodology of socio-economic development assessment given the peculiarities of regional differentiation // Model Assisted Statistics and Applications. 2020. Vol. 15. No. 4. Pp. 311–314. DOI: 10.3233/MAS-200502.
18. *Amsden A.* Say's Law, Poverty Persistence, and Employment Neglect // Journal of Human Development and Capabilities. 2010. Vol. 11. No. 1. Pp. 57–66.
19. *Boschma R., Coenen L., Frenken K., Truffer B.* Towards a theory of regional diversification // Papers in Evolutionary Economic Geography. 2016. Vol. 16. P. 17.
20. *Diener E., Oishi S., Tay L.* Advances in subjective well-being research // Nature Human Behaviour. 2018. Vol. 2. No. 4. Pp. 253–260. DOI: 10.1038/s41562-018-0307-6.
21. *Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L.* Subjective well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125. No. 2. Pp. 276–302. DOI: 10.1037/0033-2909.125.2.276.
22. *Dissart J.C.* Regional economic diversity and regional economic stability: research results and agenda // International Regional Science Review. 2003. Vol. 26. No. 4. Pp. 423–446.
23. *Dynnikova O.V., Kyobe A., Slavov S.* Regional disparities and fiscal federalism in Russia // Journal of the New Economic Association. 2022. No. 3 (55). Pp. 102–138. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-6.

24. *Easterlin R.A.* Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations and households in economic growth. New York: Academic Press, 1974. Pp. 89–125.
25. *Estes R.J.* Praxis: Resources for social and economic development. School of Social Work & Practice, University of Pennsylvania, 1995.
26. *Ferrans C., Powers M.* Quality of life index: Development and Psychometric properties // Advances in Nursing Science. 1985. Vol. 8. Pp. 15–24. DOI: 10.1097/00012272-198510000-00005.
27. *Fleurbaey M.* Beyond GDP: The Quest for a Measure of Social Welfare // Journal of Economic Literature. 2009. Vol. 47. No. 4. Pp. 1029–1075. DOI: 10.1257/jel.47.4.1029.
28. *Frenken K., Van Oort F.G., Verburg T., Boschma R.* Variety and regional economic growth in the Netherlands. 2005.
29. *Frey B.S., Stutzer A.* What Can Economists Learn from Happiness Research? // Journal of Economic Literature. 2002. Vol. 40. No. 2. Pp. 402–435. DOI: 10.1257/002205102320161320.
30. *Hartmann D*. Economic complexity and human development: How economic diversification and social networks affect human agency and welfare. London: Taylor & Francis, 2014.
31. *Infante-Amate J., Travieso E., Aguilera E.* Unsustainable prosperity? Decoupling wellbeing, economic growth, and greenhouse gas emissions over the past 150 years // World Development. 2024. Vol. 184. Art. 106754. DOI: 10.1016/j.worlddev.2024.106754.
32. *Jansen A., Wang R., Behrens P., Hoekstra R.* Beyond GDP: a review and conceptual framework for measuring sustainable and inclusive wellbeing // The Lancet Planetary Health. 2024. Vol. 8. No. 9. Pp. e695-e705. DOI: 10.1016/S2542-5196(24)00147-5.
33. *Jin H., Jakovljevic M.* Fiscal decentralization and the Human Development Index: A cross-border empirical study // Sustainability. 2023. Vol. 15. No. 11. Art. 8784. DOI: 10.3390/su15118784.
34. *Killingsworth M. A., Kahneman D., Mellers B.* Income and emotional well-being: A conflict resolved // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Vol. 120. No. 10. Art. e2208661120. DOI: 10.1073/pnas.2208661120.
35. *Letelier S. L., Sáez-Lozano J.L.* The effect of municipal fiscal decentralization on subjective well-being: The case of Chile // SAGE Open. 2024. Vol. 14. No. 2. DOI: 10.1177/21582440241242649.
36. *Malkina M.Yu*. Social well-being of the Russian Federation regions // Economy of Region. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 49–62. DOI: 10.17059/2017-1-5.
37. *Martinez-Vazquez J., Lago-Peñas S., Sacchi A.* The impact of fiscal decentralization: A survey // Journal of Economic Surveys. 2017. Vol. 31. No. 4. Pp. 1095–1129. DOI: 10.1111/joes.12182.
38. *Martinez-Vazquez J., McNab R.* Fiscal decentralization and economic growth // World Development. 2003. Vol. 31. No. 9. Pp. 1597–1616.
39. *Mikheeva N.N.* Qualitative aspect of the regional growth in Russia: Inclusive Development Index // Regional Science Policy & Practice. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 611–626. DOI: 10.1111/rsp3.12289.
40. *Nussbaum M.C*. Women and Human Development: The Capabilities Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
41. *Oates W.E.* Fiscal Federalism. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.

42. OECD. How's Life? 2024: Well-being and Resilience in Times of Crisis. Paris, 2024. DOI: 10.1787/90ba854a-en.
43. *Pasinetti L.L.* Structural change and economic growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
44. *Rahman T., Mittelhammer R.C., Wandschneider P.* Measuring quality of life across countries: A multiple indicators and multiple causes approach // The Journal of Socio-Economics. 2011. Vol. 40. No. 1. Pp. 43–52. DOI: 10.1016/j.socec.2010.06.002.
45. *Raphael D., Waalen J., Karbanow A.* Factor Analytic Properties of the Quality of Life Profile: Examination of the nine subdomain Quality of Life model // Psychological Reports. 2001. Vol. 88. No. 1. Pp. 265–276. DOI: 10.2466/pr0.2001.88.1.265.
46. *Ravallion M.* Mashup Indices of Development // The World Bank Research Observer. 2012. Vol. 27. No. 1. Pp. 1–32. DOI: 10.1093/wbro/lkr009.
47. *Sachs J.D., Lafortune G., Fuller G., Iablonovski G.* Implementing Sustainable Development: 2030 and Beyond. Sustainable Development Report 2026. 2026. DOI: 10.82163/225.
48. *Sen A.* Development as Freedom. New York: Oxford University Press, 1999.
49. *Smith A.* An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations (ed. RH Campbell, AS Skinner, and WB Todd). 1976.
50. *Stevenson B., Wolfers J.* Economic Growth and Subjective Well-Being: Reassessing the Easterlin Paradox // Brookings Papers on Economic Activity. 2008. Vol. 39. No. 1. Pp. 1–87. DOI: 10.1353/eca.0.0001.
51. *Stiglitz J.E., Fitoussi J.-P., Durand M.* Beyond GDP: Measuring what counts for economic and social performance. Paris: OECD Publishing, 2018. DOI: 10.1787/9789264307292-en.
52. *Tiebout C.M.* A pure theory of local expenditures // Journal of Political Economy. 1956. Vol. 64. No. 5. Pp. 416–424. DOI: 10.1086/257839.
53. *Tödtling F., Trippl M.* One size fits all? Towards a differentiated regional innovation policy approach // Research Policy. 2005. Vol. 34. No. 8. Pp. 1203–1219.

Дата поступления рукописи: *08.06.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *20.10.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мидов Аслан Замирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3094-9693
midov.a.z@mse-msu.ru

Шаклеина Марина Владиславовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры эконометрики и математических методов экономики Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1947-8640
shakleina.mv@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Aslan Z. Midov – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Economic and Financial Strategy, Moscow School of Economics, Leading Researcher, Centre for Strategic Studies, Institute for Mathematical Studies of Complex Systems, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3094-9693
midov.a.z@mse-msu.ru

Marina V. Shakleina – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Econometrics and Mathematical Methods in Economics, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1947-8640
shakleina.mv@gmail.com

POPULATION QUALITY OF LIFE IN THE CONTEXT OF SECTORAL STRUCTURE AND FINANCIAL INDEPENDENCE OF RUSSIAN REGIONS: AN ECONOMETRIC ASSESSMENT OF STRATEGIC PRIORITIES

The article identifies strategic priorities for improving the quality of life of the population in Russian regions, considering the sectoral structure of the economy and the level of financial independence. Using Rosstat data for 82 regions over 2010–2023, an integral quality-of-life indicator was constructed by the principal component method. Panel modeling with regional and time fixed effects for 2016–2023 was carried out separately for three groups of regions with different levels of fiscal capacity. It is established that fiscal capacity shapes the resource base for regional development but does not by itself determine the level of quality of life achieved: the nature of the relationship between the sectoral structure of the economy and quality of life differs substantially across groups of regions. In subsidized regions, a positive association with quality of life was found for education and certain service activities (including tourism and recreational services) with a relatively low capital-investment threshold, whereas the expansion of the public sector (public administration and social security) is associated with a negative effect. For financially independent regions, human capital development plays a significant role, while a negative association with the scale of activity in water supply, sewerage, and waste management reflects the influence of anthropogenic burden. For regions with a medium level of financial independence, no stable set of sectoral factors was identified, pointing to the need for a more refined typology of this group. The results show that a single set of sectoral priorities for Russian regions has no empirical justification: strategic choice must account for the combination of a territory's financial capacity, its established specialization, and the sectors whose development is associated with higher quality of life, which entails a shift from uniform strategies to differentiated ones.

Keywords: *quality of life, strategizing, strategic priorities, integral indicator, panel regression, regions, financial independence.*

JEL: R10, R11, R12, R19.

С.В. КОЗЛОВА
доктор экономических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТОВ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ

В статье главный акцент сделан на анализе процесса трансформации институтов управления государственным имуществом. Анализ проводился в контексте современных целей трансформации: защита национальных интересов, повышение доходности от использования госимущества, технологическое развитие страны на базе технологической независимости. Проведен всесторонний анализ трехлетних новаций в контексте решения задач стратегического характера по обеспечению социально-экономического развития России и сохранения нашей страны как суверенного государства в сложных геополитических условиях. Представлены результаты исследования направлений и сложившихся трендов трансформации в области таких институтов управления государственным имуществом, как приватизация и деприватизация, учет и контроль отдельных составляющих имущественной казны, как важного звена сделок по приватизации/деприватизации. Проведенный анализ также выявил современные особенности концептуальных подходов к управлению государственным имуществом, которое рассматривается как институт экономической безопасности, как источник бюджетных доходов и как инструмент выстраивания новой политики в области структурной перестройки российской экономики на новом, более высоком и современном уровне технологического развития.

Ключевые слова: *управление государственным имуществом, институты управления, трансформация институтов государственного управления.*

УДК: 338.26

EDN: NHMATG

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_5_93_108

Введение

Современный период развития России характеризуется рядом кардинально новых вызовов, существенно влияющих на всю социально-экономическую систему нашего государства. Прежде всего, это санкционное давление на российскую экономику, которое оказывают недружественные государства уже более четырех лет. С течением времени возникла потенциальная возможность появления кумуля-

тивного отрицательного эффекта от их воздействия. Например, при введении нового пакета санкций нарушаются сложившиеся цепочки создания стоимости, в результате чего возникают серьезные проблемы с логистикой и взаимными платежными расчетами. Вводимые ограничения на доступ к технологиям, такие как запрет на поставки в Россию высокотехнологичного оборудования, сначала приводит к сбоям в работе какой-то одной отрасли, а со временем это тормозит модернизацию смежных сфер. Снижение инвестиций в российскую экономику и отток капитала подрывают доверие инвесторов, о чем можно судить по ситуации, складывающейся сначала в отдельных секторах, но со временем недоверие инвесторов растет, иностранный капитал уходит из страны, компании лишаются финансирования для развития, в результате чего происходит замедление роста экономики страны в целом.

Эти факты требуют быстрого реагирования государства и создания новых механизмов по устранению негативных последствий антироссийских санкций, введения ответных жестких мер, создания новых институтов для снижения рисков от санкционного давления и корректировки институтов государственного управления развитием всей социально-экономической системы в целях предотвращения негативного кумулятивного эффекта. Остаются те механизмы и институты, которые наиболее эффективно, в первую очередь с точки зрения нивелирования рисков, работают в современных условиях. Это относится и к управлению объектом нашего исследования – государственному имуществу, используемому как база для решения целевых многоаспектных и разновекторных задач текущего времени, важнейшие из которых – обеспечение государственных интересов России и ее экономической безопасности.

Управление госимуществом в контексте национальных задач

Наряду с выполнением такой функции, как обеспечение национальной безопасности, государство решает главные стратегические задачи в сфере экономики. Важнейшая среди них – структурная модернизация экономики, осуществляемая при одновременном решении множества задач, обозначенных Президентом России в национальных целях[1] развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.

[1] Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 14.06.2026).

При этом, как указывают ученые Института экономики РАН, «Формирование курса на обеспечение технологического суверенитета серьезно меняет подходы к научно-технологической политике. Важнейшим ее направлением становится обеспечение качественного целеполагания научно-технологического развития в соответствии с определяемыми государством национальными интересами и целями» [1, с. 34].

Именно поэтому в декабре 2025 г. на заседании Правительства Российской Федерации был принят «*План структурных изменений в российской экономике до 2030 года*» (утв. протоколом заседания Правительства РФ от 27.11.2025 N 41), в котором указано, что он «…является одним из способов обеспечения траектории экономического роста, которая необходима для достижения национальных целей и параметров прогноза социально-экономического развития Российской Федерации в условиях «охлаждения» экономики». План структурных изменений включает перечень индикаторов и их целевых плановых значений, установленных до 2030 г., которые систематизированы в семь взаимосвязанных разделов, характеризующих ключевые сферы реализации структурных изменений.

«Целеполагание как процесс постановки целей – это отправная точка всего процесса стратегического планирования. Качество формирования и формулировки набора целей в конечном счете определяют траекторию и саму возможность их достижения» [2, с. 5]. В связи с этим для достижения заданных целей и получения ожидаемого результата нужны адекватные целям механизмы и институты управления, обеспечивающие непротиворечивое и эффективное их воздействие на объект управления.

Государственное имущество, т. е. имущество, которое принадлежит государству – земля, предприятия, акции компаний, объекты инфраструктуры и т. д. – это один из главных инструментов, с помощью которого государство сможет осуществить свой вклад в структурные изменения экономики до 2030 г. В контексте плана структурных изменений государство не просто владеет имуществом, а использует его для решения стратегических задач: обеспечивать работу естественных монополий (энергетика, транспорт и пр.), поддерживать социальные сферы (здравоохранение, образование и пр.), развивать критические технологии.

Цель плана структурных изменений в российской экономике до 2030 г. – обеспечить устойчивую траекторию роста экономики, чтобы достичь национальных целей. В плане несколько взаимосвязанных направлений. Первое – изменение структуры занятости: нужно перераспределить трудовые ресурсы – сократить долю занятых в некоторых секторах (оптовая и розничная торговля, финансовая и страхо-

вая деятельность, сектор государственного управления), но нарастить в других – обрабатывающие производства (в том числе высокотехнологичные), ИТ, связь, образование, научные и технические услуги. Для этого сделан акцент на повышении производительности труда через роботизацию и внедрение искусственного интеллекта (ИИ). Второе – изменение структуры потребления. Повышение доходов населения, снижение их дифференциации и борьба с бедностью должны стимулировать рост внутреннего спроса на отечественные товары и услуги. Это, в свою очередь, подстегнет развитие производств. Третье – повышение качества инвестиционного климата. Здесь поставлена следующая задача перед государством – создать условия, чтобы бизнес активнее инвестировал в развитие промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг, жилищного строительства. Четвертое – повышение уровня технологического развития с акцентом на технологическом суверенитете: развитие ИИ, беспилотных систем, новых материалов, химии, фармацевтики, космической деятельности, обеспечение продовольственной безопасности. Пятое – трансформация структуры и новое качество внешней торговли посредством наращивания доли отраслей с высокой добавленной стоимостью (обрабатывающие производства, НИОКР, финансовый сектор, ИТ, туризм) и одновременного снижения вклада нефтегазового комплекса. Шестое направление – «обеление» экономики – одно из важных направлений в решении задач текущего периода. Власти ставят цель снизить долю теневого сектора и получить дополнительные доходы в бюджеты разных уровней. Седьмое – рост эффективности в сфере обороны и безопасности. Это тоже часть общей задачи по перестройке экономической модели.

Исходя из современных условий, *представляется важным обозначить то, что именно через управление своим имуществом государство реализует многие из перечисленных направлений.* Оно может владеть пакетами акций компаний, чтобы влиять на их стратегию и направлять развитие стратегически важных отраслей; через государственные корпорации и учреждения напрямую участвовать в создании и модернизации инфраструктуры (транспорт, связь, цифровая инфраструктура); использовать имущество казны для поддержки инноваций и высокотехнологичных проектов; в рамках «обеления» – являться заказчиком или регулятором в секторах, где государство выступает ключевым игроком. Поэтому *совершенно логично*, в контексте трансформации стратегических целей социально-экономического развития нашей страны и общества в целом, а также трансформации российской экономической модели на фоне кардинально изменившихся геополитических условий, *говорить о необходимости трансформации институтов управления государственным имуществом.* Это происходит как в части трансформации целеполагания в функционировании объектов управ-

ления, так и в части самих организационных институтов, в отношении инструментов достижения целей или в области превалирования тех или иных функций институтов и критериев оценки их эффективности.

Трансформация концептуальных подходов к управление госимуществом

Что особенно важно в научном плане для научного исследования – это поиск новых концептуальных подходов к управлению государственным имуществом с учетом того факта, что прежняя Концепция управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации (далее – Концепция), принятая в 1999 г.[2], утратила силу почти два года назад, в конце декабря 2024 г.[3], а новая концепция еще не разработана и не принята. В Концепции были намечены пути и механизмы вовлечения государственных предприятий в хозяйственный оборот, повышения эффективности функционирования всего государственного сектора, привлечения частных инвестиций в реальный сектор экономики, создания конкурентной среды для ускорения социально-экономического развития нашей страны. К сожалению, поставленные в Концепции цели во многом не достигались, а задачи не решались. Одна из главных причин этого заключалась в том, что, «несмотря на верную и своевременную постановку целей, в Концепции отсутствовали индикаторы оценки их достижения и конкретные показатели, которые необходимо было достичь» [3, с. 92].

К концу 2013 г. стало ясно, что необходим такой инструмент государственного управления, который бы объединял стратегические цели нашего государства и связанные с этим задачи по совершенствованию госуправления своими активами, с оценкой эффективности их решения, и с бюджетированием их выполнения. В качестве такого инструмента в 2013 г. была принята Государственная программа Российской Федерации «Управление федеральным имуществом»[4]. В ней были

---

[2] Концепция управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 9 сентября 1999 г. № 1024. http://www.base.garant.ru/12116841/ (дата обращения: 24.09.2026).

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2024 г. № 1845 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». http://www.docs.cntd.ru/document/1310617685?marker=64U0IK (дата обращения: 24.09.2026).

[4] Государственная программа Российской Федерации «Управление федеральным имуществом», утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 16 февраля 2013 г. № 191-р. https://docs.cntd.ru/document/564566334?marker=7D20K3 (дата обращения: 24.09.2026).

обозначены основные проблемы текущего периода, требующие решения, в том числе: избыточность имущества, необходимого для осуществления государством его функций; несправедливая конкуренция в отраслях со значительным присутствием государства; отсутствие четких целей и полноты учета имущественных объектов; низкий уровень корпоративного управления компаний с государственным участием; низкая мотивация и ответственность участников процесса управления государственным имуществом. В этой программе впервые была обозначена цель управления объектами государственного имущества, которая конкретизировалась двумя основными индикаторами программы – темпами сокращения количества организаций с государственным участием и темпами сокращения имущества государственной казны Российской Федерации.

Однако ни она, ни принятые в течение последующих десятилетий государственные программы по управлению государственным имуществом не решали стратегических задач управления. В первую очередь, потому, что управление государственным имуществом долгое время понималось весьма однобоко – как его приватизация, а сама государственная программа, по сути, превратилась в инструмент приватизационной политики [4, с. 18]. После 2022 г. цели и задачи управления государственным имуществом настолько изменились, что представляется весьма правомерным решение Правительства РФ о необходимости поиска новых институтов и механизмов управления государственным имуществом, а морально устаревшую Концепцию признать утратившей силу.

Для достижения национальных целей развития России на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., обозначенных в Указе № 309[5], существующей в настоящее время экономической модели в нашей стране, вероятно, предстоит пройти сложный этап трансформации от рыночного капитализма, сложившегося более чем за 30-летний период российских реформ, к такому общественному устройству, в основе которого будут сохранены принципы рыночной экономики при сохранении государственного управления (при повышении его качества). У нашей страны есть внутренний потенциал и необходимые экономические, финансовые и природные ресурсы, использование которых может обеспечить устойчивое экономическое и социальное развитие России, что практически невозможно без «четкого уяснения и ответственного следования национальным интересам в государственном регулировании экономики» [5, с. 17].

[5] Указ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 24.09.2026).

Фактически сейчас речь идет о разработке новых концептуальных подходов к управлению государственным имуществом, в которых найдут отражение новые институциональные условия взаимодействия государства и бизнес-структур для повышения инновационной и инвестиционной активности в разных отраслях, для структурной перестройки российской экономики, для решения социальных проблем. При этом уже на концептуальном уровне необходимо отразить, что в современных условиях, с одной стороны, нужны институты, обеспечивающие стабильные условия для работы бизнес-структур на достаточно протяженном отрезке времени, а с другой – нестабильность мировой социально-экономической системы в условиях современных геополитических событий ограничивают возможности для использования длительного горизонта планирования для бизнес-процессов. Это особенно важно в современных реалиях, когда главными задачами становятся сохранение суверенитета и целостности государства, выбор направлений и целей развития его национальной социально-экономической системы исходя из государственных интересов. Решение этих задач принципиально необходимо и требует учета при определении направлений дальнейшей трансформации института государственного управления, особенно при возрастании роли государства в процессе перехода к многополярному миру.

Новые тренды трансформации института приватизации

Решение современных задач требует значительных финансовых расходов, поэтому при дефицитном бюджете необходим поиск источников дополнительных доходов федерального бюджета, в том числе за счет управления государственным имуществом: приватизации части государственного имущества, оптимизации его состава, повышения эффективности использования, привлечения частных инвестиций путем механизмов института государственно-частного партнерства, совершенствования правовых норм и пр.

Анализ новых трендов трансформации института приватизации показал, что они имеют под собой разные причины и следствия. Безусловно, в первую очередь, этот институт затрагивает право собственности, поэтому его состояние важно прежде всего с точки зрения функционирования существующей модели российской экономики. И для того чтобы предпринимательство в России продолжало развиваться, оно должно поддерживаться государством, в том числе посредством института приватизации. Одновременно с этим приходится констатировать, что со временем *данный институт трансформируется главным образом в источник поступления денежных доходов в бюджет.*

Что показало исследование трансформационных трендов данного института за последние четыре года? Во-первых, было выявлено, что приватизационные процессы в России продолжаются, и при этом весьма активно, т. е. институт приватизации в России функционирует, но не в форме массовой приватизации – активы тщательно подготавливаются к продаже. Как следствие, доходность от приватизационных сделок растет. Так, за период с января по сентябрь 2026 г. поступления в бюджет превысили 300 млрд руб. Среди крупных сделок, которые уже состоялись или активно реализовывались в этом году: продажа аэропорта «Домодедово»; продажа групп «Саянскхимпласт» и «Южуралзолото»; решение о выплате дивидендов от обращенных в доход государства компаний на сумму 14 млрд руб.[6] В планах на остаток года: продажа госпакета Новороссийского морского торгового порта (покупатель – инвестор, без выхода на биржу); реализация активов «Трансбункер», Камчатский порт, сельскохозяйственных активов в Краснодарском крае и блока недвижимости «Макфы» в Челябинске[7]. Таким образом, речь идет о серии приватизационных сделок с активами, ранее возвращенными в государственную собственность.

Планируемые к концу 2026 г. доходы в размере 500 млрд руб. – это пока оптимистичный ориентир, а не жесткий план, который может скорректироваться в зависимости от того, как сложатся обстоятельства на рынке. Но для понимания масштаба приватизационных сделок 2026 г. нельзя не упомянуть, что в 2025 г. Росимущество перечислило в бюджет 84,2 млрд руб., полученных от приватизации имущества[8] .

Как было отмечено ранее в наших исследованиях, «…Исходя из анализа имеющих место конкретных сделок, можно заключить, что на доходную составляющую бюджета в части доходов от приватизации оказывают влияние в большей степени единичные крупные сделки по приватизации – когда на рынок выводят акции тех компаний, которые выбраны государством в качестве объектов для приватизации, и которые действительно стоят дорого» [6, с. 78].

Во-вторых, *внутри приватизационного процесса формируется трансформационный тренд на упрощение процесса приватизации и реализации государственного имущества*. Первое упрощение – правительство РФ стандартизирует продажу госимущества, в том числе на особых условиях, т. е. оно упрощает процесс приватизации: речь идет о так назы-

6 24 июня 2026 г. FINMARKET.RU. Доходы бюджета РФ от приватизации в этом году могут составить не менее 300 млрд руб., считает глава Росимущества. https://www.finmarket.ru/news/6650021?ysclid=mvybx6cukp35752210 (дата обращения: 10.10.2026).

7 pravo.ru

8 https://www.finmarket.ru/news/6650021?ysclid=mvybx6cukp35752210 (дата обращения: 10.10.2026).

ваемых инвестиционных сделках с приобретателями таких активов[9]. До принятия данного постановления эти сделки совершались в «ручном режиме» – по распоряжениям Правительства РФ. В новой конструкции предлагается ввести «полуавтоматический режим»: процедурная часть будет едина для всех сделок (Постановление подробно указывает способы отчуждения федерального имущества), но решение правительства по каждой из них будет приниматься с участием Минфина, Росимущества и ФАС. Потребность в единых правилах может объясняться появлением новых активов на балансе государства и необходимостью привлечения инвестиций: сейчас продолжается передел собственности на фоне санкций. В частности, 26 февраля 2024 г. был принят Указ Президента РФ относительно финансового и нефтегазового секторов: Правительственная комиссия по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации была наделена правом давать Президенту России рекомендации по сделкам с долями российских компаний, принадлежащих «недружественным» нерезидентам[10].

Что касается привлечения частных инвесторов, то об этом прямо говорится в документе, для чего он необходим: «… обоснование целесообразности отчуждения федерального имущества способами, прямо не предусмотренными Федеральным законом «О приватизации государственного и муниципального имущества»; д) обоснование предлагаемого способа отчуждения федерального имущества и его соответствия целям создания условий для привлечения инвестиций, стимулирования развития фондового рынка, модернизации и технологического развития экономики…».

Таким образом, реализуются мероприятия, способствующие дальнейшему развитию механизмов управления государственным имуществом, основанных на таких основных принципах, как соответствие состава имущества функциям и полномочиям государства. Неиспользуемое или неэффективно, или незаконно используемое имущество приватизируется или передается по упрощенной процедуре более эффективному собственнику. *В 2026 г. Росимущество сосредоточено на ускорении темпов продаж имущества, обращенного в доход государства*. Количество такого имущества растет постоянно: в первую очередь – это корпоративные активы; также существенно увеличилось количество недвижимости и земельных участков, изъятых в доход государства.

---

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2024 г. № 208 (ред. от 14 февраля 2026 г.) «Об утверждении Правил отчуждения федерального имущества в целях создания условий для привлечения инвестиций, стимулирования развития фондового рынка, модернизации и технологического развития экономики».

[10] https://www.kommersant.ru/doc/6533590 (дата обращения: 01.10.2026).

Второе упрощение – это переход на электронную форму продаж государственного имущества. С 1 июля 2026 г. *в России начался переход на обязательную электронную форму продаж государственного и муниципального имущества*. Это закреплено Федеральным законом от 29 декабря 2025 года № 577-ФЗ, который вносит изменения в Закон о защите конкуренции. Торги проводятся исключительно в электронной форме на площадках, перечень которых утверждает Правительство РФ. Как правило, это те же электронные торговые площадки (ЭТП), что используются для госзакупок. Вводя единый аукционный порядок продаж всего государственного имущества, власти рассчитывают на рост поступлений в испытывающий нехватку доходов федеральный бюджет. Новые поправки позволят максимально упростить взаимодействие бизнеса и государства, сократить издержки и повысить уровень конкуренции и прозрачности на торгах»,– подчеркивают в Аппарате Правительства РФ.

Единая цифровая платформа (ЕЦП) будет обеспечивать контроль за объектом не только в момент его выставления на торги, но и задолго до того, как будет принято решение о его продаже. До сих пор, по действующему законодательству, продажа имущества и прав его аренды, земле- и недропользования, квот на вылов рыбы и т. п. регулировалась множеством отраслевых актов. *Правительство РФ рассчитывает, что совершенствование самих торгов государственными активами посредством электронной системы сделает объект торгов более «прозрачным», а величину дохода от его продажи – более существенной.*

Деприватизация имущества и временное управление частными активами со стороны государства

В последние полтора года в России наблюдается смена трендов в делах об изъятии частных активов: из-за оспаривания результатов приватизации сокращается число изъятий при одновременном наращивании количества антикоррупционных исков. Также фиксируется снижение суммы изъятых активов. Их общая стоимость за январь–август 2026 г. оценивается в 980 млрд руб. против 2 трлн руб. годом ранее за аналогичный период (всего за 2025 г. – 3,1 трлн руб.)[11] Для изъятия активов сейчас есть несколько оснований: это, в частности, нарушение правил приватизации или законодательства о стратегических предприятиях, а также коррупционные обвинения.

Среди позитивных изменений, *в первую очередь для улучшения инвестиционного климата в российской экономике,* необходимо отметить

[11] Активы пошли другим путем. 10 сентября 2026 г. https://www.kommersant.ru/doc/8940289?tg (дата обращения: 25.10.2026).

принятие закона о сроках давности при оспаривании сделок приватизации – иски об истребовании такого имущества не могут подаваться по истечении десяти лет с момента его выбытия из госсобственности. При этом сроки давности не распространяются на антикоррупционные и антиэкстремистские иски. Закон вступил в силу только в июне 2026 г., но решение Конституционного суда о необходимости применения сроков исковой давности к деприватизационным искам принято в конце 2024 г. На этом фоне количество таких требований стало уменьшаться еще в 2025 г.: сумма изъятых активов в 2025 г. составила 6 млрд руб. против 194 млрд руб. в 2024 г.[12]

Также нельзя не указать на *новый тренд – временное управление частными активами со стороны государства без перехода права собственности.*

В апреле 2023 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал указ, который предполагает перевод во временное управление имущества, связанного со странами, конфискующими имущество России, россиян и российских компаний[13]. Под временное управление могут подпасть движимое и недвижимое имущество, ценные бумаги, доли в уставных капиталах, имущественные права. Временный управляющий осуществляет полномочия собственника этих активов, за исключением полномочий по распоряжению имуществом.

Всего с апреля 2023 г. во временное управление передали российские активы 28 иностранных компаний и групп.

Больше всего компаний подпало под временное управление в 2026 г. – 11. В это же время подписан указ[14], внесший дополнения в список компаний. За все время такой режим отменили в семи случаях: четыре компании перешли к российским инвесторам, две обратили в доход государства и одна вернулась к прежнему владельцу. Также за последнее время российские активы ряда иностранных компаний перешли под временное управление: 28 сентября 2026 г. активы Metro Cash & Carry передали в управление АО «УК Торг РУС»; 17 сентября 2026 г. 100% акций российской «дочки» Auchan, ООО «Ашан»,

[12] 1 октября 2026 г. https://www.rbc.ru/politics/01/10/2026/6abe9637a7298c136ddf1e2b?ysclid=mvu4j93eq929514946 (дата обращения: 25.10.2026).

[13] Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 302 «О временном управлении некоторым имуществом». http://www.kremlin.ru/acts/bank/49196?ysclid=mw0zwsj9mf672500851 (дата обращения: 10.10.2026).

[14] Указ Президента Российской Федерации от 17 сентября 2026 г. № 661 «О внесении изменений в перечень движимого и недвижимого имущества, ценных бумаг, долей в уставных (складочных) капиталах российских юридических лиц и имущественных прав, в отношении которых вводится временное управление, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 302» https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/414830418/?ysclid=mw100wy4g9715620279 (дата обращения: 10.10.2026).

и «Лемана ПРО», а также 100% акций ООО «Нестле Россия» перешли под управление «Л.Е.В. Менеджмент».

Таким образом, проведенный анализ приватизационных и деприватизационных сделок позволяет говорить о продолжающихся формироваться новых трансформационных трендах данного сегмента – они разноуровневые и разновекторные. Но в целом все они направлены на выполнение триединой задачи: безопасность, доходность, наращивание имущественной базы для технологической структурной перестройки российской экономики.

Имущественная казна

Важной дополняющей в механизмах института приватизации/деприватиции является имущественная казна.

Чем больше сделок по продаже, покупке, безвозмездной передаче, тем строже и четче должен быть их учет. В течение последних нескольких лет было проведено большое количество сделок по имуществу, учет которых, как правило, проходит через имущественную казну. Ведь если происходит отчуждение из частной собственности, то имущество на то время, пока оно не передано новому собственнику, поступает в казну (федеральную, региональную, муниципальную). Передача имущества из государственной собственности в частную также осуществляется через институт имущественной казны. Именно поэтому *в сложившихся условиях так важен учет и контроль госимущества в составе казны, поскольку от их прозрачности и достоверности зависят последующие управленческие решения*, их эффективность и результативность как на макроуровне, так и внутри каждой сделки, будь это приватизационная либо деприватизационная передача имущества.

Как показало исследование в этой области, за последние 3-4 года проделана большая работа по формированию институциональной среды имущественной составляющей казны, начиная с федерального и до муниципального уровней управления. Реализуются мероприятия, способствующие дальнейшему развитию механизмов управления государственным (муниципальным) имуществом, основанных на таких основных принципах, как соответствие состава имущества функциям и полномочиям государства и открытость информации об объектах имущества, а также сделок с ними. Но этого недостаточно. «Для повышения эффективности и качества государственного управления имущественной составляющей государственной казны прежде всего необходимо: 1) усилить прозрачность института учета и контроля имущества казны всех уровней (федерального, регионального и муниципального). В рамках учета необходима четкая процедура оценки стоимости передаваемого в ту или иную сторону имущества. В противном случае это

приводит к имеющим негативные последствия управленческим ошибкам; 2) минимизировать основные риски или полностью исключить возможность их появления из-за неправильно принятых решений по использованию имущества казны. При этом достоверность данных должна сочетаться с оперативностью и быстротой протекания экономических процессов и их трансформации в современных условиях; 3) уделять особое внимание анализу возможных негативных последствий принятых на всех уровнях власти решений по приватизации и деприватизации имущества казны и оперативно реагировать на них» [7, с. 117].

Заключение

Необходимость структурной перестройки российской экономики, ее технической модернизации вынуждает искать дополнительный потенциал как в государственном секторе экономики, так и в рыночном сегменте (в предпринимательской деятельности), выстраивать механизмы сопряженности в использовании государственных и рыночных активов, в том числе посредством обновленного целеполагания в использовании государственных активов, и через цели – встраивать использование госимущества в стратегическое планирование.

«Управленческие цели и меры по их эффективной реализации должны быть политически, юридически и экономически обоснованными, отражать глубинный интерес общества, реализовываться системно и в непрерывном режиме. Залог успешности – системность, стратегическая ориентированность, профессионализм, ответственность и конструктивность действия» [8, с. 22]. Проведенное исследование показало возросшую роль институтов управления государственным имуществом в сложившихся за последние годы реалиях геополитической нестабильности, выделяя при этом две, существующие одновременно тенденции – рост числа сделок по приватизации и деприватизация (в первую очередь у недобросовестных собственников). «Очевидным мотивом для этого явления можно назвать необходимость пополнения бюджета в ситуации обвала нефтегазовых доходов. Однако есть и другой мотив – повышение эффективности управления имеющимися активами, активизация перелива инвестиционных ресурсов из государственного сектора в частный, освоение смежных секторов» [9, с. 27]. Совершенствование институтов управления государственным имуществом предполагает координацию с частными инвесторами, учет имеющихся активов при стратегическом планировании, достижение поставленных правительством приоритетов и мониторинг ключевых показателей эффективности.

Исследование современных трансформационных сдвигов в госуправлении имуществом также показало, что его задача – обеспечить

ресурсами (имущественными ресурсами) реализацию государственной политики и структурных сдвигов. Тем самым *госимущество – это «инструмент» структурных изменений, с помощью которого государство меняет пропорции в экономике, развивает технологии и решает социальные задачи. А структурный план задает вектор действий в современных условиях*.

Безусловно, в ближайшем будущем нужна новая Концепция управления государственным имуществом, стратегическое ядро которой должно обладать следующими характеристиками: прозрачностью, эффективностью и ответственностью лиц, принимающих решения, за получаемые в итоге результаты. В новой Концепции представляется правильным отразить следующие основные положения современных подходов к управлению государственным имуществом. В первую очередь, равнозначность форм собственности. Одновременно с этим необходимо учитывать, что выдвижение на первый план поддержания национально-государственной безопасности предполагает возможность трансформации института собственности, а также потенциальную вероятность введения временного управления частными активами без изменения формы собственности – но на определенный временной период.

Важно то, что на первый план выходит целеполагание в трансформации институтов управления госимуществом, сопряженное со стратегическими целями социально-экономического развития страны. Именно это даст возможность обеспечить имущественную базу для решения национальных задач.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. Структурные изменения в российской экономике и политика технологической трансформации: Научный доклад / Е.Б. Ленчук (отв. ред.), Н.Ю. Ахапкин, Л.Н. Лыкова, И.А. Николаев, В.И. Филатов. М.: ИЭ РАН, 2025. [Structural Changes in the Russian Economy and the Policy of Technological Transformation: Scientific Report / E.B. Lenchuk (ex. ed.), N.Yu. Akhapkin, L.N. Lykova, I.A. Nikolaev, V.I. Filatov. Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2025. (In Russ.).]
2. *Блохин А.А., Адамян Э.А., Китаев А.Е., Миронова И.И.* Сравнительные оценки параметров целей государства и других субъектов управления российской экономикой // Вестник Московского университета. Серия Экономика. 2019. № 2. С. 3–25. [*Blokhin A.A., Adamyan E.A., Kitaev A.E., Mironova I.I.* Comparative assessments of the parameters of the goals of the state and other subjects managing the Russian economy // Moscow University Bulletin. Series 6. Economics. 2019. No. 2. Pp. 3–25. (In Russ.).]
3. *Грибанова О.М.* Концепция управления государственным имуществом: оценка и перспективы развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 4. С. 90–97.[*Gribanova O.M.* The Concept of State Property Management: Assessment and Development Prospects // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 4. Pp. 90-97. (In Russ.).]

4. *Козлова С.В., Братченко С.А., Звягинцев П.С.* Управление государственным имуществом в современной России: эволюция концепций, инструментов, механизмов: Доклад. М.: ИЭ РАН, 2019. [*Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Zvyagintsev P.S.* Management of State Property in Modern Russia: Evolution of Concepts, Tools, and Mechanisms: Report. – Moscow: Institute of Economics of the RAS, 2019. (In Russ.).] EDN: EUPRHU.
5. *Винслав Ю.Б.* Государство и национальная экономика: принципы и инструментарий взаимодействия в системе управленческих отношений // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2023. № 1. С. 4-17. [*Vinslav Yu.B.* The State and the National Economy: Principles and Tools of Interaction in the System of Management Relations // Management and Business Administration. 2023. No. 1. Pp. 4–17. (In Russ.).] DOI: 10.33983/2075-1826-2023-1-17-42.
6. *Козлова С.В.* Актуальные вопросы управления государственным имуществом в 2025 г. // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 6. С. 72–85. [*Kozlova S.V.* Current Issues in the Management of State Property in 2025 // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 6. Pp. 72–85. (In Russ.).]
7. *Козлова С.В.* Управление имущественной казной: трансформация подходов в новых социально-экономических условиях // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 5. С. 105-120. [*Kozlova S.V.* Management of the Property Treasury: Transformation of Approaches in New Socio-Economic Conditions // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 5. Pp. 105–120. (In Russ.).]
8. *Охотский Е.В., Фролов С.С.* Качество целеполагания – базовое условие эффективного государственного управления // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2020. № 1. С. 21–42. [*Okhotsky E.V., Frolov S.S.* The quality of goal-setting is a basic condition for effective public administration // Moscow University Bulletin. Series 21. Management (state and society). 2020. No. 1. Pp. 21–42. (In Russ.).]
9. *Букина И.С.* Инвестиции как фактор структурной перестройки российской экономики: роль бюджетных средств // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 6. С. 24–46. [*Bukina I.S.* Investments as a Factor in the Structural Transformation of the Russian Economy: The Role of Budget Funds // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2025. No. 6. Pp. 24–46. (In Russ.).]

Дата поступления рукописи: *21.08.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *20.10.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Козлова Светлана Вячеславовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0009-1708-4945
svk1020@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Kozlova – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0009-1708-4945
svk1020@mail.ru

MODERN TRENDS IN THE TRANSFORMATION OF INSTITUTIONS FOR MANAGING STATE PROPERTY

The article focuses primarily on analyzing the process of transforming institutions for managing state property. The analysis was carried out in the context of the current goals of transformation: protecting national interests, increasing the profitability of using state property, and ensuring the country's technological development based on technological independence. A comprehensive analysis of three-year innovations was conducted in the context of addressing strategic tasks aimed at ensuring Russia's socio-economic development and preserving our country as a sovereign state in challenging geopolitical conditions. The results of the identified areas and established trends in transformation within such institutions for managing state property as privatization and de-privatization, accounting and control of individual components of the property treasury, as an important element of privatization/de-privatization transactions, are presented. The analysis also revealed the current features of conceptual approaches to the management of state property, which is considered as an institution of economic security, as a source of budget revenues, and as a tool for shaping a new policy in the field of structural restructuring of the Russian economy at a new, higher and more modern level of technological development.

Keywords: *management of state property, management institutions, transformation of public administration institutions.*

JEL: H82, H19.

ФИНАНСЫ

В.В. ЛИТВИН
доктор экономических наук, доцент, директор Института финансовых исследований Финансового факультета, доцент Кафедры банковского дела и монетарного регулирования ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Д.И. КОРОВИН
доктор экономических наук, кандидат физико-математических наук, доцент, профессор Кафедры моделирования и системного анализа Факультета информационных технологий и анализа больших данных ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

К.В. КРИНИЧАНСКИЙ
доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института финансовых исследований, профессор Кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга Финансового факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Т.В. МАНЯХИН
кандидат экономических наук, доцент Кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга, ведущий научный сотрудник Института финансовых исследований Финансового факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ РИСКОВ СОЗДАНИЯ И ПРИУМНОЖЕНИЯ «ДЛИННЫХ ДЕНЕГ» В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ[1]

Формирование долгосрочных сбережений и их трансформация в производительные инвестиции составляют центральную опору устойчивого экономического роста и экономической безопасности. В ряде развивающихся экономик, включая российскую, этот процесс структурно ограничен сложной системой взаимосвязанных рисков,

[1] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

среди них – геополитические изменения, макроэкономическая нестабильность, институциональная хрупкость, инфраструктурные дефициты, поведенческие факторы и другие. Для проведения углубленного анализа этих рисков в настоящем исследовании использована многоуровневая аналитическая модель, объединяющая идеи макроэкономики, теории финансового посредничества, институциональной экономики, финансовой экономики, макрофинансовой стабильности. Данная концептуальная основа позволила систематизировать и охарактеризовать риски, опосредующие процесс воспроизводства «длинных денег» в российской экономике. Методом экспертного опроса осуществлена оценка рисков и возможного экономического ущерба от наступления рисковых событий в 2026–2028 гг. Составлены и проанализированы динамические карты рисков, разработан комплекс рекомендаций по минимизации рисков создания и приумножения длинных денег в российской экономике.

Ключевые слова: *длинные деньги, долгосрочные сбережения, долгосрочные инвестиции, экономический ущерб, экспертная оценка, карта рисков, механизмы нейтрализации рисков.*

УДК: 336.7

EDN: TXQCJM

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_5_109_134

Введение

Анализ механизмов долгосрочного финансирования в экономике требует концептуальной основы, способной учитывать не только структурные характеристики финансовых систем, но и разнообразные риски, формирующие поведение экономических агентов. В условиях растущей макроэкономической волатильности, геополитической фрагментации и институциональной неопределенности риск-ориентированный подход предоставляет продуктивный инструмент для изучения того, как формируются, распределяются и преобразуются в инвестиции долгосрочные сбережения.

Центральная предпосылка данного подхода состоит в том, что формирование «длинных денег» сопряжено с широким спектром взаимосвязанных рисков, которые влияют как на предложение финансовых ресурсов, так и на спрос на инвестиционный капитал. Домохозяйства, фирмы, финансовые посредники и государство постоянно корректируют свои стратегии в ответ на меняющиеся представления о рисках, ожиданиях и ограничениях. В результате эффективность механизмов долгосрочного финансирования зависит не только от наличия финансовых инструментов, но и от стабильности макрофинансовой среды, качества институтов и уровня доверия среди экономических субъектов.

Подход, основанный на оценке рисков, позволяет систематизировать эти факторы путем выявления ключевых категорий рисков – геополитических, макроэкономических, институциональных и регуляторных – и анализа каналов, через которые они влияют на эконо-

мические решения субъектов экономики. Важно отметить, что эти риски не действуют изолированно, они взаимодействуют посредством множественных прямых и обратных связей, усиливая или ослабляя эффекты друг друга. Таким образом, задавая концептуальные рамки риск-ориентированного подхода, важно увидеть возможности интеграции положений макроэкономической теории, теории финансового посредничества, финансовой экономики и институциональной экономической теории, что требуется для реализации всестороннего и динамичного анализа долгосрочных процессов финансирования в условиях неопределенности.

Обзор литературы

Контент-анализ соответствующей литературы позволяет зафиксировать следующие рамки проблемного исследования в обозначенных областях экономической науки. Так, теория финансового посредничества [16; 11; 19] раскрывает роль финансовых институтов в преобразовании краткосрочных сбережений в долгосрочные инвестиции в условиях неопределенности и асимметричной информации. Труды, относящиеся к новой институциональной экономической теории [2], подчеркивают важность формальных и неформальных правил в формировании стимулов и ожиданий экономических агентов. Макроэкономика, развивающая в последние годы макрофинансовый подход [13], фокусируется на обратных связях между финансовыми рынками и реальной экономикой, особенно в условиях шоков и системного стресса.

Названные теоретические направления открывают возможность глубокого анализа формирования «длинных денег» в проекции следующих категорий рисков: геополитические риски; макроэкономические риски; финансовые риски; поведенческие риски; институционально-регуляторные риски. Уточним, что под «длинными деньгами» в целях настоящего исследования подразумеваются долгосрочные сбережения и долгосрочные инвестиции субъектов экономики, формирующие поток долгосрочного финансирования реального сектора путем систематической трансформации внутренних и внешних сберегательных ресурсов и создания институциональных и ценовых барьеров для долгосрочного изъятия.

Блок геополитических рисков включает риски, которые напрямую влияют на стоимость капитала, доступность кредитных и других видов ресурсов, а также на макроэкономические условия, в которых функционируют хозяйствующие субъекты. Применительно к анализу российского случая эта категория будет охватывать и санкционный риск, который действует как экзогенное ограничение на приток капитала, доступ к финансовым рынкам и передачу технологий [8]. В соответ-

ствии с литературой по финансовой фрагментации [9], санкции можно моделировать как устойчивое увеличение премии за внешнее финансирование, сокращающее долгосрочные инвестиционные горизонты и увеличивающее зависимость от внутренних сбережений. *Риск глобального кризиса* – еще один вид геополитических рисков. Его действие проявляется через внешние шоки, передаваемые через внешнюю торговлю, цены на сырьевые товары, каналы финансового заражения. Глобальный бизнес-цикл и связанные с ним сырьевые циклы более 50 лет существенно воздействуют на российскую экономику, в том числе на ее финансовый потенциал. Введение в 2017 г. нового бюджетного правила[2], хотя и призвано защитить экономику страны от волатильности мировых цен на сырье [3; 10; 17; 23], но не может исключить иных вторичных эффектов, например, связанных с курсообразованием на валютном рынке [6], добавляя неопределенность в части решений бизнеса относительно инвестиций.

Внимание к *инфляционному риску* мотивируется его ролью в капиталовложениях. Одним из сильных каналов здесь является канал процентной ставки. Повышенные значения инфляции и ее меняющаяся динамика снижают реальную стоимость сбережений как источника инвестиций, увеличивают неопределенность для предпринимателей, сокращают горизонты планирования проектов. Отрицательная взаимосвязь между волатильностью инфляции и инвестициями, обнаруживаемая эмпирическими исследованиями [20], подкрепляет это понимание инфляционного риска.

Инфраструктурные риски – еще одна категория рисков, охватывающая риски, относящиеся к физической (транспорт, логистика, энергетика, связь, коммунальная инфраструктура и пр.) или к финансовой инфраструктуре (платежные системы, инфраструктура организованной торговли, клиринга, депозитарного учета, цифровой идентификации и пр.). Недостаточно развитая финансовая инфраструктура – несомненное препятствие для формирования «длинных денег», а недостатки физической инфраструктуры – барьер для расширения долгосрочного финансирования. Современный взгляд на инфраструктурные риски в контексте формирования «длинных денег» и условий долгосрочного финансирования представляет собой динамическую систему картирования системных рисков, которая интегрирует промышленные, торговые, логистические, климатические, финансовые и сетевые взаимозависимости [14; 26]. В отличие от традиционных статических оценок рисков

[2] В отличие от более ранних версий бюджетного правила, смысл введенных изменений в 2017 г. состоял в переходе от накопления «сверхдоходов» к жесткому ограничению самих расходов бюджета, привязанному к консервативной цене на нефть.

новые методы состоят в моделировании инфраструктурных активов как взаимосвязанных систем, подверженных каскадным шокам в различных регионах, секторах и временных горизонтах. Среди финансовых рисков выделяется риск бюджетной сбалансированности, крайней точкой которого можно считать эпизоды шоков суверенного риска [18]. Хронический бюджетный дефицит увеличивает инфляционные риски, повышает стоимость заимствований, угрожая, прежде всего, проектам с длительным периодом окупаемости, он также опасен вытеснением частных инвестиций. Кредитные риски, тесно связанные с денежно-кредитными условиями и уровнем (и динамикой) процентных ставок, требуют дифференцированного подхода, различающего движения в сторону повышения и снижения ставок. Длительное сохранение высоких процентных ставок подавляет спрос на кредиты и инвестиции [7], в то время как быстрое снижение ставок в условиях ограничений предложения может привести к нерациональному распределению капитала и инфляции цен на активы. Снижение реальных процентных ставок, особенно в условиях инфляционного давления, может исказить межвременной выбор и снизить стимулы к долгосрочным сбережениям [21].

Еще одна категория рисков охватывает *поведенческие и основанные на ожиданиях риски.* Передовые исследования сочетают в себе идеи поведенческой экономики с макрофинансовым моделированием. Они включают в условия финансирования экономики разнородные ожидания, когнитивные искажения и ограниченное предвидение. Например, концепция равновесия ограниченного предвидения показывает, что агенты формируют ожидания на ограниченных горизонтах, генерируя систематические ошибки прогнозирования, которые влияют на инвестиционные и финансовые решения. Таким образом, анализ рисков, зависящих от поведения, разнородных ожиданий и ограниченного доверия, можно считать одной из важнейших основ современного анализа формирования «длинных денег» в экономике [12]. Применение данных подходов особенно актуально для России, где макрофинансовые и институциональные факторы создают неопределенность, а эпизоды финансовой нестабильности способствуют сохранению осторожного инвестиционного и предпринимательского поведения и предпочтению ликвидности [15].

Следующая категория рисков объединяет *институциональные и регуляторные риски.* Обратим внимание на то, что наряду с сохраняющейся популярностью традиционного подхода, в котором авторы фокусируются на качестве институтов, защите прав собственности, дисциплине исполнения контрактов, а также использовании в эмпирических исследованиях такого фактора, как происхождение права [5; 24], в последние годы набирает значимость более продвинутый подход, в рамках которого анализ институционального и регуляторного контекста дол-

госрочного финансирования осуществляется применительно к связанным вопросам формального регулирования, рыночной практики и технологических инноваций. Так, недавние исследования показывают, как регуляторные реформы могут эндогенно влиять на эффективность финансирования и распределение рисков, предполагая, что институциональный дизайн должен оцениваться как часть системы обратной связи, а не изолированно [25]. Кроме того, включение в анализ экосистем децентрализованных финансов (DeFi) [1] расширяет сферу институциональной оценки, поскольку эти системы полагаются на сетевые механизмы управления и порождают новые регуляторные проблемы.

Комплексный аналитический подход

Для операционализации предложенной концепции можно предложить использование следующих методологических инструментов:

- картирование системных рисков, идентифицирующее каждый из рисков и выявляющее взаимосвязи между ними (например, как инфляционный риск усиливает кредитный риск);
- эконометрическое моделирование, включая векторную авторегрессию (VAR), – для выявления динамических взаимосвязей между макрофинансовыми переменными;
- сценарный анализ и стресс-тестирование, в частности, в отношении эскалации санкций, шоков процентных ставок и глобальных кризисов;
- институциональная диагностика с использованием индексов управления, качества законодательства и финансового развития;
- опросы, отражающие ожидания и уверенность субъектов экономики;
- экспертные опросы.

Ключевой особенностью концепции является акцент на обратных связях. Например, низкая уверенность вкладчиков снижает доступность финансирования, повышает процентные ставки и еще больше снижает инвестиции, тем самым усиливая макроэкономическую нестабильность.

Эмпирический анализ рисков формирования и приумножения «длинных денег» в российской экономике

Для анализа рисков, влияющих на экономическое поведение субъектов и результаты процесса формирования и приумножения «длинных денег» (долгосрочных сбережений и инвестиций) в российской экономике, как базиса ресурсно-финансового обеспечения экономи-

ческой безопасности, используем модель, построенную на основе проведенного нами экспертного опроса.

Выбор данного аналитического инструмента определялся следующими факторами. Прогностические модели для анализа рисков событий, сопряженных с развитием института «длинных денег» в нашем случае не обеспечили бы достоверных обоснованных результатов – использование ретроспективных данных привело бы к неправильным оценкам из-за уникальности сложившейся внешней среды (отсутствия аналогов нынешней ситуации в истории). Кроме того, экономические решения сберегателей и инвесторов существенным образом зависят от мнения «экспертов» (отсутствие опыта требует обращения к авторитетам). В этой связи важно оценить направленность и характер возможного авторитетного воздействия. Принимая во внимание данные обстоятельства, мы отдали предпочтение методу экспертных оценок, опросив отобранных нами специалистов.

Модель базируется на двухэтапной экспертной оценке рисков.

На первом этапе были выбраны наиболее существенные для долгосрочных сбережений и инвестиций виды рисков, достоверность которых была подтверждена большей частью экспертов. На втором этапе была произведена оценка динамики восприятия рисков экспертами-специалистами. Экспертам предлагалось оценить значимость (среднюю величину ущерба, наносимого проявлением соответствующего риска) и вероятность возникновения рискового события в течении каждого из трех последующих лет. Таким образом, полученные шесть оценок позволили проанализировать динамику развития отношения к риску в течении трех лет.

В ходе исследования был организован и проведен экспертный опрос. Цель опроса состояла в установлении мнения экспертного сообщества по отношению к значимости разных видов рисков, сопровождающих процесс формирования и приумножения «длинных денег» в российской экономике. В отличие от классических опросов, нас интересовала динамика изменения оценок величин ущерба от различных видов рисков, сопровождающих процесс воспроизводства «длинных денег», а также динамика ожиданий реализации рисковых событий во времени на трехлетнем интервале 2026–2028 гг. Ущерб от разных видов рисков оценивался как потери для российской экономики в виде недополученных экономическими субъектами доходов (а значит, – недопроизведенного объема ВВП, рассчитанного методом доходов).

В качестве экспертов были выбраны 25 докторов наук из Финансового университета и его филиалов в 11 регионах страны, которые имеют высокорейтинговые публикации по теме опроса. В числе опрошенных также – два собственника крупных российских производственных компаний и три топ-менеджера российских банков.

Отвечая на предложенные вопросы, эксперты указали для каждого из выбранных на первом этапе исследования риска оценку ущерба и вероятность возникновения рискового события в 2026, 2027 и в 2028 г. Далее оценивались медианы, средние и дисперсии результатов всех шести показателей, находились доверительные интервалы с доверительной вероятностью 0,95 и для каждого риска строилась ломаная траектория в пространстве «Ущерб – Вероятность». Первая вершина – сочетание ущерба и вероятности в 2026 г., следующая – в 2027 г., последняя – в 2028 г. Мы определили данную модель как динамическую карту рисков, которая визуально продемонстрировала динамику изменения отношения экспертов к рискам. В действительности при определении доверительных интервалов мы контролировали значимость изменения оценок от года к году.

Для построения модели были выделены наиболее существенные виды рисков, возникающих в процессе создания и приумножения «длинных денег» в российской экономике: геополитический риск, связанный с усилением санкционного давления; геополитический риск, связанный с оттоком капитала в случае снятия санкций; кредитный риск, основанный на длительном сохранении высоких процентных ставок; кредитный риск, основанный на быстром и значительном снижении процентных ставок; инфляционный риск; валютный риск; стагнационный риск; риск роста бюджетного дефицита; риск низкого доверия сберегателей; риск пониженного интереса к рынку капитала со стороны инвесторов; институционально-регуляторный риск. Результаты экспертных оценок представлены в табл. 1.

Оценка геополитических рисков

К геополитическим рискам отнесены такие виды рисков, как санкционный, глобальных кризисов, а также риск, связанный с оттоком капитала в случае снятия санкций с России. Экспертная оценка возможного ущерба от реализации первых двух видов рисков – 5,6 трлн руб. в 2026 г. и 5,06 трлн руб. – в 2028 г. (вероятность риска признается убывающей).

Усиление санкционного давления на экономику России способно значительно обострить финансовые проблемы как для бизнеса (сокращение инвестиций в развитие), так и для населения (снижение возможностей сберегать, падение доходности и реальной стоимости сбережений). Санкции могут существенно сказаться как на средне- и долгосрочных вложениях инвесторов в фондовые ценности, обесценивая их на десятки процентов в течение нескольких недель, так и на достижении целевых показателей развития рынка и экономики страны. Достаточно чувствительными для России стали введенные США 23.10.2025 г. санкции в отношении ПАО «Лукойл» и ПАО «НК «Роснефть». Зарубежные

Таблица 1

Медианные значения оценок рисков по результатам экспертного опроса

Виды рисков	Оценка потерь за 2026 г., трлн руб.	Вероятность рисковых событий в 2026 г. в течении года	Оценка потерь за 2027 г., трлн руб.	Вероятность рисковых событий в 2027 г. в течении года	Оценка потерь за 2028 г., трлн руб.	Вероятность рисковых событий в 2028 г. в течении года
1. Геополитический риск, связанный с усилением санкционного давления	5,60	0,79	5,26	0,74	5,06	0,64
2. Геополитический риск, связанный с оттоком капитала в случае снятия санкций	0,81	0,17	1,72	0,23	2,75	0,36
3. Кредитный риск, основанный на длительном сохранении высоких процентных ставок	4,06	0,81	3,49	0,62	1,94	0,44
4. Кредитный риск, основанный на быстром и значительном снижении процентных ставок	0,95	0,17	2,07	0,31	2,52	0,48
5. Инфляционный риск	2,69	0,68	2,74	0,60	2,50	0,53
6. Валютный риск	3,00	0,58	3,10	0,54	3,14	0,56
7. Риск стагнации	4,83	0,64	4,15	0,61	3,45	0,55
8. Риск роста бюджетного дефицита	2,72	0,62	2,80	0,61	2,82	0,61
9. Риск низкого доверия сберегателей	3,44	0,64	3,66	0,64	3,33	0,57
10. Риск пониженного интереса к рынку капитала со стороны инвесторов	2,31	0,42	2,55	0,45	2,37	0,44
11. Институционально-регуляторный риск	2,54	0,49	1,96	0,52	1,70	0,56

Рассчитано авторами на основе проведенного экспертного опроса.

активы ПАО «Лукойл» генерировали около 30% прибыли, что не может не сказаться на инвестиционных возможностях и платежах в бюджет. В части привлекательности средне- и долгосрочных сбережений: всего за несколько недель стоимость вложений в акции ПАО «Лукойл» снизилась более чем на 20%, в акции ПАО «НК «Роснефть» – более чем на 10%. Учитывая значимость и удельный вес данных акций на рынке, это стало одной из главных причин снижения менее чем за месяц капитализации рынка более чем на 1 трлн руб. (до 48,9 трлн руб.), а отношения рыночной капитализации к ВВП (цель к 2030 г. – 66%) – с 25 до 24%. В целом в связи с санкциями, введенными с 2022 г., российский рынок акций так и не восстановился до уровня начала 2022 г. (минус 30% по индексу IMOEX и минус 4%, с учетом реинвестирования всех дивидендов (брутто)).

Одна из угроз растущего санкционного давления – ограничение доступа к иностранному капиталу, технологиям и рынкам, разрыв производственных цепочек, особенно в случае увеличения доли стран, применяющих санкции во внешнеторговом обороте. Доля банков, находящихся под санкциями, превышает 60% активов сектора. По нашему мнению, в среднесрочной перспективе риск, связанный с геополитикой, будет доминировать, в долгосрочной – риск неопределенный.

С целью минимизации последствий санкционного риска для российской экономики целесообразны: дальнейшее развитие внутреннего производства и импортозамещения; диверсификация внешнеэкономических связей, углубление сотрудничества со странами Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки; создание суверенной финансовой инфраструктуры (например, использование цифрового рубля в трансграничных расчетах).

В современных условиях достаточно велики риски глобальных кризисов и макроэкономической нестабильности. Дисбалансы в мировой экономике, резкие изменения монетарной политики ФРС США и Центральных банков развитых стран, торговые войны и деглобализация могут трансформироваться в перманентный кризис структурных преобразований под давлением санкций. Это существенно затрагивает природу рисков долгосрочных инвестиций в основной капитал: вместо циклических колебаний спроса и цен ключевыми становятся риски технической реализуемости проектов (доступ к оборудованию, комплектующим, программному обеспечению, сервисному обслуживанию), риски сохранения контрактных условий при экстерриториальных санкциях, риски разрыва многолетних кооперационных цепочек. Фрагментация мировой экономики и замедление экономической активности могут в дальнейшем усугубить ситуацию. На этом фоне усиливается риск макроэкономической нестабильности в России в силу недостаточно высокой производительности, исторически сложившейся сырьевой специализации российской экономики, демографического спада

и старения населения, ограниченности источников долгосрочной прибыли, что снижает привлекательность инвестиций в активы. Прогнозы показывают замедление потенциального темпа роста экономики (1–2% в год), означающее отставание России по данному показателю в сравнении с аналогичными развивающимися рынками.

Для минимизации обозначенных рисков целесообразно: проведение последовательной политики поддержания макроэкономической стабильности; создание достаточных золотовалютных резервов и запасов в ФНБ; влияние на целевое распределение кредитов секторам, повышающим производительность, посредством пруденциальных стимулов; стимулирование реинвестирования прибыли компаний во внутренние проекты через налоговые льготы; поддержание инструментов рефинансирования для банков, кредитующих стратегически важные секторы роста; создание целевых инвестиционных стимулов и механизмов государственного соинвестирования для привлечения частного капитала.

Геополитический риск, связанный с оттоком капитала, в случае снятия санкций обусловлен тем, что недостаточная мотивация субъектов экономики к средне- и долгосрочным инвестициям внутри страны может привести к оттоку средств в зарубежные активы. С учетом развития цифровых финансовых активов, в том числе сферы токенизации, объемы оттока могут приобрести значительные масштабы. Экспертная оценка ущерба при этом сравнительно невысокая: в первый год после снятия санкций – 0,81 трлн руб. и 2,75 трлн руб. – в третий. Уверенность экспертов в таком развитии событий также растет. Фактические объемы оттока капитала будут зависеть от конкретного сценария развития ситуации, в том числе от того, какие именно санкции и в какой степени будут сняты/ ослаблены, от состояния и перспектив экономического развития, траектории монетарной политики, сохранения валютных ограничений, состояния экономики и финансовых рынков за рубежом и др. По оценкам авторов, если исходить из естественного для открытой экономики России чистого оттока капитала, который был свойственен экономике накануне 2022 г., то в такой ситуации можно ожидать чистого годового оттока в размере около 50–100 млрд долл. США (3,5–7 трлн руб.) в первые годы. Это составляет около 10% от капитализации фондового рынка России, что может иметь негативные последствия как для фондирования бизнеса, так и дефицита федерального бюджета (при его наличии).

Представляется, что для минимизации риска оттока капитала необходимо постепенное снятие внутренних валютных ограничений с учетом состояния и траектории развития национальной экономики, а также дальнейшее стимулирование экономической привлекательности размещения сбережений внутри страны.

Оценка макроэкономических рисков

Наиболее существенными макроэкономическими рисками, на наш взгляд, выступают инфляционный, валютный, стагнационный. Одним из самых опасных макроэкономических рисков традиционно считается инфляционный риск (экспертная оценка ущерба в течение трех лет колеблется в пределах от 2,5 до 2,74 – трлн руб.). Превышение темпов инфляции над доходностью вложений, обесценение сбережений снижает доверие к рублю как к средству сбережения, стимулирует спекулятивное поведение и долларизацию. Угроза состоит в дезорганизации финансовой системы, высокой вероятности снижения склонности к долгосрочным сбережениям и инвестициям внутри страны. Инфляция в период 2022–2025 гг. оставалась выше целевого показателя Банка России, санкции и ограниченные возможности импортозамещения продолжают оказывать повышательное давление на цены. По нашим оценкам, в среднесрочной перспективе уровень инфляции будет двигаться к таргету в результате давления ключевой ставки, в долгосрочной перспективе риск сохранится из-за структурных ограничений.

Для нейтрализации угроз, связанных с инфляционным риском, целесообразны: последовательность в реализации политики таргетирования инфляции; использование прогнозных ориентиров для заякорения ожиданий, а также макропруденциальных рычагов, смягчающих инфляцию, вызванную кредитованием (контрциклические буферы капитала, ограничения на рост потребительского кредитования посредством режима таргетирования кредита); координация с фискальной политикой для избежания проциклических расходов, которые подпитывают инфляцию.

Валютный риск обусловливает ослабление/ укрепление национальной валюты, что, в свою очередь, влияет на покупательную способность текущих сбережений и мотивацию населения к сбережениям (экспертная оценка ущерба – от 3,0 до 3,14 трлн руб.). Данный риск несет угрозу большой вероятности трансформации сбережений в иностранную валюту, рост издержек для импортозависимых государственных проектов. В условиях снижения доверия к национальной валюте и финансовым институтам на фоне высокой инфляции и волатильности курса, население и компании предпочтут краткосрочную ликвидность долгосрочным рублевым сбережениям.

С целью минимизации валютного риска можно порекомендовать: 1) повышение привлекательности рублевых инструментов: развитие программ долгосрочных сбережений с привязкой к конкретным целям и категориям населения (ипотека, пенсия, медицинские, образовательные услуги и т.д.) аналогично программам сингапурского Центрального сберегательного фонда (CPF) или индийского

PPF; 2) стимулирование через налоговые льготы и софинансирование государства: расширение существующих программ и создание новых с фокусом на инструменты с горизонтом инвестирования от 5 лет; 3) развитие защитных рублевых активов: стимулирование развития рынка биржевых паевых инвестиционных фондов, выпуск инфляционно-индексированных гособлигаций; 4) запуск национальной платформы микро-сбережений: создание государственного мобильного приложения с геймификацией для управления сбережениями; 5) использование широкой сети почтовых отделений по аналогии с индийской моделью для распространения простых сберегательных и страховых продуктов.

Еще одним существенным макроэкономическим риском выступает стагнационный риск (спада производства, инфраструктурный риск, а также риск снижения реальных доходов субъектов экономики). Экспертная оценка ущерба – от 4,83 трлн руб. в 2026 г. до 3,45 трлн руб. в 2028 г., однако оценка вероятности рисковых событий указывает на то, что эксперты считают реализацию такого риска маловероятной.

Учитывая, что состояние бизнеса и ожидания в отношении его дальнейших перспектив являются главными факторами спроса и предложения на рынке капитала, в том числе главными драйверами капитализации фондового рынка, стагнация экономики в общем случае будет иметь заметные негативные последствия как для средне-, так и для долгосрочного фондирования бизнеса. На фоне даже небольшого снижения ВВП России в первом квартале 2026 г. (индекс физического объема ВВП – 99,8%), с последующим его ростом уже в первом месяце второго квартала (в апреле) на 1,3% в годовом выражении, капитализация рынка долевого капитала (Мосбиржа) за первые 5 месяцев 2026 г. снизилась почти на 10%, в результате чего отношение капитализации рынка акций к ВВП России опустилось ниже 23% (при цели к 2030 г. – 66%). На сопоставимую величину снизились в стране, по данным Росстата, и инвестиции предприятий в основной капитал (в I квартале 2026 г. – на 14,3% в годовом выражении, составив 6,6 трлн руб.). С учетом этого, в случае реализации стрессового сценария стагнации экономики, не характеризующегося в настоящее время высокой вероятностью, доля капитализации рынка долевого инвестирования в ВВП России потенциально могла бы за один-два года опуститься до уровня в 20%, а объем инвестиций предприятий в основной капитал – до значения в 6 трлн руб.

Инфраструктурный риск также может способствовать стагнации. Низкий уровень развития или износ критической инфраструктуры (транспорт, логистика, энергетика и др.) повышают издержки и риски долгосрочных инвестиционных проектов с угрозой снижения уровня рентабельности инвестиций.

Для предотвращения экономической стагнации необходимы: государственная поддержка критичных секторов экономики и системообразующих предприятий, ослабление налоговой нагрузки на бизнес, дальнейшее стимулирование импортозамещения, развитие собственного производства. Ослабить угрозы, связанные с *инфраструктурным риском, позволят:* масштабная программа по инфраструктурному обновлению; развитие концессионных механизмов через привлечение частного капитала к строительству и эксплуатации инфраструктурных объектов; цифровизация инфраструктуры через внедрение технологий «умный город», интеллектуальных транспортных систем; гарантии для долгосрочных инвестиций в приоритетных проектах (например, специальные инвестиционные контракты – СПИК 2.0).

Оценка финансовых рисков

К финансовым рискам отнесем, прежде всего, кредитные риски, основанные на: 1) длительном сохранении высоких процентных ставок (экспертная оценка ущерба – от 4,06 трлн руб. в 2026 г. до 1,94 трлн руб. в 2028 г.); 2) быстром и значительном их снижении (экспертная оценка ущерба – рост от 0,95 трлн руб. в 2026 до 2,52 трлн руб. в 2028 г.), а также риск роста бюджетного дефицита (экспертная оценка ежегодного ущерба колеблется в интервале от 2,72 трлн руб. до 2,82 трлн руб.).

Кредитный риск, основанный на длительном сохранении высоких процентных ставок, несет в себе следующие угрозы: 1) для долгосрочных инвестиций – в силу высоких процентных расходов, сложностей с реструктуризацией долга, снижения спроса на продукцию, непривлекательных условий для проведения IPO/SPO, низких возможностей по запуску/поддержанию инвестиционного цикла; 2) для долгосрочных сбережений – в силу высокой привлекательности краткосрочных долговых инструментов при одновременном давлении ухудшения ситуации в бизнесе на реальные доходы населения. В условиях двузначных ставок по банковским депозитам, средне- и долгосрочные инвестиции становятся непривлекательными. Кроме того, данный риск является причиной снижения качества кредитов и роста проблемной задолженности в банках. По данным Банка России на ноябрь 2025 г., доля компаний с просроченной задолженностью по кредитам достигла четверти, за год действия высоких ставок она увеличилась на 6 п.п., а с начала 2023 г. – почти вдвое. Объем самой задолженности за год вырос на 10%, просроченной задолженности – на 7%. Данная статистика при сохранении высоких ставок будет релевантна на среднесрочную перспективу, на долгосрочную – чревата проблемами бизнеса с платежеспособностью. По расчетам, основанным на эконометрическом моделировании, только из-за фактора высоких ставок бизнес за

3,5 года недополучил более 20 трлн руб. средств средне- и долгосрочного фондирования инвестиционного цикла через инструменты фондового рынка. При сохранении высоких ставок есть все предпосылки для экстраполяции статистики на средне- и долгосрочный период. Сами по себе новые IPO на рынке не изменят мотивации участников рынка к инвестированию в фондовые ценности.

Для минимизации ущерба, связанного с данным риском, целесообразна реализация комплекса мер, таких как: сбалансированные по всей системе инструментов монетарной политики Банка России действия по снижению стоимости денег в экономике; государственная поддержка IPO/SPO; увязка критичных для экономики отраслей/предприятий со стимулами для инвесторов и эмитентов; страхование средств на всех брокерских счетах; освобождение от налогов дивидендов по активам на ИИС (индивидуальный инвестиционный счет); внедрение NPL-секьюритизации (секьюритизации проблемных активов) как механизма распределения рисков – снижение «давления» проблемной ссудной задолженности на балансы банков, снижение кредитного риска.

Риск быстрого и значительного снижения процентных ставок может спровоцировать рост объемов кредитования и потребительского спроса, что в силу действия процентного канала монетарной политики и снижения привлекательности банковских вкладов, при сохранении дисбалансов в соотношении про- и дезинфляционных факторов, может привести к дополнительному росту цен, с негативными последствиями для инвестиций и реальной стоимости сбережений, а также к возврату к вопросу о повышении ставок. Возможен новый виток роста цен, с новым циклом повышения ключевой ставки. Согласно произведенным оценкам, потребительский спрос будет способен сильно вырасти после достижения рыночными ставками кредитования уровней в 14–15%, что соответствует ключевой ставке в 10–12%. При приближении рыночных ставок к уровню 10% и ниже (ключевая ставка 7,5–8,5% и ниже) ожидается снижение склонности населения к сбережениям в пользу большего потребления. При снижении ключевой ставки ниже 10% вероятность высвобождения средств с депозитов вырастет еще больше, что подтверждается ретроспективными данными. Даже 10–20% от суммарного объема депозитов, что составит около 10% от денежной массы (агрегата М2), хватит для давления на инфляцию, не учитывая при этом возможных стрессовых сценариев.

Для нейтрализации данного типа риска целесообразно, не меняя ключевую ставку, максимальное задействование других механизмов воздействия на денежную массу, чтобы создать возможность маневра для снижения ставок, а также синхронизация изменений в монетарной политике с динамикой инфляции и соотношением про- и дезин-

фляционных факторов, стимулирование перетока средств с банковских депозитов на фондовый рынок.

Риск роста бюджетного дисбаланса обусловлен тем, что бюджетный дефицит оказывает инфляционное давление на экономику при любом способе его покрытия, прежде всего, по каналу роста совокупного спроса. Согласно исследованию Банка России, рост бюджетного дефицита на 1 п. п. годового ВВП вызывает рост инфляции до 1,2 п. п., что, в свою очередь, может привести к повышению ключевой ставки с эластичностью 1,1[3]. По нашим оценкам, повышение Банком России ключевой ставки на 1 п. п., в негативном сценарии (при жесткой денежно-кредитной политике) может вызвать снижение капитализации рынка акций в течение нескольких торговых дней до 5%, что сейчас составляет около 2,5–3 трлн руб., обесценивая соответствующие средне- и долгосрочные вложения в акции частных инвесторов. Уровень данного риска на 2026–2028 гг. невысок (исходя из параметров федерального бюджета): если по итогам 2024 г. он исполнен с дефицитом в 1,7% ВВВ, то на 2026 г. дефицит запланирован на уровне 1,6% ВВП, на 2027 г. – 1,2% ВВП, на 2028 г. – 1,3% ВВП. Вместе с тем при изменении ситуации возможны значимые увеличения (корректировки) расходной части бюджета. Наращивание и диверсификация доходной части бюджета, постепенное снижение ключевой ставки Банком России, в том числе для сокращения нагрузки по обслуживанию государственного долга, будет способствовать снижению угроз, связанных с риском бюджетного дисбаланса.

Оценка поведенческих рисков

Среди поведенческих рисков следует выделить риск низкого доверия сберегателей / инвесторов (экспертная оценка ущерба – в интервале от 3,33 трлн руб. до 3,66 трлн руб.), а также риск пониженного интереса к рынку капитала (экспертная оценка ущерба в течение трех лет колеблется от 2,31 трлн руб. до 2,55 трлн руб).

Источниками риска первого вида выступают: низкое качество корпоративного управления, незащищенность прав миноритарных акционеров, низкая прозрачность, риски делистинга, непоследовательная правоприменительная практика, ослабление регулирования обязательного раскрытия информации эмитентами. Как следствие – короткий инвестиционный горизонт, слабый приток инвестиций на рынок капитала. Имеет место структурный дефицит доверия к финансовым

[3] О влиянии роста бюджетного дефицита на ключевую ставку Банка России // Банк России. https://cbr.ru/conetnt/document/file/16755/analytic_note_4.pdf#1#1 (дата обращения: 01.06.2026).

институтам, слабая финансовая грамотность, недостаток простых и доступных «низкопороговых» финансовых продуктов, цифровое неравенство. Широкие слои населения не вовлекаются в систему организованных сбережений. Уход иностранных инвесторов и отсутствие в стране сильного сектора коллективных инвесторов с долгосрочной стратегией, глубокой экспертизой эмитентов и готовностью отстаивания прав в спорах с эмитентами определяет неэффективность ценообразования и ограничивает доверие.

Положительный эффект по минимизации риска низкого доверия сберегателей (инвесторов) может обеспечить следующий комплекс мер: разработка и реализация более последовательной политики по восстановлению работы правил раскрытия информации эмитентами, а также политики, нацеленной на формирование сильного сектора коллективных инвесторов с long-only стратегией, глубокой экспертизой эмитентов и готовностью отстаивания прав инвесторов; проведение кампании по обучению частных инвесторов, разъясняющей правовые инструменты и каналы возмещения ущерба; разработка субсидируемых пилотных программ для автоматически зачисляемых пенсионных схем или счетов, подкрепленных работодателем; внедрение практики, подтверждающей неизбирательные гарантии для инвестиций нерезидентов через новый тип специальных счетов для иностранных инвесторов.

Еще одним поведенческим риском можно считать риск пониженного интереса к рынку капитала со стороны инвесторов. Данный риск усиливают: недостаток безопасных долгосрочных сберегательных инструментов; невозможность эффективной диверсификации вследствие ограничений доступа к зарубежным рынкам, снижение интереса к открытым ПИФ и пенсионным продуктам и компенсирующий рост спроса на недвижимость, золото и другим альтернативным инвестициям; снижение рыночной капитализации к ВВП; делистинг российских эмитентов с иностранных бирж; повышенная зависимость ликвидности от активности частных инвесторов; узкий внутренний рынок; ограниченная линейка инструментов для инвестиций; концентрация в энергетическом и банковском секторах. По нашим оценкам, в среднесрочной перспективе следует ожидать сохранения повышенного уровня риска, а в долгосрочной – медленного снижения риска на фоне давления со стороны структурных ограничений.

Среди эффективных мер по минимизации данного риска – политика, направленная на стимулирование листинга компаний широкого спектра секторов; поддержка маркет-мейкеров и механизмов предоставления ликвидности для новых секторов экономики; поощрение развития рыночных инструментов (корпоративные облигации, ETF),

обеспечивающих более широкий секторальный охват; разработка механизма создания государственно-частных фондов совместных инвестиций в приоритетные несырьевые сектора; разработка внутренних инструментов, воспроизводящих зарубежные эталоны в связи с ограничениями прямого доступа; использование пруденциальных правил для ограничения системного риска концентрации в отношении крупных корпоративных заемщиков.

Оценка институционально-регуляторных рисков

Данные риски определяются качеством, стабильностью и предсказуемостью правовых и регуляторных рамок и институциональной среды (экспертная оценка ущерба демонстрирует снижение от 2,54 трлн руб. в 2026 г. до 1,7 трлн руб. в 2028 г.). Они влияют на права собственности, исполнение контрактов и стимулы для принятия долгосрочных финансовых и инвестиционных решений. К примеру, изменения в налоговой системе государства могут снизить эффективность долгосрочных инвестиций. Непредсказуемость фискальной среды подавляет долгосрочные сберегательные и инвестиционные стимулы, усиливает угрозу оттока капитала. Кроме того, использование новых практик минимизации финансовых рисков требует создания регуляторной базы. Так, без формирования нормативно-правовых основ NPL-секьюритизации (секьюритизации проблемных кредитов) как механизма снижения кредитного риска с государственными гарантиями, в среднесрочной перспективе его невозможно будет запустить, а российский рынок NPL-секьюритизации останется фрагментированным и будет медленно развиваться экстенсивным путем.

Для нейтрализации этих видов рисков представляется целесообразным: введение минимальных сроков уведомления о крупных изменениях в регулировании, влияющих на сбережения и инвестиции; анализ и публичное обсуждение издержек и выгод нового регулирования; стандартизация проведения NPL-секьюритизации с определением участников сделок и их ответственности; разработка стимулирующих регуляторных мер Банка России для повышения привлекательности инвестиций в секьюритизированные облигации; улучшение межведомственной координации (Минфин, Минэкономразвития, Банк России и др.) для уменьшения противоречий в экономической политике.

По результатам проведенного исследования нами построены динамические карты рисков. Каждый риск – ломаная, вершины которой есть точки на карте рисков для отдельного года: начало ломаной – 2026 г., средняя точка – 2027 г. и конец ломаной – 2028 г. Риски разделены на две группы – риски, для которых тренд динамики не определяется (валютный риск, риск роста бюджетного дефицита, риск

низкого доверия инвесторов и риск пониженного интереса со стороны инвесторов к рынку капиталов) и остальные. Таким образом, динамические карты рисков позволяют определить динамику восприятия рисков и ожиданий рисковых событий.

Анализируя полученные динамические карты рисков, можно сделать следующие выводы.

1. Санкционный риск оценен как риск с максимальным ущербом и высокой вероятностью. Его расположение на карте указывает на невысокий потенциал управления с помощью известных инструментов (см. рис. 1).

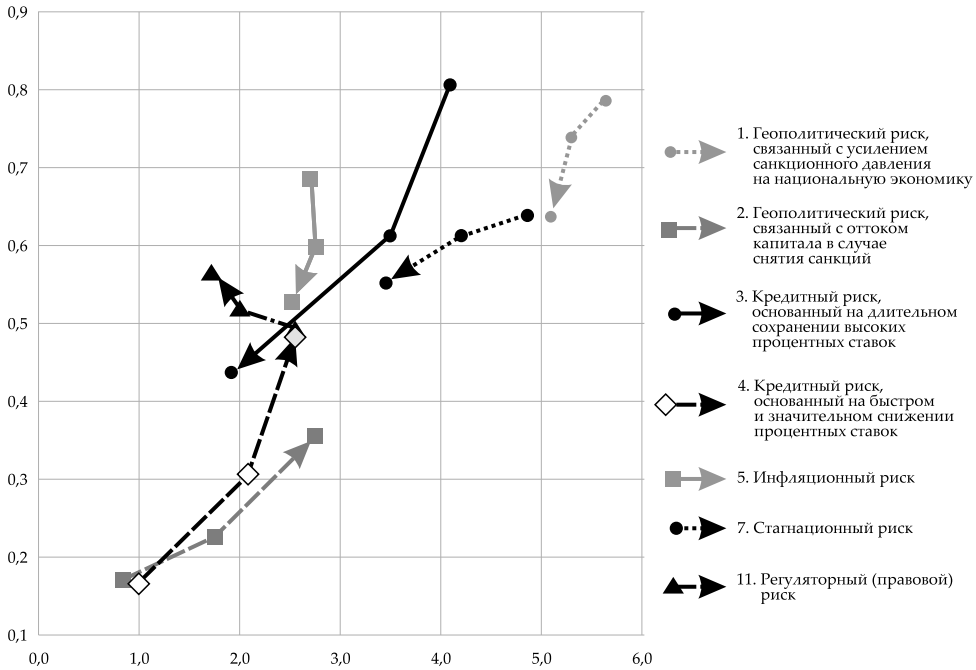
2. Похожую динамику демонстрируют кредитный риск, основанный на длительном сохранении высоких процентных ставок, и стагнационный риск. Однако эксперты указывают на снижение ущерба и снижение вероятности реализации рисковых событий с течением времени. Близкую динамику (с меньшими значениями среднего ущерба) описывает траектория инфляционного риска (см. рис. 1).

3. Геополитический риск, связанный с оттоком капитала в случае снятия санкций, и кредитный риск, основанный на быстром и значительном снижении процентных ставок в экономике, демонстрируют, по мнению экспертов, несколько иную динамику – со временем средняя величина ущерба и вероятность их реализации растут, делая риски более значимыми. Однако и в этом случае потери от этих рисков оцениваются ниже, чем от санкционного риска, кредитного риска, основанного на длительном сохранении высоких процентных ставок, и от стагнационного риска (см. рис. 1).

4. Динамика таких видов рисков, как валютный, риск роста бюджетного дефицита, низкого доверия инвесторов и риск пониженного интереса со стороны инвесторов к рынку капиталов не проявилась в ярко выраженных трендах. Позиции этих рисков на карте локализованы в окрестности фиксированной точки, что указывает на то, что эксперты, возможно, подразумевают наличие некоторых системных причин существования этих рисков, которые мало подвержены ожидаемым изменениям внешней среды или государственного управления (см. рис. 2).

Заключение

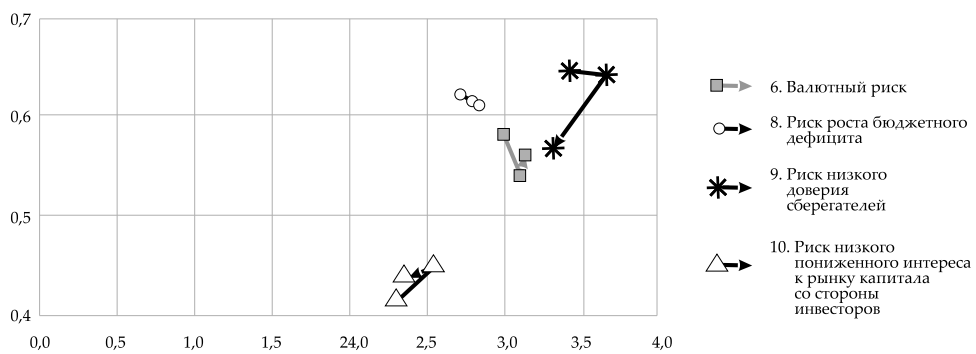
Суммируем ключевые теоретические и эмпирические результаты исследования. Так, обзор актуальных источников и предложенное раскрытие содержания категории «длинные деньги» применительно к российскому контексту создает основу для идентификации и измерения рисков формирования и умножения длинных денег в отечественной экономике. Систематизация литературы выявила пять укрупненных категорий рисков: геополитические, макроэкономические, финан-



Примечание. На карте в точках, абсциссами которых являются медианы всех величин ущерба для каждого риска, а ординатами – средние значения частот, были отложены доверительные интервалы, визуально – «кресты», размеры отрезков которых пропорциональны степени различия мнений экспертов. Рассчитывались они как длины доверительных интервалов, однако на карте доверительные интервалы с вероятностью 0,9 были пропорционально сжаты для удобной визуализации. Таким образом, размеры «крестов» указывают на согласованность мнений экспертов: чем меньше крест, тем более однозначно мнение экспертов по отношению к риску.

Составлено авторами на основе проведенного экспертного опроса.

Рис. 1. Динамическая карта рисков с определяемым трендом



Составлено авторами на основе проведенного экспертного опроса.

Рис. 2. Динамическая карта рисков без определенного тренда

совые, поведенческие и институционально-регуляторные – каждая из которых оказывает разнонаправленное, но взаимосвязанное влияние на предложение и спрос на долгосрочный капитал. Важное значение имеет выявленный эффект обратных связей: реализация одного риска усиливает проявление других, формируя кумулятивные эффекты, что требует перехода от изолированной оценки отдельных рисков к системному картированию.

Экспертный опрос, проведенный среди ведущих специалистов Финансового университета и представителей реального сектора и банковской системы, позволил построить динамические карты рисков на трехлетнем горизонте (2026–2028 гг.). Установлено, что доминирующим по величине ожидаемого ущерба и вероятности реализации является санкционный риск, связанный с усилением внешних ограничений. Его локализация на карте рисков указывает на низкий потенциал управления стандартными инструментами, что требует разработки нестандартных адаптационных стратегий. Высокое значение сохраняют кредитный риск, обусловленный длительным сохранением высоких процентных ставок, и стагнационный риск, причем эксперты фиксируют их постепенное снижение в прогнозном периоде, что может свидетельствовать об ожидаемой нормализации макроэкономических условий. Вместе с тем выявлены риски с нарастающей траекторией – геополитический риск оттока капитала в случае снятия санкций и кредитный риск быстрого снижения ставок, – которые в горизонте 2028 г. могут приобрести существенно большую значимость, чем в текущей повестке. Отдельную группу составляют риски без ярко выраженного тренда (валютный, бюджетный, поведенческие), что указывает на их системную природу, слабо подверженную краткосрочным колебаниям внешней среды.

По результатам исследования предложен комплекс мер, дифференцированных по категориям рисков. В области геополитических рисков – дальнейшее развитие импортозамещения, диверсификация внешнеэкономических связей, создание суверенной финансовой инфраструктуры с использованием цифрового рубля в трансграничных расчетах, а также постепенное снятие внутренних валютных ограничений при сохранении макроэкономической стабильности. Для макроэкономических рисков – последовательное таргетирование инфляции, расширение линейки защитных рублевых активов (включая инфляционно-индексированные облигации), развитие институтов долгосрочных сбережений по аналогии с программами CPF (Сингапур) и PPF (Индия), а также масштабное инфраструктурное обновление через концессионные механизмы. В области финансовых рисков – сбалансированная монетарная политика с использованием широкого спектра инструментов (не только ключевой ставки), внедрение NPL-

секьюритизации для очистки балансов банков, государственная поддержка IPO и налоговое стимулирование инвестиций через ИИС. Для поведенческих рисков – восстановление правил раскрытия информации эмитентами, создание сектора коллективных инвесторов с длинными стратегиями вложений, запуск образовательных программ для частных инвесторов, развитие государственно-частных фондов совместных инвестиций. В части институционально-регуляторных рисков – введение минимальных сроков уведомления о крупных регуляторных изменениях, стандартизация процедур NPL-секьюритизации, улучшение межведомственной координации.

Наконец, коснемся ограничений и направлений будущих исследований. Представленные оценки основаны на экспертных суждениях, что накладывает ограничения на точность прогнозов, особенно в условиях высокой неопределенности. К перспективным направлениям дальнейших исследований следует отнести: эконометрическую верификацию выявленных взаимосвязей с использованием макрофинансовых моделей; стресс-тестирование устойчивости механизмов трансформации сбережений в инвестиции при разных сценариях геополитической эскалации; разработку интегрального индикатора рисков «длинных денег» для оперативного мониторинга; сравнительный анализ практик управления потоками «длинных денег» в развивающихся экономиках, адаптирующих политику к условиям санкционных ограничений.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Абрамова М.А., Криворучко С.В., Луняков О.В., Фиапшев А.Б.* Теоретико-методологический взгляд на предпосылки возникновения и особенности функционирования децентрализованных финансов // Финансы: теория и практика. 2025. № 29 (1). С. 80–96. [*Abramova M.A., Krivoruchko S.V., Lunyakov O.B., Fiapshev A.B.* A theoretical and methodological view on the prerequisites for the emergence and functioning of decentralized finance // Finance: theory and practice. 2025. No. 29 (1). Pp. 80–96. (In Russ.).] EDN: QICSEA. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-80-96.
2. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А.* Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2020. [*Acemoglu D., Robinson J.A.* Why some countries are rich and others are poor: the origin of power, prosperity and poverty. Moscow: AST, 2020. (In Russ.).]
3. *Дмитриева О.Г.* Избыточные заимствования в долговой политике Российской Федерации // Финансы: теория и практика. 2024. № 28 (5). С. 6–20. [*Dmitrieva O.G.* Excessive Borrowing in Debt Policy of the Russian Federation // Finance: Theory and Practice. 2024. No. 28 (5). Pp. 6–20. (In Russ.).] EDN: FONTBS. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-5-6-20.
4. *Картаев Ф.С., Сазонов О.С.* Влияние инфляционного таргетирования на инфляцию // Финансы: теория и практика. 2025. № 29 (1). С. 45–52. [*Kartaev F.S.,*

Sazonov O.S. The Impact of Inflation Targeting on Inflation // Finance: Theory and Practice. 2025. No. 29 (1). Pp. 45–52. (In Russ.).] EDN: WTTTPC. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-45-52.
5. *Криничанский К.В.* Теоретические основы и проблемные области современной теории «длинных денег» // Финансы: теория и практика. 2025. № 29 (5). С. 112–125. [*Krinichansky K.V.* The Theoretical Foundations and Problematic Areas of the Contemporary Long-Term Financing Theory // Finance: Theory and Practice. 2025. No. 29 (5). Pp. 112–125. (In Russ.).] EDN: KIFWZB. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-5-112-125.
6. *Печалова М.Ю.* Трансформация российской валютной политики на фоне обострения геополитической напряженности // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 16 (1). С. 48–57. [*Pechalova M.Yu.* Transformation of Russian monetary policy against the backdrop of escalating geopolitical tensions // Economy. Taxes. Law. 2023. No. 16 (1). Pp. 48–57. (In Russ.).] DOI: 10.26794/1999-849x-2023-16-1-48-57.
7. *Смирнов В.Д.* Финансовая стабильность и экономическое развитие: расстановка приоритетов // Финансы: теория и практика. 2025. № 29 (3). С. 148–165. [*Smirnov V.D.* Financial Stability and Economic Development: Setting Priorities // Finance: Theory and Practice. 2025. No. 29 (3). Pp. 148–165. (In Russ.).] EDN: GUZDDY. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-3-148-165.
8. *Федотова М.А., Погодина Т.В., Карпова С.В.* Оценка тенденций и перспектив развития экономики России в условиях санкционного давления // Финансы: теория и практика. 2025. № 29 (1). С. 6–19. [*Fedotova M.A., Pogodina T.V., Karpova S.V.* Assessment of Trends and Prospects for the Development of the Russian Economy in the Context of sanctions Pressure // Finance: Theory and Practice. 2025. No. 29 (1). Pp. 6–19. (In Russ.).] EDN: OKVRMW. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-6-19.
9. *Aiyar S., Calomiris C.W., Wieladek T.* Does Macro-Prudential Regulation Leak? Evidence from a UK Policy Experiment // Journal of Money, Credit and Banking. 2014. No. 46. Pp. 181–214. EDN: NMHRDK. DOI: 10.1111/jacf.12595.
10. *Arezki R., Imam P.A., Kpodar K.R.* Shocks and Shields: Macroeconomic Institutions During Commodity Price Swings // IMF Working Papers. 2025. No. 15. Pp. 3–26.
11. *Bethune Z., Sultanum B., Trachter N.* An Information-based Theory of Financial Intermediation // The Review of Economic Studies. 2022. No. 89 (5). Pp. 2381–2444. EDN: WFNQTB. DOI: 10.1093/restud/rdab092.
12. *Bordalo P., Gennaioli N., Ma Y., Shleifer A.* Overreaction in Macroeconomic Expectations // American Economic Review. 2020. No. 110 (9). Pp. 2748–82. EDN: GEUKKB DOI: 10.1257/aer.20181219.
13. *Brunnermeier M.K., Merkel S.A., Sannikov Y.* The fiscal theory of price level with a bubble // NBER Working Paper. 2022. No. 27116. Pp. 2–76.
14. *Costa M., Vandervoort A., Schmidt C., Petersen M.W., Drews M., Morrissey K., Pereira F.C.* Learning long term climate-resilient transport adaptation pathways under direct and indirect flood impacts using reinforcement learning // Cornell University. 2026. Pp. 1–9.
15. *Dixit A.K., Pindyck R.S.* Investment under Uncertainty. Princeton: Princeton University Press, 1994.
16. *Freixas X., Rochet J.-C.* Microeconomics of Banking. Second Edition. The MIT Press // 2008. No. 1.
17. *Gornicka L., Valderrama M.L.* Stress Testing and Calibration of Macroprudential Policy Tools // IMF Working Papers, 2020. No. 165. EDN: PIDTBJ. DOI: 10.5089/9781513554471.001.

18. *Gourinchas P.-O., Obstfeld M.* Stories of the Twentieth Century for the Twenty-First // American Economic Journal: Macroeconomics. 2012. No. 4 (1). Pp. 226–65.
19. *Han L.J., Kasa K., Luo Y.* Ambiguity, information processing, and financial intermediation // Journal of Economic Theory. 2024. No. 222. Pp. 105922. EDN: UYNKAC. DOI: 10.1016/j.jet.2024.105922.
20. *Jordà O., Schularick M., Taylor A.M.* The effects of quasi-random monetary experiments // Journal of Monetary Economics. 2020. No. 112. Pp. 22-40. EDN: QUKYST. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2019.01.021.
21. *Kaplan G., Moll B., Violante G.L.* Monetary Policy According to HANK // American Economic Review. 2018. No. 108 (3). Pp. 697–743.
22. *Link S., Peichl A., Roth C., Wohlfart J.* Information frictions among firms and households // Journal of Monetary Economics. 2023. No. 135. Pp. 99–115. EDN: LFJKYY. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2023.01.005.
23. *Miranda-Pinto J., Pescatori A, Stuermer M., Wang X.* Beyond Energy: Inflationary Effects of Metals Price Shocks in Production Networks // IMF Working Papers, 2024. No. 215. EDN: YCIPLP. DOI: 10.5089/9798400291630.001.
24. *Morganti P., Garofalo G.* Reassessing the law, finance, and growth nexus after the recent Great Recession // Journal of Economic Behavior and Organization. 2019. No. 162. Pp. 229–250.
25. *Sha S.* Financial regulatory reform and corporate financing efficiency: A difference-in-differences analysis based on the revision of the securities law // Finance Research Letters. 2026. No. 96. Pp. 109728. EDN: REGDAB. DOI: 10.1016/j.frl.2026.109728.
26. *Wang H.* Assessing Dynamic Connectedness in Global Supply Chain Infrastructure Portfolios: The Impact of Risk Factors and Extreme Events. // Cornell University. 2026. Pp. 1–32. EDN: QSLHTS. DOI: 10.1016/j.gfj.2025.101166.

Дата поступления рукописи: *11.06.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *20.10.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвин Валерия Викторовна – доктор экономических наук, доцент, директор Института финансовых исследований Финансового факультета, доцент Кафедры банковского дела и монетарного регулирования ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1677-8138
vlitvin@fa.ru

Коровин Дмитрий Игоревич – доктор экономических наук, кандидат физико-математических наук, доцент, профессор Кафедры моделирования и системного анализа Факультета информационных технологий и анализа больших данных ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9941-0322
dikorovin@fa.ru

Криничанский Константин Владимирович – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института финансовых исследований, профессор Кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга Финансового факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1225-7263
kkrin@fa.ru

Маняхин Тимофей Викторович – кандидат экономических наук, доцент Кафедры финансовых рынков и финансового инжиниринга, ведущий научный сотрудник Института финансовых исследований Финансового факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия
ORCID: 0009-0005-7315-286X
tvmanyakhin@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Valeria V. Litvin – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Director of the Institute of Financial Research, Faculty of Finance, Associate Professor of the Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1677-8138
vlitvin@fa.ru

Dmitry I. Korovin – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Phys.–Math.), Associate Professor, Professor of the Department of Modeling and System Analysis, Faculty of Information Technology and Big Data Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9941-0322
dikorovin@fa.ru

Konstantin V. Krinichansky – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Institute of Financial Research, Professor of the Department of Financial Markets and Financial Engineering, Faculty of Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1225-7263
kkrin@fa.ru

Timofei V. Maniakhin – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Financial Markets and Financial Engineering, Leading Researcher, Institute of Financial Research of the Finance Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0005-7315-286X
tvmanyakhin@fa.ru

EXPERT ANALYSIS OF THE RISKS OF CREATING AND INCREASING "LONG MONEY" IN THE RUSSIAN ECONOMY[4]

The formation of long-term savings and their transformation into productive investments are the central pillars of sustainable economic growth and economic security. In a number of developing economies, including Russia's, this process is structurally limited by a complex system of interconnected risks, including geopolitical changes, macroeconomic instability, institutional fragility, infrastructure deficiencies, behavioural factors, and others. To conduct an in-depth analysis of these risks, this study employs a multi-level analytical model that combines the ideas of macroeconomics, financial intermediation theory, institutional economics, financial economics, and macrofinancial stability. This conceptual framework made it possible to systematize and characterize the risks that mediate the process of «long-term money» reproduction in the Russian economy. Using an expert survey, the study assesses the risks and potential economic damage caused by risky events in 2026-2028. Dynamic risk maps are compiled and analysed, and a set of recommendations is developed to minimize the risks associated with the creation and accumulation of long-term money in the Russian economy.

Keywords: *long-money, long-term savings, long-term investments, economic loss, expert assessment, risk map, risk mitigation mechanisms.*

JEL: D14, D81, D91, E21, G40.

[4] The article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budgetary funds on a state assignment Financial University under the Government of the Russian Federation.

А.В. КОШКИН
кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

СЕГМЕНТИРОВАННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАПИТАЛА И МОНЕТАРНАЯ ТРАНСМИССИЯ: РОССИЯ ПОСЛЕ 2022 ГОДА КАК НОВЫЙ КОНТЕКСТ ДЛЯ ТРИЛЕММЫ МАНДЕЛЛА–ФЛЕМИНГА

В работе рассматривается, как изменилась связь между ставкой денежного рынка и кредитованием нефинансовых организаций после сегментации внешнего счета операций с капиталом в 2022 г. Для анализа используются месячные данные по России за 2014–2025 гг. Основное внимание уделяется процентному каналу денежно-кредитной трансмиссии. Показано, что корреляция между изменением RUONIA и темпом прироста кредита становится отрицательной. Регрессионные оценки согласуются с этим сдвигом, хотя не достигают стандартных уровней значимости. Анализ дополняется рассмотрением спреда между RUONIA и ключевой ставкой. Статья позиционируется как разведочный эмпирический анализ. Полученные результаты позволяют предположить, что сегментация внешних потоков капитала способна усиливать внутренний процентный канал денежно-кредитной политики. Российский случай 2022 г. интерпретируется как новый контекст для проверки ограничений, задаваемых трилеммой Манделла–Флеминга.

Ключевые слова: *трилемма Манделла–Флеминга, мобильность капитала, монетарная трансмиссия, процентный канал, кредитование.*

УДК: 336.711

EDN: IYQCMP

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_5_135_163

Введение

Вопрос о границах денежно-кредитной политики в открытой экономике остается одним из самых обсуждаемых в макроэкономике. С тех пор как Р.А. Манделл [16] и Дж.М. Флеминг [13] показали, что при высокой мобильности капитала фиксированный курс лишает центральный банк самостоятельности, экономисты возвращаются к этому выводу в разных контекстах. Трилемма Манделла–Флеминга формулирует выбор между стабильностью курса, свободой движения капитала и независимостью монетарной политики, и до сих пор она

служит удобной рамкой для анализа ограничений, с которыми сталкиваются денежные власти. Но эта рамка предполагает, что капитал однороден, а счет операций с ним либо открыт, либо закрыт. Реальная экономика устроена иначе. После финансового кризиса 2007–2009 гг. стало заметно, что разные типы капитала ведут себя по-разному, а регулирование часто носит сегментированный характер, когда одни потоки остаются свободными, другие ограничиваются, третьи практически исчезают под давлением внешних шоков, что делает классическую постановку трилеммы слишком грубой для описания современных экономик.

Российский случай 2022 г. дает редкую возможность увидеть, как работает монетарная политика после резкого закрытия значительной части внешнего финансового счета. Введенные санкции, заморозка резервов и ограничения на трансграничные операции фактически лишили российский финансовый сектор привычной связи с глобальным рынком капитала. Формально рубль остался плавающим, но экономика перестала быть открытой в прежнем смысле. Внешний долг банков начал быстро сокращаться, нерезиденты ушли с рынка государственных облигаций, портфельные потоки потеряли значение. В то же время прямые инвестиции не исчезли полностью, хотя и изменили географию и структуру. Возникла ситуация, которую уместно назвать сегментированной мобильностью капитала. Для проверки трилеммы в таком контексте нужна не только констатация самого факта закрытия счета, но и анализ того, как изменилось действие монетарной политики.

Сегментированная мобильность капитала означает, что внешний счет операций с капиталом перестает быть единым целым и распадается на несколько слабо связанных между собой сегментов, каждый из которых обладает собственной чувствительностью к внутренним денежно-кредитным условиям. В российском случае 2022 г. можно выделить как минимум четыре таких сегмента. Первый – это прямые иностранные инвестиции, которые наиболее инертны и слабо реагируют на изменение внутренней ставки. Второй – портфельные инвестиции, которые отличаются высокой краткосрочной чувствительностью, но после февраля 2022 г. были подавлены в первую очередь из-за ограничений на операции нерезидентов и инфраструктурных санкций. Третий – банковские кредиты и депозиты, то есть наиболее чувствительный к ставке сегмент, который также испытал резкое сжатие из-за отключения ряда банков от международных платежных систем. Четвертый – прочие инвестиции, включая торговые кредиты и авансы, которые частично сохранились, но изменили маршруты и стали менее предсказуемыми. Такая сегментация появилась не в результате постепенной макроэкономической эволюции – она возникла как вынужден-

ная реакция на внешний шок, что делает российский случай чрезвычайно интересным для анализа.

Особый интерес для автора в данной работе представляет трансмиссионный механизм. Если до 2022 г. открытость счета операций с капиталом[1] ослабляла влияние ключевой ставки на внутренние кредитные и ценовые процессы, то после шока эта связь должна была усилиться. Иными словами, закрытие внешнего контура не просто ограничило потоки, оно изменило саму природу денежно-кредитной политики в России. Этот сюжет уже затрагивается в работах, анализирующих реакцию Банка России на санкционные вызовы. Так, М.Ю. Головнин [1] обращает внимание на то, что валютные ограничения и резкий подъем ставки помогли в течение краткосрочного периода удержать ситуацию, хотя, по его же замечанию, одними этими мерами обойтись нельзя и нужны иные подходы к курсовой политике. Фрагментация мировой экономики рассматривается им и в другой работе [2], где российский случай выделен особо в связи с тем, что последствия санкционного режима вышли за пределы национальной экономики, затронув динамику глобальных товарных рынков. А.Н. Могилат подчеркивала, что трансмиссионный механизм в России представляет собой сложную систему, в которой процентный канал взаимодействует с кредитным, валютным и балансовым каналами [11]. Ранее уже отмечалось, что финансовый рынок России становится фрагментированным, а трансмиссия в условиях санкционного давления работает неравномерно [8]. Для стандартных моделей денежно-кредитной политики это серьезный вызов, так как они плохо приспособлены к описанию экономики, которая вынуждена существовать с сегментированным счетом операций с капиталом.

Ограничения трилеммы Манделла–Флеминга также активно исследуются в научной литературе. Прежде всего в этом контексте представляется уместным упомянуть исследование Н.Д. Голотвина и С.Ф. Серегиной [3], которые фиксируют, что традиционные инструменты смягчения этих ограничений, в первую очередь резервы и интервенции, теряют действенность в изменившейся мировой экономике. Более информативным индикатором уязвимости они считают отношение краткосрочного внешнего долга к резервам, что послужило примером логики построения работы, на которую опирался автор. В настоящей

[1] Здесь и далее под «счетом операций с капиталом» автором понимается совокупность трансграничных потоков капитала, отражаемых в платежном балансе по счету операций с капиталом и финансовыми инструментами. В международной литературе по трилемме Манделла–Флеминга данному понятию соответствует термин «*capital account*», исторически охватывающий как собственно счет операций с капиталом, так и финансовый счет. Такое расширительное употребление сохранено в настоящей работе для терминологической преемственности с цитируемыми исследованиями.

статье тоже нет жесткого деления на открытость и закрытость, а вместо этого учитывается структура внешних обязательств. Ситуация, в которой оказалась Россия после 2022 г., интересна не столько как очередной эпизод нестабильности, в рамках которого быстро и вынужденно поменялась сама конфигурация мобильности капитала, сколько именно как уникальный эмпирический материал для проверки классических гипотез. К тому же, как было показано ранее, сегментированные потоки капитала влияют на монетарную автономию в развивающихся экономиках, а после 2022 г. этот процесс стал заметнее [15].

Цель исследования состоит не в строгой проверке причинно-следственной связи, а в том, чтобы на доступных данных проследить, как изменилась сопряженность между процентной ставкой и кредитованием после того, как внешний счет операций с капиталом оказался закрыт и сегментирован. Исходя из этого, работа носит разведочный характер и не претендует на исчерпывающую эконометрическую идентификацию. В центре анализа находится соотношение между денежно-кредитными индикаторами и динамикой кредитования. Такой подход позволяет не просто зафиксировать изменение режима, но и показать, что монетарная трансмиссия стала работать иначе. *Это важно не только для понимания российского кейса, но и в контексте общей дискуссии о том, насколько гибкой должна быть трилемма Манделла-Флеминга в условиях фрагментации мировой финансовой системы.*

Методы

Эмпирическая часть исследования опирается на месячные статистические данные по российской экономике за период с января 2014 по декабрь 2025 г. Основной массив собран из открытых источников Банка России, Росстата и Минфина России и представлена в Приложении. Ключевая ставка и RUONIA взяты из статистики Банка России, причем RUONIA агрегирована до месячной средней арифметической. Показатели кредитования нефинансовых организаций и домашних хозяйств получены из банковской статистики, публикуемой регулятором. Внешний долг, включая долг банков и нефинансового сектора, взят из статистики внешнего сектора. Доля нерезидентов в облигациях федерального займа (ОФЗ) используется как индикатор присутствия внешних инвесторов на внутреннем долговом рынке. Инфляция представлена месячным и годовым индексом потребительских цен, валютный курс взят как среднемесячное значение рубля к доллару и евро. Отдельные квартальные данные по чистым потокам прямых, портфельных и прочих инвестиций дополняют картину трансграничных операций. В расчетах используются месячные ряды, а квартальные показатели привлекаются только для описательной части.

Стратегия исследования строится вокруг прозрачного сопоставления двух режимов денежно-кредитной политики. Первый режим охватывает период с января 2014 по январь 2022 г., когда российская экономика оставалась глубоко интегрированной в мировую финансовую систему, а второй начинается в феврале 2022 г. и продолжается до конца 2025 г. Различие между режимами состоит не только в формальной открытости или закрытости счета операций с капиталом, но и в структуре сегментов, описанных во введении. До 2022 г. все четыре обозначенных во введении сегмента были в той или иной степени доступны российским банкам и заемщикам, что позволяло частично обходить внутренние ограничения ликвидности за счет внешнего фондирования. После февраля 2022 г. наиболее чувствительные к ставке сегменты (портфельные инвестиции и банковское фондирование) были подавлены в первую очередь, тогда как прямые инвестиции и часть прочих инвестиций сохранились, но перестали выполнять роль стабилизатора.

Из этой структуры вытекает ряд предположений о том, как сегментация должна влиять на процентный канал:

– если наиболее чувствительные к ставке внешние сегменты исчезают, то внутренняя ставка перестает конкурировать с внешними источниками фондирования, а ее влияние на кредит становится более прямым;
– если сохранившиеся сегменты, прежде всего прямые инвестиции, слабо реагируют на ставку, то они не могут компенсировать выпавшие потоки, и денежный рынок становится более зависимым от сигналов центрального банка;
– если часть кредитного портфеля обслуживается по нерыночным ставкам или через льготные программы, то усиление реакции совокупного кредита на ставку может быть слабее, чем следует из агрегированных данных;
– если одновременно растет роль валютного курса, то часть монетарного импульса может уходить в курсовые колебания, а не в кредит.

В настоящей работе эти предположения не проверяются со всей строгостью, но задают рамку для интерпретации полученных результатов.

Основная зависимая переменная представляет собой месячное изменение логарифма кредитов нефинансовым организациям:

$$\Delta c_t = \ln(C_t) - \ln(C_{t-1}), \quad (1)$$

где C_t обозначает объем кредитов в месяце t. Такой выбор позволяет сосредоточиться на корпоративном сегменте, который в меньшей сте-

пени подвержен краткосрочным колебаниям потребительского спроса и лучше отражает реакцию банков на изменение стоимости фондирования. В качестве альтернативы рассматриваются кредиты физическим лицам, но они используются скорее для проверки устойчивости выводов. Главная объясняющая переменная строится на основе RUONIA, которая находится ближе к фактической цене денег в экономике, чем ключевая ставка, поскольку отражает реальные условия межбанковского рынка и быстрее впитывает изменения ликвидности, что позволяет избежать при ее использовании как инструмента анализа разрыва между формальным сигналом центрального банка и действительной стоимостью ресурсов, с которой сталкиваются банки.

Для оценки изменения силы процентного канала вводится бинарная переменная D_t, принимающая единицу с февраля 2022 г. Основной интерес представляет взаимодействие этой переменной с изменением ставки. Оценивается уравнение вида:

$$\Delta c_t = \alpha + \beta_1 \Delta i_t + \beta_2 D_t + \beta_3 (\Delta i_t \times D_t) + \gamma X_t + \varepsilon_t, \quad (2)$$

где Δi_t обозначает изменение ставки RUONIA, а X_t включает контрольные переменные. Коэффициент β_3 показывает, насколько изменилась чувствительность кредитования к ставке после сдвига режима. Если β_3 значим и отрицателен, это означает, что после закрытия внешнего счета операций с капиталом рост ставки стал сильнее сдерживать кредитование.

Оценка ведется на месячных данных без дополнительных контрольных переменных из-за того, что сопоставимый ряд по кредитованию довольно короткий. Включение инфляции и валютного курса в базовую спецификацию сократило бы число степеней свободы. Кроме того, обе переменные тесно связаны с шоковой переменной 2022 г., из-за чего коэффициенты стало бы труднее интерпретировать. Поэтому контрольные переменные не вводятся, а их возможная роль обсуждается в ограничениях работы. Лаги зависимой переменной тоже не используются, так как их введение потребовало бы более сложного расчета кумулятивных эффектов. Вместо этого стандартные ошибки берутся в робастной форме, что представляется оправданным в условиях высокой волатильности показателей в 2022 г., когда отдельные месяцы дают экстремальные значения, которые способны исказить выводы о значимости.

Важно подчеркнуть, что речь идет не о попытке установить строгую причинно-следственную связь. В 2022 г. наложились сразу несколько шоков, поэтому выделить чистый эффект закрытия счета операций с капиталом статистически трудно. Эмпирическая часть построена как сопоставление двух режимов с осторожной интерпретацией зна-

ков и величин коэффициентов. При этом автор сознательно разграничивает три уровня утверждений. Во-первых, это строгие статистические результаты, которые подтверждаются на стандартных уровнях значимости. Во-вторых, это устойчивые эмпирические закономерности, которые воспроизводятся по знаку и величине в разных спецификациях, но не достигают стандартных порогов значимости. В-третьих, это гипотезы и интерпретации, которые предлагаются как возможное объяснение наблюдаемых сдвигов, но не могут быть доказаны на имеющихся данных. Такое разграничение позволяет избежать как переоценки, так и недооценки полученных результатов.

В.А. Зверева [6] показывает, что банковские ставки реагируют на меры Банка России неравномерно по срокам и сегментам, а эффект денежно-кредитной политики проявляется с лагом от одного до трех месяцев. Эта инерция учитывается в лаговых спецификациях. С.И. Колесник, Ф.С. Картаев и А.В. Зубарев [7] отмечают, что кредитный импульс в России значимо отзывается прежде всего на ужесточение политики, тогда как смягчение действует слабее. Это представляется весьма существенным для последующего анализа, так как после 2022 г. ставка сначала резко повышалась, потом снижалась, а затем последовал новый цикл ужесточения.

Дополнительно анализируется разрыв между RUONIA и ключевой ставкой:

$$s_t = i_t^{\text{RUONIA}} - i_t^{key}, \tag{3}$$

где i_t^{key} обозначает ключевую ставку Банка России. До 2022 г. этот спред был относительно узким и стабильным, что отражало доступ банков к внешнему фондированию и общую предсказуемость денежного рынка. После февраля 2022 г. спред стал более волатильным. Анализ этого показателя позволяет увидеть, как изменилась сама среда, в которой работает процентный канал. Если раньше внешняя ликвидность сглаживала резкие движения внутренних ставок, то после закрытия счета операций с капиталом денежный рынок стал сильнее реагировать на сигналы центрального банка. Это, в свою очередь, должно было повысить чувствительность кредитования к изменениям RUONIA.

Связь между открытостью счета операций с капиталом и эффективностью монетарной политики обсуждается в международной литературе не первое десятилетие. Еще М. Обстфельд [17] показал, что даже при плавающем курсе страны не всегда способны изолировать внутреннюю денежно-кредитную политику от глобальных финансовых условий. Х. Рей [18] сформулировала эту проблему еще жестче, утверждая, что глобальный финансовый цикл ограничивает монетарную автономию независимо от режима валютного курса. Эти работы

задают контекст для российского случая, поскольку до 2022 г. Россия как раз находилась под сильным влиянием внешних финансовых циклов. После разрыва с глобальным рынком капитала естественно ожидать, что внутренний процентный канал стал более выраженным.

Исходя из этого, формальная спецификация дополняется лаговыми версиями ставки. Для каждого периода t рассматриваются изменения ставки в текущем и предшествующем месяцах:

$$\Delta i_{t-k}, \; k = 0, 1, 2, 3, \tag{4}$$

что позволяет не фиксировать заранее длину лага, а проверить, на каком горизонте реакция кредита наиболее выражена. Подобный подход согласуется с выводами В.А. Зверевой [6] о лагах от одного до трех месяцев в работе процентного канала в России.

Результаты

Прежде всего представляется уместным зафиксировать общий характер изменений. В табл. 1 приведены описательные статистики для двух периодов: первый – с марта 2019 г. по январь 2022 г., а второй – с февраля 2022 г. по декабрь 2025 г. Это связано с доступностью сопоставимых данных по кредитованию. Также период до февраля 2022 г. оказывается более волатильным по кредиту, хотя средний темп прироста кредитов нефинансовым организациям отрицателен в обоих случаях. Само по себе это не говорит о смене режима, но задает фон для дальнейшего сопоставления.

Разница в волатильности ставки особенно заметна. Среднее изменение RUONIA остается отрицательным в обоих периодах, однако после февраля 2022 г. оно становится более выраженным (−0,203 против −0,020), а стандартное отклонение увеличивается более чем в восемь раз (с 0,232 до 1,875). Минимальное изменение достигает почти –3,94 п.п, тогда как до шока самое резкое снижение составляло –0,63. Это указывает на то, что денежный рынок вошел в режим частых и резких колебаний. Но сама по себе волатильность ставки не гарантирует усиления трансмиссии. Важно, как на эти колебания реагирует кредит.

Наблюдаемый рост волатильности ставки и спреда согласуется с описанной структурой сегментации. До 2022 г. внешние сегменты, прежде всего банковское фондирование и портфельные инвестиции, выполняли роль буфера, когда приток или отток внешней ликвидности сглаживал резкие движения внутренних ставок. После февраля 2022 г. этот буфер исчез. Денежный рынок остался один на один с внутренними шоками ликвидности и сигналами регулятора, что и проявилось в кратном росте волатильности. Это не доказывает, что именно

Таблица 1

Описательные статистики

Показатель	До февраля 2022 г.	После февраля 2022 г.
Число наблюдений	35	47
Средний темп прироста кредитов некредитных финансовых организаций (НФО)	–0,039	–0,006
Медианный темп прироста кредитов НФО	–0,021	–0,027
Минимум темпа прироста кредитов НФО	–0,624	–0,745
Максимум темпа прироста кредитов НФО	0,361	0,507
Стандартное отклонение темпа прироста	0,481	0,338
Среднее изменение RUONIA	–0,020	–0,203
Медианное изменение RUONIA	–0,030	–0,040
Минимум изменения RUONIA	–0,630	–3,940
Максимум изменения RUONIA	0,700	10,170
Стандартное отклонение изменения RUONIA	0,232	1,875

Рассчитано по: данные Банка России. https://www.cbr.ru/hd_base/ruonia/dynamics/ (дата обращения: 12.09.2026); https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/ (дата обращения: 12.09.2026).

Таблица 2

Корреляция изменения RUONIA и кредита НФО до и после февраля 2022 г.

Лаг	Корреляция до	Корреляция после	Ковариация до	Ковариация после
0	0,063	–0,342	0,0071	–0,2207
1	0,039	–0,281	0,0043	–0,1812
2	0,018	–0,224	0,0020	–0,1445
3	–0,004	–0,170	–0,0004	–0,1096

Рассчитано по: данные Банка России. https://www.cbr.ru/hd_base/ruonia/dynamics/ (дата обращения: 12.09.2026); https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/ (дата обращения: 12.09.2026).

сегментация стала причиной роста волатильности, но дает содержательное объяснение наблюдаемой картине.

Табл. 2 показывает парные корреляции между изменением ставки и темпом прироста кредитов нефинансовым организациям для текущего месяца и трех лагов. Дополнительно приведены ковариации, чтобы было видно, из каких величин складывается корреляция.

До февраля 2022 г. связь практически отсутствует. На нулевом лаге она положительная и очень слабая, на третьем лаге почти нулевая, а ковариации при этом малы по абсолютной величине. После февраля 2022 г. знак меняется на отрицательный, и это происходит на всех рассмотренных лагах. Ковариации становятся заметно больше по модулю, что указывает на появление систематической обратной зависимости. Нулевой лаг после шока составляет –0,342, на первом –0,281, затем затухает, но остается отрицательной даже через три месяца.

Это главный описательный результат работы, который показывает, что корреляция между изменением ставки и темпом прироста кредита сменила знак с положительного на отрицательный. Сама по себе смена знака является наблюдаемым фактом, фиксируемым описательными статистиками, а не результатом регрессионного оценивания. Однако интерпретация этого факта как усиления процентного канала трансмиссии остается гипотезой, требующей дальнейшей проверки. Кредит начал реагировать на ставку в предсказуемом направлении, причем реакция проявляется не только сразу, но и с лагом, что соответствует природе банковского кредитования. До 2022 г. такой реакции не наблюдалось. Полученный результат не означает автоматического усиления итогового влияния денежно-кредитной политики на инфляцию. Если параллельно возрастает роль валютного канала или часть кредитного портфеля распределяется по нерыночным ставкам, то усиление реакции кредита на ставку может не сопровождаться пропорциональным усилением влияния на совокупный спрос.

Чтобы убедиться, что результат не является артефактом отдельных выбросов, дополнительно рассчитаны корреляции без учета февраля и марта 2022 г. Эти месяцы отличались экстремальными движениями ставки и кредита, поэтому их исключение полезно для проверки устойчивости (см. табл. 3).

Таблица 3

Корреляции без экстремальных месяцев после шока

Лаг	Корреляция после, полная выборка	Корреляция после, без февраля и марта 2022 г.
0	–0,342	–0,289
1	–0,281	–0,243
2	–0,224	–0,192
3	–0,170	–0,141

Рассчитано автором.

Без двух самых турбулентных месяцев корреляция несколько слабее, но на всех лагах остается отрицательной, из чего следует, что результат не держится только на шоковом эпизоде весны 2022 г. Связь сохраняется и в последующие месяцы.

Дополнительно рассчитаны средние значения спреда по отдельным периодам и его стандартные отклонения (см. табл. 4).

Таблица 4

Характеристики спреда RUONIA и ключевой ставки

Показатель	Январь 2014 – январь 2022	Февраль 2022 – декабрь 2025
Среднее	–0,035	–0,083
Медиана	–0,055	–0,140
Минимум	–2,000	–10,090
Максимум	1,390	2,620
Стандартное отклонение	0,350	1,403

Рассчитано по: данные Банка России. https://www.cbr.ru/hd_base/ruonia/dynamics/ (дата обращения: 12.09.2026); https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 12.09.2026).

Среднее спреда почти не меняется, но его дисперсия возрастает в четыре раза. Медианное значение становится более отрицательным. Это показывает, что после февраля 2022 г. денежный рынок чаще находился в состоянии, когда фактическая ставка была ниже ключевой. Такая ситуация могла быть связана с избытком ликвидности в отдельные месяцы. Но главное – не знак, а возросшая вариация. Стабильность спреда ушла, и вместе с ней ушла прежняя предсказуемость денежного рынка.

Далее переходим к регрессионному анализу. Оценивается уравнение (2), где D_t принимает единицу с февраля 2022 г. Основной интерес представляет коэффициент β_3, показывающий, насколько изменилась чувствительность кредита к ставке после сдвига режима (см. табл. 5).

Таблица 5

Оценки базовой регрессии

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	*t*-статистика	p-value
Константа	0,026	0,039	0,662	0,508
Δi_t	0,131	0,125	1,053	0,292
D_t	–0,034	0,056	–0,607	0,544
$\Delta i_t \times D_t$	–0,119	0,126	–0,944	0,346
N	81			

Рассчитано автором.

До февраля 2022 г. связь между изменением ставки и кредитом положительная, но незначительная по величине. После февраля 2022 г. эффект ставки становится $\beta_1 + \beta_3 = 0{,}131 - 0{,}119 = 0{,}012$, т. е. практически нулевым на нулевом лаге. На первый взгляд это противоречит гипотезе. Однако такая интерпретация была бы неполной. Коэффициент β_3 показывает, что положительная связь, наблюдавшаяся до шока, исчезает. Это уже указывает на изменение режима, даже если сам коэффициент не достигает стандартного уровня значимости.

Поскольку гипотеза носит направленный характер, для коэффициента β_3 уместно использовать односторонний тест. Мы ожидаем, что после февраля 2022 г. рост ставки сильнее сдерживает кредит. В этом случае p-value для β_3 снижается до 0,173. Это все еще выше десятипроцентного порога, поэтому формальная значимость отсутствует. Тем не менее знак коэффициента устойчив и согласуется с гипотезой.

Важно учитывать, что процентный канал работает с задержкой. Поэтому дополнительно оценивается модель с лагами ставки (см. формулу (5) и табл. 6):

$$\Delta c_t = \alpha + \beta_1 \Delta i_t + \beta_2 \Delta i_{t-1} + \beta_3 \Delta i_{t-2} + \beta_4 \Delta i_{t-3} + \beta_5 D_t + \beta_6 (\Delta i_t \times D_t) + \varepsilon_t. \quad (5)$$

Таблица 6

Оценки модели с лагами

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-value
Константа	0,024	0,041	0,585	0,558
Δi_t	0,046	0,129	0,357	0,721
Δi_{t-1}	0,009	0,131	0,069	0,945
Δi_{t-2}	–0,012	0,130	–0,092	0,927
Δi_{t-3}	–0,018	0,128	–0,141	0,888
D_t	0,028	0,061	0,459	0,646
$\Delta i_t \times D_t$	–0,165	0,153	–1,078	0,281
N	78			

Рассчитано автором.

В лаговой спецификации взаимодействие β_6 отрицательное и заметное. Нулевой лаг после шока составляет 0,046 – 0,165 = –0,119. В процентной интерпретации это означает, что после февраля 2022 г. рост ставки на 1 п.п. сопровождается замедлением месячного темпа

прироста кредитов нефинансовым организациям примерно на 0,12 п.п. (то есть примерно на 0,12% в месяц в терминах темпа прироста). До шока аналогичный эффект был положительным и малым (около +0,05 п.п. на 1 п.п. роста ставки). При одностороннем тесте p-value для β_6 снижается до 0,141. Формальной значимости снова нет, поэтому данный результат следует рассматривать как устойчивую эмпирическую закономерность, а не как строго доказанный эффект. Знак и величина согласуются с гипотезой, но не подтверждают ее статистически.

Результаты остаются качественно теми же при исключении февраля и марта 2022 г. В табл. 7 приведены коэффициенты взаимодействия для разных спецификаций.

Таблица 7

Коэффициенты взаимодействия в разных спецификациях

Спецификация	Коэффициент	Стандартная ошибка	p–value, односторонний
Базовая модель	–0,119	0,126	0,173
Модель с лагами	–0,165	0,153	0,141
Без февраля и марта 2022 г.	–0,149	0,141	0,146
Розничное кредитование	–0,104	0,118	0,189

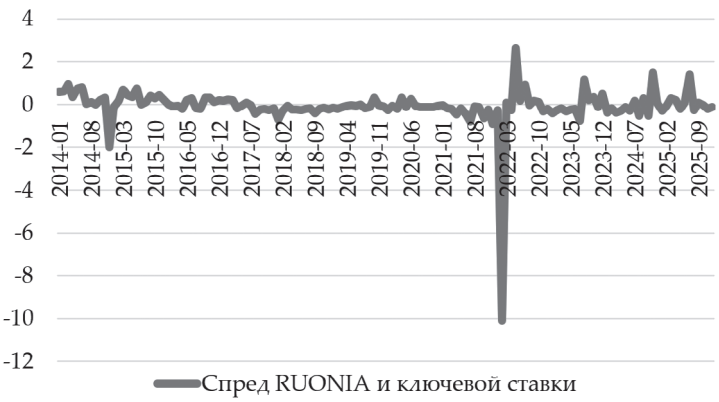
Рассчитано автором.

Для розничного кредитования эффект слабее, чем для корпоративного, но направление то же. Это согласуется с ожиданиями, поскольку розничный сегмент сильнее зависит от льготных программ и других факторов, не связанных напрямую с денежным рынком.

Таким образом, регрессионные оценки не позволяют говорить о статистически значимом усилении процентного канала на стандартных уровнях. Коэффициент взаимодействия не достигает стандартных порогов значимости ни в одной из спецификаций. Это означает, что строгий статистический вывод об усилении процентного канала на имеющихся данных сделать нельзя. Однако оценки показывают устойчивую смену знака связи между ставкой и кредитом. До февраля 2022 г. немедленная реакция кредита на ставку была положительной и малой. После февраля 2022 г. она становится отрицательной, причем эффект усиливается в лаговой спецификации. Эта согласованность между корреляционным анализом и регрессионными оценками позволяет рассматривать сдвиг как устойчивую эмпирическую закономерность, но не как статистически доказанный эффект.

Рассчитано по: данные Банка России. https://www.cbr.ru/hd_base/ruonia/dynamics/ (дата обращения: 12.09.2026); https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/ (дата обращения: 12.09.2026).

Рис. 1. Скользящая корреляция между изменением RUONIA и темпом прироста кредитов НФО, окно – 12 месяцев



Рассчитано по: данные Банка России. https://www.cbr.ru/hd_base/ruonia/dynamics/ (дата обращения: 12.09.2026); https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate/ (дата обращения: 12.09.2026).

Рис. 2. Спред между RUONIA и ключевой ставкой, процентные пункты

Автор разграничивает эти два уровня утверждений. Смена знака и устойчивость коэффициента взаимодействия являются наблюдаемыми в данных фактами, а интерпретация этого сдвига как усиления процентного канала – гипотезой, требующей дальнейшей проверки.

Смена знака связи между ставкой и кредитом заметна и на более наглядном уровне. Рис. 1 показывает скользящую корреляцию между изменением RUONIA и темпом прироста кредитов нефинансовым организациям, рассчитанную в окне двенадцать месяцев.

График показывает, что до 2022 г. корреляция колебалась около нуля, оставаясь в небольшой положительной зоне. После февраля

2022 г. она резко уходит в отрицательную область и достигает примерно –0,34, после чего медленно возвращается к нулю ближе к концу 2025 г. Переход происходит быстро, что согласуется с трактовкой февраля 2022 г. как структурного разрыва.

Не менее показательна динамика спреда между RUONIA и ключевой ставкой (см. рис. 2).

Из графика на рис. 2 видно, что до 2022 г. спред оставался в основном в пределах одного процентного пункта. Эпизоды расширения случались, но были короткими. После февраля 2022 г. картина меняется. Сначала спред резко уходит в отрицательную область, затем в положительную, и в дальнейшем его амплитуда заметно выше, чем в предыдущие годы. Это означает, что денежный рынок стал острее реагировать на разницу между формальной ставкой регулятора и фактической ценой ликвидности.

Приведенные результаты не следует переоценивать. Они фиксируют сдвиг в сопряженности ставки и кредита, но не позволяют однозначно отделить эффект сегментации капитала от других изменений 2022 г. Следует быть осторожным и с интерпретацией причинно-следственной связи: 2022 г. принес не только закрытие счета операций с капиталом, но и санкции, изменения в бюджетной политике, перестройку внешней торговли и общий рост неопределенности. Поэтому полученные оценки нельзя механически приписывать единственному фактору. Однако устойчивость знака и постепенное затухание реакции по лагам указывают на то, что сдвиг не сводится к отдельным шоковым месяцам.

Обсуждение

Полученные результаты стоит интерпретировать с осторожностью, но их направление довольно отчетливо. До февраля 2022 г. связь между изменениями ставки денежного рынка и темпами прироста кредитования нефинансовых организаций оставалась слабой и статистически малозначимой, а после февраля 2022 г. корреляция становится отрицательной на всех рассмотренных лагах и сохраняется даже при исключении наиболее турбулентных месяцев, что позволяет говорить не о случайном совпадении, а о сдвиге в работе процентного канала. Такой вывод согласуется с наблюдениями А.Н. Лякина, который показывал, что в российских кризисах 1998, 2008–2009 и 2014–2016 гг. именно повышение ставок и сжатие ликвидности превращали валютный шок в общеэкономический спад [9]. Однако в тех эпизодах кредитный канал срабатывал скорее как канал кризисного торможения, а не как устойчивый механизм денежно-кредитной трансмиссии. После 2022 г. ситуация выглядит иначе, поскольку отрицательная связь ставки и кредита

наблюдается не только в момент острого шока, но и на протяжении нескольких последующих лет.

Так, шок спроса, вызванный резким ростом процентных ставок, провоцирует быстрое падение, тогда как структурная адаптация требует длительного времени [10]. Полученные результаты дополняют этот тезис. Быстрое ужесточение денежно-кредитной политики в 2022 г. действительно сопровождалось сжатием кредита, но в отличие от прежних эпизодов связь между ставкой и кредитом не растворилась после стабилизации валютного рынка. Она же осталась заметной и в 2023–2024 гг., когда экономика уже адаптировалась к санкционному режиму, что можно рассматривать как свидетельство того, что процентный канал начал работать не только как аварийный тормоз, но и как более постоянный элемент трансмиссии.

Важно учитывать, что и до 2022 г. российская экономика находилась под сильным влиянием внешних финансовых условий. Однако открытость счета операций с капиталом позволяла банкам и крупным заемщикам частично обходить внутренние ограничения ликвидности за счет внешнего фондирования. В таких условиях изменение внутренней ставки не обязательно приводило к пропорциональному изменению стоимости кредита для конечных заемщиков. После закрытия значительной части внешнего контура этот обходной путь исчез. При этом разные сегменты внешнего счета испытали разное воздействие, и это различие важно для интерпретации. Портфельные инвестиции и банковское фондирование, будучи наиболее чувствительными к ставке, были подавлены в первую очередь. Прямые инвестиции, напротив, сохранились, но они слабо реагируют на краткосрочные изменения ставки и потому не могли заменить выпавшие потоки. Прочие инвестиции, включая торговые кредиты, частично адаптировались, но стали менее предсказуемыми. В результате внутренняя ставка перестала конкурировать с внешними источниками фондирования именно в тех сегментах, которые были наиболее чувствительны к ней, и ее влияние на кредит стало более прямым. Это не означает, что сегментация автоматически усилила процентный канал: часть импульса могла уйти в валютный курс, а часть кредитного портфеля могла остаться нечувствительной к ставке из-за льготных программ и нерыночных условий. Но направление эффекта согласуется с логикой сегментированной мобильности капитала.

Подобная логика согласуется с выводами К. Форбса и Ф. Уорнока о том, что портфельные и банковские потоки обладают высокой краткосрочной чувствительностью, тогда как прямые инвестиции более инертны [14]. В российском случае именно чувствительные сегменты были подавлены в первую очередь. В результате внутренняя ставка перестала конкурировать с внешними источниками фондирования и ее влияние на кредит стало более прямым.

Регрессионные оценки согласуются с этой логикой, хотя и не дают формальной значимости на стандартных уровнях. В модели с лагами взаимодействие изменения ставки с индикатором периода после февраля 2022 г. оказывается отрицательным и по модулю больше, чем в базовой спецификации. Немедленный эффект на нулевом лаге меняет знак с положительного на отрицательный. При одностороннем тесте p-value снижается, но остается выше десятипроцентного порога. Это означает, что статистически уверенно говорить об усилении процентного канала нельзя. Однако устойчивая смена знака и согласованность с корреляционным анализом позволяют рассматривать результат как содержательную гипотезу о сдвиге, а не как статистически установленный факт. Строгий вывод, который можно сделать на имеющихся данных, состоит в том, что направление связи изменилось. Вопрос о том, является ли это изменение статистически значимым, остается открытым.

Важно также различать силу процентного канала на участке «ставка → кредит» и итоговую эффективность денежно-кредитной политики. Усиление первого звена может сосуществовать с ослаблением влияния ставки на инфляцию, если второе звено – от кредита к совокупному спросу и ценам – искажено структурными факторами. К таким факторам можно отнести фрагментацию кредитного рынка, при которой значительная часть портфеля не реагирует на ставку, а также возросшую роль валютного курса, забирающего на себя часть монетарного импульса.

Эти результаты имеют значение для интерпретации трилеммы Манделла–Флеминга. Классическая версия трилеммы предполагает, что при фиксированном валютном курсе открытость счета операций с капиталом ограничивает монетарную автономию. Вместе с тем полученные результаты указывают на то, что и при плавающем курсе открытость счета способна ослаблять процентный канал. Так, после сегментации капитала курс остался плавающим, однако влияние денежно-кредитной политики на кредитование стало более выраженным, что в некотором смысле созвучно с позицией Х. Рей, согласно которой глобальный финансовый цикл ограничивает монетарную автономию независимо от режима валютного курса [18]. Если экономика выпадает из данного цикла, внутренние инструменты денежно-кредитной политики начинают действовать сильнее. М. Обстфельд также подчеркивал, что гибкий курс не обеспечивает полной изоляции от внешних финансовых условий [17].

Вместе с тем следует избегать упрощенного вывода о том, что закрытие счета операций с капиталом автоматически повышает эффективность денежно-кредитной политики. Усиление процентного канала на участке «ставка → кредит" – это лишь часть общей картины. В эко-

номике, где одновременно происходит фрагментация кредитного рынка и растет чувствительность курса к монетарным импульсам, итоговое влияние ставки на инфляцию может оставаться ограниченным. Поэтому о повышении эффективности денежно-кредитной политики можно говорить только в том случае, если усиление реакции кредита сопровождается усилением реакции совокупного спроса и цен.

Усиление процентного канала после 2022 г. происходило в условиях множества других изменений. Санкции, перестройка внешней торговли, бюджетные импульсы и валютные ограничения действовали одновременно, и отделить их влияние друг от друга на агрегированных данных сложно. Кроме того, усиление реакции кредита на ставку не обязательно означает улучшение общественного благосостояния. Более жесткая трансмиссия может быть и источником дополнительной волатильности, особенно если бюджетная и денежно-кредитная политика не скоординированы. А.С. Новоселов и А.В. Фалеев обращают внимание на то, что политика таргетирования инфляции в шоковые периоды сталкивается с противоречием между социальными и монетарными целями [12]. Наш результат не снимает этого противоречия, а лишь показывает, что инструмент ставки стал более действенным.

Сопоставление с работами по российскому трансмиссионному механизму показывает, что автор не одинок в фиксации изменений. Так, В.А. Зверева отмечает, что даже при шоках последних лет трансмиссия в России продолжает работать, а региональная неоднородность не разрушает общий механизм [5]. На агрегированных данных этот вывод подтверждается. Однако временной ракурс добавляет важный нюанс. Сдвиг обнаруживается не в 2014 г., когда произошел переход к инфляционному таргетированию, а после сегментации капитала в 2022 г. А.М. Городнов и А.В. Зубарев показывают, что отрицательная связь между реальной ставкой и экономической активностью усилилась после перехода к инфляционному таргетированию [4]. После 2022 г., как можно предположить на основании полученных данных, это усиление нарастает.

И, завершая данный раздел, *стоит прямо указать на ряд ограничений проведенного исследования.* Период до 2022 г. по кредитованию нефинансовых организаций ограничен 2019–2021 гг. из-за доступности сопоставимых данных, что сужает базу сравнения. Далее, используемые корреляции не позволяют строго отделить шок счета операций с капиталом от других шоков 2022 г., а агрегированные данные скрывают отраслевую и региональную неоднородность, хотя исследования В.А. Зверевой показывают, что трансмиссия неодинакова по регионам и сегментам рынка [6]. Основным ограничением работы является недостаточная статистическая мощность для строгой проверки гипо-

тезы, что связано с коротким периодом сопоставимых данных по кредитованию и высокой волатильностью 2022 г. Как уже было отмечено во введении, анализ носит разведочный характер и не включает сезонную корректировку рядов. Эти ограничения не позволяют сделать строгий, основанный на достаточном статистическом материале вывод об усилении процентного канала, но не отменяют содержательной интерпретации наблюдаемого сдвига как гипотезы для дальнейшей проверки.

Заключение

Российская экономика после 2022 г. оказалась в положении, которого трудно было ожидать еще за несколько лет до наступления этого года. Формально рубль остался плавающей валютой, а Центральный банк Российской Федерации не отказывался от инфляционного таргетирования. Но, по существу, страна перестала быть открытой экономикой в том смысле, который обычно вкладывается в это понятие. Внешний счет операций с капиталом не просто сжался – он распался на несколько слабо связанных между собой сегментов. Часть потоков исчезла почти мгновенно, другая изменила маршруты, третья сохранилась, но стала вести себя иначе. Наиболее чувствительные к ставке сегменты (портфельные инвестиции и банковское фондирование) были подавлены в первую очередь. Прямые инвестиции сохранились, но они слабо реагируют на краткосрочные изменения ставки и потому не могли заменить выпавшие потоки. Прочие инвестиции частично адаптировались, но стали менее предсказуемыми. *Это состояние и было названо в работе сегментированной мобильностью капитала.* Важно подчеркнуть, что *речь идет не просто о количественном сжатии потоков, а о качественном изменении структуры внешних обязательств, при котором одни сегменты исчезают, другие сохраняются, но перестают выполнять стабилизирующую роль.*

Главный результат состоит в том, что в такой среде связь между изменениями ставки денежного рынка и динамикой кредитования нефинансовых организаций из почти нулевой или слабо положительной превратилась в отрицательную. Это установленный факт, фиксируемый описательными статистиками. Однако интерпретация этого факта как усиления процентного канала остается гипотезой. Эффект не приобрел статистической значимости и не стал значительным по величине. Содержательно важен сдвиг знака, который остается устойчивым на разных лагах и сохраняется в разных спецификациях, причем его нельзя свести лишь к шоковым месяцам весны 2022 г., когда ставка взлетала до 20 процентов, а кредит резко сжимался. Корреляция остается отрицательной и при исключении экстремальных наблюдений, и на лагах вплоть до трех месяцев, что проявляется не столько

в значимости отдельных коэффициентов, сколько в согласованности корреляций и знаков. Величину эффекта при этом переоценивать не следует. Для интерпретации трилеммы Манделла-Флеминга важен сам переход от почти нулевой или слабо положительной связи к отрицательной, а не точное значение коэффициента. Такой переход и несет основную содержательную нагрузку, но его статистическая проверка требует более длинных рядов и более мощных тестов.

Это позволяет несколько иначе взглянуть на трилемму Манделла-Флеминга. Проведенный анализ показывает, что при исчезновении высокочувствительных внешних потоков внутренняя ставка перестает конкурировать с глобальными источниками фондирования, и ее влияние на кредит становится заметнее. Однако усиление связи между ставкой и кредитом не следует отождествлять с усилением всей трансмиссии. Трилемма в ее классической формулировке предполагает, что капитал либо мобилен, либо нет. Российский случай 2022 г. показывает, что реальность сложнее, ведь капитал может быть мобилен в одних сегментах и не мобилен в других, и именно эта неоднородность определяет, насколько действенной оказывается внутренняя денежно-кредитная политика. Поэтому при анализе ограничений денежно-кредитной политики важно учитывать не только формальный режим валютного курса и степень открытости счета, но и структуру внешних обязательств по сегментам.

В условиях фрагментированного кредитного рынка и возросшей роли валютного курса часть монетарного импульса может уходить в курсовые колебания, а часть кредитного портфеля – оставаться нечувствительной к ставке. Поэтому итоговая эффективность денежно-кредитной политики зависит не только от силы первого звена трансмиссии, но и от того, насколько кредитный импульс доходит до совокупного спроса и цен. Плавающий курс при этом сохраняется, но он больше не является главным амортизатором внешних шоков. Основную работу берет на себя процентный канал. Это не отменяет трилемму, а уточняет ее. Важен не сам по себе режим валютного курса и не формальная открытость счета, а структура внешних обязательств и чувствительность отдельных потоков к внутренним денежно-кредитным условиям.

Российский случай интересен именно тем, что сегментация мобильности капитала произошла не в результате постепенной макроэкономической эволюции, а как вынужденная реакция на внешний шок. Конечно, одновременно с закрытием счета операций с капиталом менялись бюджетная политика, структура внешней торговли, логистические цепочки и ожидания экономических агентов, из-за чего выделить вклад именно сегментации мобильности капитала с абсолютной точностью невозможно. Но устойчивость полученных корреляций и их согласованность с логикой трилеммы дают основание счи-

тать, что мы наблюдаем содержательный сдвиг, а не статистическую случайность.

Практическое значение работы не сводится к описанию российского кейса. В мире, где финансовая глобализация уже не кажется необратимой, вопрос о том, как работает денежно-кредитная политика при частичной изоляции, приобретает общее значение. Сегментация капитала может возникать не только из-за санкций, но и в результате регуляторных мер, геополитической напряженности или изменений в поведении глобальных инвесторов. Понимание того, что при этом происходит с трансмиссией, полезно не только для России, но и для других экономик, которые вынуждены жить в условиях фрагментации финансового пространства.

Как представляется, статья позволяет сделать шаг в сторону более реалистичного понимания монетарной политики в условиях частичной финансовой изоляции. Она показывает, что закрытие счета операций с капиталом не просто ограничивает потоки, но меняет саму природу денежно-кредитного регулирования. Возвращение процентной ставке действенности может выглядеть как технический результат, но за ним стоит глубокий сдвиг в устройстве экономики. Страна, потерявшая доступ к глобальному рынку капитала, неизбежно становится более чувствительной к собственным решениям в области процентной политики. Это повышает ответственность регулятора и одновременно возвращает денежно-кредитной политике ту роль, которую она в открытой экономике во многом утратила.

Будущие исследования могли бы пойти по нескольким направлениям. Одно из них связано с дезагрегированием кредитных данных по отраслям, срокам и категориям заемщиков. Другое предполагает сопоставление российского опыта с другими случаями вынужденной сегментации капитала. Третье направление может быть теоретическим и состоять в построении моделей, в которых мобильность капитала задается не бинарно, а как набор сегментов с разной чувствительностью к внутренним ставкам. Такой подход помог бы лучше понять, при каких условиях усиление процентного канала превращается в рост макроэкономической волатильности, а при каких ведет к более устойчивой денежно-кредитной политике.

В конечном счете российский эпизод 2022 г. показал, что трилемма Манделла-Флеминга остается живой аналитической рамкой, но требует более тонкой настройки. Экономика не выбирает между полной открытостью и полной закрытостью. Она движется между разными конфигурациями сегментов, каждый из которых по-своему взаимодействует с монетарной политикой. Именно в этом пространстве, вероятно, и будут происходить главные сдвиги в макроэкономике ближайших десятилетий.

Приложение

Дата	RUONIA, %	Ключевая ставка, %	Спред RUONIA к ключевой ставке, п. п.	Изменение RUONIA, п.п.	Кредиты нефинансовым организациям, млн руб.	Темп прироста кредитов НФО, лог–разность
2014-01	6,08	5,50	0,58			
2014-02	6,12	5,50	0,62	0,04		
2014-03	7,95	7,00	0,95	1,83		
2014-04	7,85	7,50	0,35	–0,10		
2014-05	8,25	7,50	0,75	0,40		
2014-06	8,32	7,50	0,82	0,07		
2014-07	8,04	8,00	0,04	–0,28		
2014-08	8,13	8,00	0,13	0,09		
2014-09	8,01	8,00	0,01	–0,12		
2014-10	8,19	8,00	0,19	0,18		
2014-11	9,82	9,50	0,32	1,63		
2014-12	15,00	17,00	–2,00	5,18		
2015-01	16,89	17,00	–0,11	1,89		
2015-02	15,17	15,00	0,17	–1,72		
2015-03	14,70	14,00	0,70	–0,47		
2015-04	14,44	14,00	0,44	–0,26		
2015-05	12,84	12,50	0,34	–1,60		
2015-06	12,27	11,50	0,77	–0,57		
2015-07	11,50	11,50	0,00	–0,77		
2015-08	11,13	11,00	0,13	–0,37		
2015-09	11,42	11,00	0,42	0,29		
2015-10	11,30	11,00	0,30	–0,12		
2015-11	11,45	11,00	0,45	0,15		
2015-12	11,21	11,00	0,21	–0,24		
2016-01	11,00	11,00	0,00	–0,21		
2016-02	10,91	11,00	–0,09	–0,09		
2016-03	10,94	11,00	–0,06	0,03		
2016-04	10,78	11,00	–0,22	–0,16		
2016-05	11,21	11,00	0,21	0,43		
2016-06	10,78	10,50	0,28	–0,43		

Продолжение табл. со с. 156

Дата	RUONIA, %	Ключевая ставка, %	Спред RUONIA к ключевой ставке, п. п.	Изменение RUONIA, п.п.	Кредиты нефинансовым организациям, млн руб.	Темп прироста кредитов НФО, лог–разность
2016-07	10,32	10,50	–0,18	–0,46		
2016-08	10,30	10,50	–0,20	–0,02		
2016-09	10,32	10,00	0,32	0,02		
2016-10	10,33	10,00	0,33	0,01		
2016-11	10,12	10,00	0,12	–0,21		
2016-12	10,21	10,00	0,21	0,09		
2017-01	10,17	10,00	0,17	–0,04		
2017-02	10,22	10,00	0,22	0,05		
2017-03	9,94	9,75	0,19	–0,28		
2017-04	9,58	9,75	–0,17	–0,36		
2017-05	9,19	9,25	–0,06	–0,39		
2017-06	9,10	9,00	0,10	–0,09		
2017-07	8,97	9,00	–0,03	–0,13		
2017-08	8,57	9,00	–0,43	–0,40		
2017-09	8,26	8,50	–0,24	–0,31		
2017-10	8,03	8,25	–0,22	–0,23		
2017-11	7,99	8,25	–0,26	–0,04		
2017-12	7,58	7,75	–0,17	–0,41		
2018-01	7,05	7,75	–0,70	–0,53		
2018-02	7,22	7,50	–0,28	0,17		
2018-03	7,19	7,25	–0,06	–0,03		
2018-04	7,01	7,25	–0,24	–0,18		
2018-05	7,02	7,25	–0,23	0,01		
2018-06	7,00	7,25	–0,25	–0,02		
2018-07	7,05	7,25	–0,20	0,05		
2018-08	7,08	7,25	–0,17	0,03		
2018-09	7,10	7,50	–0,40	0,02		
2018-10	7,29	7,50	–0,21	0,19		
2018-11	7,35	7,50	–0,15	0,06		
2018-12	7,51	7,75	–0,24	0,16		
2019-01	7,60	7,75	–0,15	0,09	3981457	

Продолжение табл. со с. 156

Дата	RUONIA, %	Ключевая ставка, %	Спред RUONIA к ключевой ставке, п. п.	Изменение RUONIA, п.п.	Кредиты нефинансовым организациям, млн руб.	Темп прироста кредитов НФО, лог–разность
2019-02	7,55	7,75	–0,20	–0,05	3202534	–2,5201
2019-03	7,63	7,75	–0,12	0,08	3504045	0,0900
2019-04	7,69	7,75	–0,06	0,06	4174296	0,1750
2019-05	7,72	7,75	–0,03	0,03	4637280	0,1052
2019-06	7,44	7,50	–0,06	–0,28	3345201	–0,3266
2019-07	7,24	7,25	–0,01	–0,20	4124086	0,2094
2019-08	7,08	7,25	–0,17	–0,16	5143083	0,2207
2019-09	6,88	7,00	–0,12	–0,20	5062245	–0,0158
2019-10	6,82	6,50	0,32	–0,06	5264321	0,0392
2019-11	6,47	6,50	–0,03	–0,35	5693608	0,0783
2019-12	6,16	6,25	–0,09	–0,31	5575864	–0,0209
2020-01	5,99	6,25	–0,26	–0,17	7582892	0,3075
2020-02	5,95	6,00	–0,05	–0,04	4617849	–0,4958
2020-03	5,79	6,00	–0,21	–0,16	5544875	0,1830
2020-04	5,83	5,50	0,33	0,04	6771486	0,1999
2020-05	5,38	5,50	–0,12	–0,45	4850420	–0,3335
2020-06	4,75	4,50	0,25	–0,63	4291768	–0,1223
2020-07	4,20	4,25	–0,05	–0,55	6156469	0,3609
2020-08	4,13	4,25	–0,12	–0,07	7509367	0,1986
2020-09	4,12	4,25	–0,13	–0,01	6367056	–0,1651
2020-10	4,12	4,25	–0,13	0,00	6903226	0,0809
2020-11	4,14	4,25	–0,11	0,02	6848848	–0,0079
2020-12	4,18	4,25	–0,07	0,04	6521789	–0,0489
2021-01	4,21	4,25	–0,04	0,03	8429188	0,2566
2021-02	4,08	4,25	–0,17	–0,13	4515167	–0,6241
2021-03	4,29	4,50	–0,21	0,21	5449873	0,1881
2021-04	4,54	5,00	–0,46	0,25	6974057	0,2465
2021-05	4,82	5,00	–0,18	0,28	7684793	0,0970
2021-06	5,08	5,50	–0,42	0,26	6119425	–0,2278
2021-07	5,72	6,50	–0,78	0,64	7358359	0,1843
2021-08	6,42	6,50	–0,08	0,70	8269601	0,1168

Продолжение табл. со с. 156

Дата	RUONIA, %	Ключевая ставка, %	Спред RUONIA к ключевой ставке, п. п.	Изменение RUONIA, п.п.	Кредиты нефинансовым организациям, млн руб.	Темп прироста кредитов НФО, лог-разность
2021-09	6,62	6,75	–0,13	0,20	8152490	–0,0143
2021-10	6,86	7,50	–0,64	0,24	7565237	–0,0748
2021-11	7,27	7,50	–0,23	0,41	7414571	–0,0201
2021-12	7,59	8,50	–0,91	0,32	6982998	–0,0600
2022-01	8,24	8,50	–0,26	0,65	9160939	0,2715
2022-02	9,91	20,00	–10,09	1,67	5399672	–0,5285
2022-03	20,08	20,00	0,08	10,17	6370846	0,1654
2022-04	16,73	17,00	–0,27	–3,35	5318699	–0,1805
2022-05	13,62	11,00	2,62	–3,11	4768289	–0,1093
2022-06	9,68	9,50	0,18	–3,94	3932303	–0,1926
2022-07	8,92	8,00	0,92	–0,76	5209410	0,2811
2022-08	7,96	8,00	–0,04	–0,96	4874474	–0,0665
2022-09	7,66	7,50	0,16	–0,30	5843503	0,1813
2022-10	7,62	7,50	0,12	–0,04	5802989	–0,0070
2022-11	7,19	7,50	–0,31	–0,43	5617528	–0,0325
2022-12	7,29	7,50	–0,21	0,10	4794354	–0,1585
2023-01	7,08	7,50	–0,42	–0,21	7954843	0,5066
2023-02	7,25	7,50	–0,25	0,17	4058145	–0,6731
2023-03	7,31	7,50	–0,19	0,06	5429306	0,2911
2023-04	7,18	7,50	–0,32	–0,13	5618630	0,0343
2023-05	7,27	7,50	–0,23	0,09	5150388	–0,0870
2023-06	7,28	7,50	–0,22	0,01	5420690	0,0511
2023-07	7,74	8,50	–0,76	0,46	5963631	0,0955
2023-08	9,66	8,50	1,16	1,92	7023145	0,1637
2023-09	12,21	12,00	0,21	2,55	7067386	0,0063
2023-10	13,34	13,00	0,34	1,13	6556567	–0,0751
2023-11	14,87	15,00	–0,13	1,53	7302982	0,1078
2023-12	15,50	15,00	0,50	0,63	6224989	–0,1596
2024-01	15,62	16,00	–0,38	0,12	8577321	0,3204
2024-02	15,81	16,00	–0,19	0,19	4596928	–0,6237
2024-03	15,63	16,00	–0,37	–0,18	6027719	0,2710

Окончание табл. со с. 156

Дата	RUONIA, %	Ключевая ставка, %	Спред RUONIA к ключевой ставке, п. п.	Изменение RUONIA, п.п.	Кредиты нефинансовым организациям, млн руб.	Темп прироста кредитов НФО, лог–разность
2024-04	15,70	16,00	–0,30	0,07	8051676	0,2895
2024-05	15,87	16,00	–0,13	0,17	7461371	–0,0762
2024-06	15,72	16,00	–0,28	–0,15	7456865	–0,0006
2024-07	16,17	16,00	0,17	0,45	7028601	–0,0591
2024-08	17,48	18,00	–0,52	1,31	7803340	0,1046
2024-09	18,28	18,00	0,28	0,80	7581651	–0,0288
2024-10	18,46	19,00	–0,54	0,18	7942667	0,0465
2024-11	20,49	19,00	1,49	2,03	8805629	0,1031
2024-12	21,06	21,00	0,06	0,57	6103109	–0,3666
2025-01	20,72	21,00	–0,28	–0,34	8861635	0,3729
2025-02	20,93	21,00	–0,07	0,21	4206060	–0,7451
2025-03	21,28	21,00	0,28	0,35	5414295	0,2525
2025-04	21,20	21,00	0,20	–0,08	7021816	0,2600
2025-05	20,78	21,00	–0,22	–0,42	6770923	–0,0364
2025-06	20,09	20,00	0,09	–0,69	5451048	–0,2168
2025-07	19,39	18,00	1,39	–0,70	6933972	0,2405
2025-08	17,75	18,00	–0,25	–1,64	7572988	0,0881
2025-09	17,10	17,00	0,10	–0,65	7947951	0,0483
2025-10	16,48	16,50	–0,02	–0,62	7734324	–0,0272
2025-11	16,28	16,50	–0,22	–0,20	9548119	0,2107
2025-12	15,87	16,00	–0,13	–0,41	20845511	0,0176

Примечания: RUONIA приведена как средняя арифметическая ежедневных значений за соответствующий месяц. Ключевая ставка Банка России указана на конец месяца. Спред рассчитан как разность между среднемесячной RUONIA и ключевой ставкой на конец месяца. Изменение RUONIA представляет собой разность между среднемесячными значениями текущего и предыдущего месяца. Кредиты нефинансовым организациям приведены в миллионах рублей. Темп прироста кредитов НФО рассчитан как логарифмическая разность между текущим и предыдущим уровнями ряда. Пустые ячейки означают отсутствие сопоставимых данных для соответствующего периода. Декабрь 2025 г. по кредитам нефинансовым организациям уточнен по исходным данным. Ранее использованное значение заменено корректным, что изменило лог-разность декабря 2025 г. на 0,0176. Все остальные месяцы проверены и оставлены без изменений.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Головнин М.Ю.* Денежно-кредитная политика России: реакция на новые внешние вызовы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 7–20. [*Golovnin M.Yu*. Monetary Policy of Russia: Reaction to New External Challenges // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 1. Pp. 7–20. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_7_20.
2. *Головнин М.Ю.* Новые тенденции в развитии мировой экономики и их влияние на Россию // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248. № 4. С. 85–97. [*Golovnin M.Yu*. New Trends in the Development of the World Economy and Their Impact on Russia // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2024. Vol. 248. No. 4. Pp. 85–97. (In Russ.).] DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-85-97.
3. *Голотвин Н.Д., Серегина С.Ф.* Возможность ослабления ограничений трилеммы макроэкономической политики в современных условиях // Экономическая политика. 2025. Т. 20. № 2. С. 6–33. [*Golotvin N.D., Seregina S.F*. The Possibility of Easing the Constraints of the Macroeconomic Policy Trilemma in Modern Conditions // Economic Policy. 2025. Vol. 20. No. 2. Pp. 6–33. (In Russ.).] DOI: 10.18288/1994-5124-2025-2-6-33.
4. *Городнов А.М., Зубарев А.В.* Кривая IS и трансмиссионный механизм в условиях инфляционного таргетирования // Экономический журнал ВШЭ. 2025. Т. 29. № 2. С. 191–213. [*Gorodnov A.M., Zubarev A.V.* The IS Curve and the Transmission Mechanism under Inflation Targeting // HSE Economic Journal. 2025. Vol. 29. No. 2. Pp. 191–213. (In Russ.).]
5. *Зверева В.А.* Работа трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики: роль гетерогенности домохозяйств и пространственных эффектов // Деньги и кредит. 2025. Т. 84. № 3. С. 3–27. [*Zvereva V.A.* The Operation of the Monetary Policy Transmission Mechanism: The Role of Household Heterogeneity and Spatial Effects // Money and Credit. 2025. Vol. 84. No. 3. Pp. 3–27. (In Russ.).]
6. *Зверева В.А.* Асимметрия процентного канала денежно-кредитной политики: отраслевой и региональный аспекты // Вопросы экономики. 2026. № 4. С. 100–129. [*Zvereva V.A*. Asymmetry of the Interest Rate Channel of Monetary Policy: Sectoral and Regional Aspects // Voprosy Ekonomiki. 2026. No. 4. Pp. 100–129. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2026-4-100-129.
7. *Колесник С.И., Картаев Ф.С., Зубарев А.В.* Асимметрия денежно-кредитной политики Банка России: влияние на макроэкономические показатели // Вопросы экономики. 2025. № 10. С. 44–61. [*Kolesnik S.I., Kartaev F.S., Zubarev A.V.* Asymmetry of the Bank of Russia's Monetary Policy: Impact on Macroeconomic Indicators // Voprosy Ekonomiki. 2025. No. 10. Pp. 44–61. (In Russ.).] DOI: 10.32609/0042-8736-2025-10-44-61.
8. *Кошкин А.В.* Оценка фискальных искажений трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики в России: эмпирический анализ 2010–2024 гг. // Journal of Applied Economic Research. 2026. Т. 25. № 2. С. 545–569. *[Koshkin A.V.* Assessing Fiscal Distortions of the Monetary Policy Transmission Mechanism in Russia: An Empirical Analysis for 2010–2024 // Journal of Applied Economic Research. 2026. Vol. 25. No. 2. Pp. 545–569. (In Russ.).] DOI: 10.15826/vestnik.2026.25.2.018.
9. *Лякин А.Н.* Три кризиса по одному сценарию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. Т. 34. № 1. С. 4–25. [*Lyakin A.N.* Three Crises Following One Scenario // St. Petersburg University Journal of Economic Studies. 2018. Vol. 34. No. 1. Pp. 4–25. (In Russ.).] DOI: 10.21638/11701/spbu05.2018.101.

10. *Лякин А.Н.* Кризис 2022–…: потенциальные масштабы и ожидаемые следствия // Российский экономический журнал. 2022. № 3. С. 4–24. [*Lyakin A.N.* The Crisis of 2022–…: Potential Scale and Expected Consequences // Russian Economic Journal. 2022. No. 3. Pp. 4–24. (In Russ.).] DOI: 10.33983/0130-9757-2022-3-4-24.
11. *Могилат А.Н.* Обзор основных каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики и инструментов их анализа в Банке России // Деньги и кредит. 2017. № 9. С. 3–9. [*Mogilat A.N.* An Overview of the Main Channels of the Monetary Policy Transmission Mechanism and the Instruments of Their Analysis at the Bank of Russia // Money and Credit. 2017. No. 9. Pp. 3–9. (In Russ.).]
12. *Новоселов А.С., Фалеев А.В.* Проблемы проведения денежно-кредитной политики Банком России в шоковые периоды развития экономики // Финансы: теория и практика. 2026. Т. 30. № 6. С. 1998-2001. [*Novoselov A.S., Faleev A.V.* Problems of the Bank of Russia's Monetary Policy in Shock Periods of Economic Development // Finance: Theory and Practice. 2026. (In Russ.).] DOI: 10.26794/2587-5671-2026-30-6-1998-01.
13. *Fleming J.M.* Domestic Financial Policies under Fixed and under Floating Exchange Rates // IMF Staff Papers. 1962. Vol. 9. No. 3. Pp. 369–380.
14. *Forbes K.J., Warnock F.E.* Capital Flow Waves: Surges, Stops, Flight, and Retrenchment // Journal of International Economics. 2012. Vol. 88. No. 2. Pp. 235–251. DOI: 10.1016/j.jinteco.2012.03.006.
15. *Koshkin A.* Beyond the Trilemma: How Hybrid Exchange Rate Regimes and Segmented Capital Flows Reconfigure Monetary Autonomy in Emerging Markets // Journal of Risk and Financial Management. 2026. Vol. 19. No. 7. Article 506. DOI: 10.3390/jrfm19070506.
16. *Mundell R.A.* Capital Mobility and Stabilization Policy under Fixed and Flexible Exchange Rates // Canadian Journal of Economics and Political Science. 1963. Vol. 29. No. 4. Pp. 475–485.
17. *Obstfeld M.* Trilemmas and Trade-offs: Living with Financial Globalisation // BIS Working Papers. 2015. No. 480.
18. *Rey H.* Dilemma not Trilemma: The Global Financial Cycle and Monetary Policy Independence // Proceedings of the Economic Policy Symposium. Jackson Hole, 2013. Pp. 1–2.

Дата поступления рукописи: *20.08.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *20.10.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кошкин Андрей Вячеславович – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-9942-7722
koshkin_9300@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Koshkin – Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer, Department of Economic Theory, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-9942-7722
koshkin_9300@mail.ru

SEGMENTED CAPITAL MOBILITY AND MONETARY TRANSMISSION: RUSSIA AFTER 2022 AS A NEW CONTEXT FOR THE MUNDELL-FLEMING TRILEMMA

This paper examines how the connection between the money market rate and lending to non-financial organizations has changed after the segmentation of the external capital account in 2022. Russian monthly data for 2014–2025 are used for the analysis. The main focus is on the interest rate channel of monetary transmission. It shows that the correlation between changes in RUONIA and credit growth rate becomes negative. Regression estimates are consistent with this shift, although they do not reach standard levels of statistical significance. The analysis is complemented by the spread between RUONIA and the key rate. The paper is positioned as an exploratory empirical analysis. The results suggest that the segmentation of external capital flows may strengthen the domestic interest rate channel of monetary policy. The Russian case of 2022 is interpreted as a new context for testing the constraints implied by the Mundell–Fleming trilemma.

Keywords: *Mundell–Fleming trilemma, capital mobility, monetary transmission, interest rate channel, lending.*

JEL: E52, F32, F41.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

О.Д. ИСМАГИЛОВА
научный сотрудник Института международной экономики и финансов
Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития РФ

Н.С. МОГУЧЕВ
ведущий аналитик Института развития интеграционных процессов
Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития РФ

О.В. ПОНОМАРЕВА
научный сотрудник Центра экономических исследований
Фонда экономической политики

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ПОТЕНЦИАЛ КООПЕРАЦИИ С УЗБЕКИСТАНОМ И ИНДИЕЙ[1]

В статье исследуются возможности диверсификации цепочек создания добавленной стоимости в легкой промышленности России в условиях высокой зависимости от импортных поставок и необходимости адаптации к новым внешнеэкономическим условиям. На основе анализа данных OECD TiVA, ITC Trade Map и Export Potential Map оцениваются риски концентрации импорта и перспективы расширения кооперации с Узбекистаном и Индией. Выявлены наиболее перспективные направления производственного и инвестиционного сотрудничества, способствующие повышению устойчивости отрасли и росту внутренней добавленной стоимости. Развитие кооперации с указанными странами может снизить риски импортозависимости и создать предпосылки для расширения экспорта российской продукции с более высокой добавленной стоимостью.

Ключевые слова: *легкая промышленность, текстильная промышленность, торгово-промышленная кооперация, цепочки создания стоимости.*

УДК: 339.94, 339.56

EDN: DCRSKJ

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_5_164_186

[1] Статья подготовлена в рамках научного исследования государственного задания ВАВТ Минэкономразвития России.

Введение

Легкая[2] промышленность играет важную роль в обеспечении экономической безопасности и развитии несырьевого сектора экономики. В современных условиях значение отрасли выходит далеко за рамки производства товаров народного потребления, поскольку она формирует спрос на продукцию химической промышленности, транспортно-логистического комплекса и сферы услуг, а также обеспечивает занятость значительного числа работников. Для России развитие легкой промышленности приобретает особую актуальность в контексте достижения целей технологического суверенитета, импортозамещения и диверсификации структуры национальной экономики.

На протяжении последних десятилетий российская легкая промышленность развивалась в условиях глубокой интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. Значительная часть сырья, тканей, химических волокон, комплектующих и специализированного оборудования поставлялась из-за рубежа, что обеспечивало доступ к широкому ассортименту продукции. Вместе с тем такая модель сформировала высокий уровень импортозависимости отрасли. Несмотря на отдельные успехи в развитии отечественного производства, российская легкая промышленность по-прежнему существенно зависит от импорта сырья, промежуточной продукции и технологического оборудования.

Изменение внешнеэкономической среды после 2022 г. продемонстрировало уязвимость сложившейся модели развития. Наряду с успешной переориентацией части внешнеэкономических связей на дружественные страны сохраняется высокая концентрация отраслевого импорта на отдельных направлениях, прежде всего на китайском рынке. Подобная концентрация создает дополнительные риски для устойчивого функционирования отрасли и ограничивает возможности ее долгосрочного развития.

Актуальность рассматриваемой проблематики объясняется тем, что в настоящее время в России формируется новая стратегия развития легкой промышленности[3]. В рамках обсуждения документа на уровне федеральных органов власти среди приоритетных задач обозначаются: снижение импортозависимости, развитие отечественной сырьевой базы,

[2] В статье рассматривается сектор легкой промышленности России, включающий текстильную, швейную, кожевенную, меховую и обувную отрасли.

[3] Проект Стратегии развития легкой промышленности Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. https://minpromtorg.gov.ru/docs/docs?fileModalID=0cae51bd-e43e-4b59-b5c6-84a27fd6c897&pdfModalID=9c4eaab4-7ce3-45c5-a29b-580f54abd2eb. (дата обращения: 10.10.2026).

модернизация производственных мощностей, повышение уровня локализации производства, внедрение современных технологий и расширение присутствия российских производителей на внутреннем и внешних рынках. Особое внимание уделяется вопросам формирования устойчивых производственных цепочек, обеспечивающих доступ предприятий к необходимым ресурсам и технологиям в условиях трансформации мировой экономики. Среди приоритетных направлений – выстраивание технологической цепочки синтетических материалов – от производства полиэфирных волокон до готовых тканей[4].

Доля отечественной продукции легкой промышленности на рынке РФ достигла 45% при установленном в «Стратегии развития легкой промышленности РФ до 2035 г.» целевом показателе в 50%. Об этом рассказал министр промышленности и торговли РФ Антон Алиханов, выступая на саммите моды БРИКС+ (BRICS+ Fashion Summit) в Москве. По его словам, в обновленной версии стратегии, которая будет утверждена до конца 2026 г., этот показатель планируется увеличить минимум до 60%[5].

Россия остается крупным рынком потребления текстильной продукции, однако сохраняет свою зависимость от импорта по многим товарным позициям легкой промышленности. По оценке главы Минэкономразвития России М. Решетникова, озвученной им на парламентских слушаниях в январе 2026 г., объем российского рынка продукции легкой промышленности в 2025 г. составлял около 2,6 трлн руб., причем на импорт приходилось 60%[6]. Между тем долгосрочная конкурентоспособность отрасли предполагает не только удовлетворение внутреннего спроса, но и расширение присутствия российских компаний на зарубежных рынках. Решение данной задачи требует поиска новых моделей международного сотрудничества, позволяющих отечественным предприятиям интегрироваться в глобальные и региональные цепочки создания стоимости на более выгодных условиях.

Целью настоящей статьи является оценка возможностей диверсификации цепочек создания стоимости в российской легкой промышлен-

---

[4] РБК. 29 августа 2026. Стратегия развития легкой промышленности до 2035 г. Что изменится для производителей в области легкой промышленности и текстиля. https://companies.rbc.ru/news/cBwQdaCpSn/strategiya-razvitiya-legkoj-promyishlennosti-do-2035-goda/?ysclid=muonqwn69h78692818&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.10.2026).

[5] Доля отечественной продукции легкой промышленности на рынке РФ достигла 45%. https://www.retail.ru/news/dolya-otechestvennoy-produktsii-legkoy-promyshlennosti-na-rynke-rf-dostigla-45-29-sentyabrya-2026-282736/?ysclid=muoo9ltwy3802642704 (дата обращения: 10.10.2026).

[6] Согласно выступлению М. Решетникова на парламентских слушаниях 29 января 2026 г. https://www.rgtr.ru/press-tsentr/3223?utm_source (дата обращения: 10.10.2026).

ности на основе развития торгово-производственного сотрудничества с внешними партнерами. Особое внимание уделяется анализу импортозависимости отрасли, выявлению перспективных направлений кооперации и определению механизмов взаимодействия, способных одновременно повысить устойчивость производственных цепочек, способствовать достижению целей формируемой государственной стратегии развития легкой промышленности и создать предпосылки для расширения экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью.

Обзор исследований

В современной научной литературе развитие легкой промышленности России рассматривается как один из важных элементов обеспечения технологического суверенитета и экономической безопасности страны. В последние годы в научных исследованиях, посвященных легкой промышленности в РФ, заметно смещение от общего описания состояния отрасли к более прикладным вопросам: технологической модернизации, развитию цифровизации, снижению зависимости от импортных поставок промежуточных товаров и развитию кооперационных производств с дружественными странами. Исследователи фокусируются на адаптации отрасли к условиям санкционного давления и структурной трансформации рынка, а также анализируют возможности для развития кооперационного сотрудничества и повышения добавленной стоимости продукции. Отдельное внимание уделяется внедрению цифровых платформ, автоматизации производства, использованию техники более высокого уровня современных технологий для снижения издержек. Несмотря на наличие большого количества проблем и сдерживающих факторов, в последние годы авторы работ отмечают некоторые позитивные тренды в отрасли, связанные с ростом производства текстильной продукции в стране и повышением интереса к продукции российских брендов.

Так, Ю. Попов в своей статье 2023 г. анализирует ключевые тенденции и перспективы развития отраслей российской легкой промышленности [6]. В рамках работы отмечается, что объем производства продукции легкой промышленности в России недостаточен для удовлетворения внутренних потребностей страны, что привело к высокой зависимости от поставок импортной продукции. Автор считает важным произвести обновление государственных и отраслевых стандартов и технических регламентов. Кроме того, отмечается необходимость более активного участия государства в поддержке российских производителей: при расчете субсидий и предоставлении льгот следует обращать внимание на весь производственный процесс. В свою очередь А. Данилин и др. в более поздней статье отмечают, что помимо

системных проблем, сдерживающих развитие легкой промышленности, существенное влияние на развитие отрасли оказали антироссийские санкции, последствия которых являются неоднозначными [2]. В частности, авторы приходят к выводу, что роста себестоимости продукции этой отрасли избежать не удалось, хотя российские производители и адаптировались к сокращению поставок фурнитуры для одежды и повышению цен на материалы и сырье, вызванных санкциями. Ю. Миндлин в статье 2024 г. отмечает, что решение вопросов структурной модернизации легкой промышленности предусматривает усиление институциональной способности государства в плане разработки и реализации мероприятий по защите отечественного производителя, борьбе с контрафактной и контрабандной продукцией, по использованию субсидий, лизинговых схем, инвестиционных фондов и развитию государственно-частного партнерства [5].

Т. Воронина и Г. Ишкеева в своей статье 2018 г., посвященной состоянию легкой промышленности в странах ЕАЭС, анализируют текстильную и легкую промышленность стран ЕАЭС через призму глобальных и региональных цепочек добавленной стоимости, делая вывод о том, что страны Союза могут укрепить свои позиции на мировых рынках за счет промышленной кооперации, специализации по стадиям производства и более тесной взаимной интеграции [1]. В частности, отмечается, что текстильная отрасль в России остается уязвимой из-за высокой зависимости от импорта и необходимости модернизации производств, но одновременно обладает потенциалом для развития кооперации внутри ЕАЭС и СНГ. Авторы предлагают кооперационную схему, при которой Россия и Беларусь участвуют в сырьевых и промежуточных стадиях, а Кыргызстан и Армения – в пошиве и выпуске готовой одежды. Г. Федотова в статье 2025 г. отмечает, что значительное снижение объемов экспорта одежды из России с 2022 г. в некоторой степени компенсируется за счет функционирования интеграционного объединения ЕАЭС [7].

И. Долженко в публикации 2024 г., анализирующей тенденции и перспективы развития мирового рынка одежды, сформулировал предложения по увеличению экспортного потенциала российской продукции легкой промышленности [3]. Он приходит к выводу, что развитие экспорта текстильной продукции из России вполне возможно, но компании, помимо жесткой конкуренции на внешних рынках, сталкиваются с проблемами, связанными с модернизацией, инновациями и устойчивостью. В условиях санкций поставки сырья и оборудования для легкой промышленности сокращаются, и это при том, что оборудование, запчасти и комплектующие – импортные, в том числе поставляемые производителями из недружественных стран. Вместе с тем увеличение экспорта одежды из Российской

Федерации – это долгосрочная задача, требующая сочетания качества, знания рынка и активного цифрового маркетинга вместе с эффективной логистикой. По мнению автора, для развития экспорта российские компании должны направить основные усилия на максимальное использование в своей деятельности цифровых инноваций и новых технологий. Кроме того, И. Долженко считает, что требуется значительный рост инвестиций в отрасль и создание крупных национальных производителей с использованием возможностей взаимодействия с дружественными странами в рамках цепочек создания добавленной стоимости. С. Кузьменко в статье 2025 г. отмечает нерентабельность большинства российских текстильных предприятий при существующей на сегодняшний день мировой рыночной цене сырья, поэтому для выхода на внешние рынки он считает необходимым повышать уровень инвестиций в развитие собственных, отвечающих современному уровню технологий прядильных мощностей, их синхронизации с соответствующими проектами по волокну и ориентацией на новые и современные виды сырья: полиэфирные волокна, вискоза и лиоцелл, лубяные волокна и котонин [4].

Особое внимание хотелось бы уделить работам, которые рассматривают проблемы построения цепочек добавленной стоимости в странах, обладающих перспективами наладить кооперацию с Россией в сфере легкой промышленности. Так, К. Хурана и З. Атаниязова в своей работе 2020 г., посвященной перспективам встраивания Узбекистана в глобальные производственные цепочки в сфере легкой промышленности, отмечали, что узбекские компании обладают очень ограниченными техническими знаниями в области управления цепочками поставок и, следовательно, не могут повысить изначальную ценность сырья [9]. В свою очередь, в исследовании Н. Икрамовой 2025 г. предлагается многомерная, адаптированная к переходной экономике Узбекистана модель, которая сочетает в себе технологическую модернизацию, кластерное развитие, устойчивость, повышение качества человеческого капитала и диверсификацию экспорта [11]. В работе отмечается, что эффективная реализация этой модели позволит Узбекистану занять более престижное место в глобальной цепочке создания добавленной стоимости в текстильной промышленности, укрепить свою конкурентоспособность, привлечь иностранные инвестиции и достичь более широких социально-экономических целей, включая устойчивое развитие, создание рабочих мест и глобальную экономическую интеграцию.

В отличие от Узбекистана и многих азиатских стран Индия уже занимает особое, достаточно высокое и уникальное положение в глобальных цепочках создания стоимости в текстильной промышленности. Научная работа Н. Гупты 2015 г., а также работа группы авто-

ров 2019 г. во главе с М. Кабиром показывают, что Индия располагает практически полной производственной цепочкой – от выращивания хлопка и производства волокон до выпуска готовой одежды [10; 12]. Однако значительная часть добавленной стоимости по-прежнему формируется на ранних стадиях цепочки, тогда как сегменты с более высокой добавленной стоимостью (брендинг, дизайн, контрактное производство готовой одежды) остаются менее развитыми. Именно поэтому государственная промышленная политика Индии в настоящее время направлена на переход к более высокотехнологичным звеньям в цепочке добавленной стоимости и на расширение экспорта готовой текстильной продукции.

В представленных работах анализируется широкий круг вопросов, посвященных особенностям внутреннего рынка России, внешнеторговым и инвестиционным связям с партнерами. Кроме того, рассматриваются и возможности создания цепочек добавленной стоимости в странах, являющихся важными торговыми партнерами России. С учетом перестройки внешнеэкономических связей России в последние годы важным дополнением к уже существующей базе современных исследований будет анализ импорта, в том числе в контексте создания добавленной стоимости, его динамики и структурных изменений, формирование выводов относительно концентрации и возможностей диверсификации импорта с целью обеспечения устойчивости и развития производственных цепочек. Кроме того, с учетом обсуждаемых на стратегическом уровне задач по наращиванию экспорта, важно обсудить возможности кооперации на внешних рынках для поддержки отечественных производителей в цепочках создания стоимости.

Таким образом, научная новизна данной статьи заключается в выявлении структурных ограничений и обосновании конкретных направлений диверсификации цепочек создания стоимости в российской легкой промышленности на основе комплексного анализа торговли добавленной стоимостью, товарной структуры импорта и нереализованного экспортного потенциала основных торговых партнеров. В дополнение к рассмотренным исследованиям, раскрывающим проблемы импортозависимости и общие возможности международной кооперации, данная работа стремится показать, что относительная устойчивость снабжения российской отрасли легкой промышленности сочетается с усилением концентрации на китайском направлении, в том числе за счет сокращения долей альтернативных поставщиков. Более того, в статье конкретизируются товарные сегменты и производственные стадии, на которых расширение сотрудничества с Индией и Узбекистаном может снизить риски концентрации поставок и создать предпосылки для увеличения добавленной стоимости, формируемой российскими компаниями.

Данные и методология

В основе эмпирического анализа лежит сочетание трех типов данных: показателей торговли добавленной стоимостью (из базы данных ОЭСР TiVA), внешнеторговой статистики и данных нереализованного экспортного потенциала Международного торгового центра. Данные TiVA ОЭСР за 2019–2022 гг. позволяют оценить долю иностранной добавленной стоимости, которая используется в российской легкой промышленности для производства товаров как для внутреннего рынка, так и на экспорт.

Для анализа более позднего периода (2023–2025 гг.), по которому данные TiVA пока отсутствуют, используется стандартная внешнеторговая статистика в разрезе категорий потребления: промежуточные, инвестиционные и потребительские товары. Выделение категорий потребления производится на основе классификации BEC (Broad Economic Categories). Для целей анализа рассматриваются товары промежуточного потребления по группам ТН ВЭД, которые относятся к текстильной и обувной промышленности (группы 50–67), а также инвестиционные товары (отдельные позиции оборудования из группы 84, используемых в рассматриваемых отраслях)[7],[8]. Дополнительно применяется зеркальная статистика стран-партнеров (в первую очередь Китая, Индии, Узбекистана) для более точной оценки количественных показателей торговли в условиях ограниченного доступа к данным внешней торговли России.

Оценка потенциала диверсификации импорта и торговых стимулов к кооперации проводится на основе базы ITC Export Potential Map, которая содержит данные по нереализованному экспортному потенциалу (НЭП)[9] стран-поставщиков с учетом торговых барьеров, логистических и конкурентных факторов.

Такой комбинированный методологический подход обеспечивает как количественную оценку сложившихся цепочек поставок, так и обоснованный выбор приоритетных направлений для их диверсификации. Помимо использования указанных выше баз данных для струк-

---

[7] Классификация BEC и таблицы соответствия с классификацией Гармонизированной системы описания и кодирования товаров: 5th revision of the Classification by Broad Economic Categories (BEC). https://unstats.un.org/unsd/trade/classifications/bec.asp#5threv (дата обращения: 05.05.2026).

[8] В частности, по инвестиционным товарам в выборку для анализа включены отдельные субпозиции товарных позиций 8444-8453.

[9] Показатель отражает дополнительный объем экспорта, который потенциально может быть реализован при существующих экономических условиях, с учетом экспортных возможностей страны-поставщика, спроса на рынке импортера и условий двусторонней торговли.

турированного статистического анализа, авторы применяют методы качественного экспертного анализа на основе специализированной информации по рассматриваемой отрасли и экономикам включенных в исследование стран.

Анализ импортозависимости легкой промышленности России

Анализ данных по торговле добавленной стоимостью из базы ОЭСР (OECD TiVA) демонстрирует структурную трансформацию российской текстильной отрасли, происходящую под влиянием санкционного давления последних лет. До введения масштабных ограничений уровень зависимости от иностранных поставок продукции неконечного потребления, которая используется компаниями на российском рынке в производственных целях, был достаточно высоким. Более 70% приходилось на зарубежную добавленную стоимость, что было сопоставимо с показателями отраслей производства электроники и компьютеров (65%), электрооборудования (67%), прочих машин и оборудования (71%)[10]. Однако важно отметить, что основная доля этого импорта приходилась на государства, сохранившие статус дружественных или нейтральных по отношению к России в условиях действующего санкционного режима (более 60% общего показателя), в отличие от упомянутых выше производств различной техники и оборудования, где аналогичный показатель составлял 30% и менее[11]. Таким образом, значительной переориентации цепочек поставок не требовалось в условиях новых ограничений.

В 2022 г. наблюдалось закономерное сокращение объемов иностранной добавленной стоимости, используемой при производстве текстильных изделий и обуви как для внутреннего рынка, так и в рамках производств, ориентированных на экспорт (см. рис. 1). Тем не менее, несмотря на турбулентность внешней среды и перестройку логистических маршрутов, как минимум по итогам 2022 г. абсолютный показатель потребления зарубежной промежуточной продукции (9,5 млрд долл.) не опустился ниже значений, зафиксированных в 2019 г. (8,9 млрд долл.), что свидетельствует об относительной устойчивости цепочек поставок[12].

Страновая структура использования импортной добавленной стоимости в отрасли позволяет четко определить доминирование Китая

[10] Расчеты авторов по данным базы OECD TiVA. https://data-explorer.oecd.org/?pg=0&bp=true&snb=12&tm=TIVA (дата обращения: 05.05.2026).

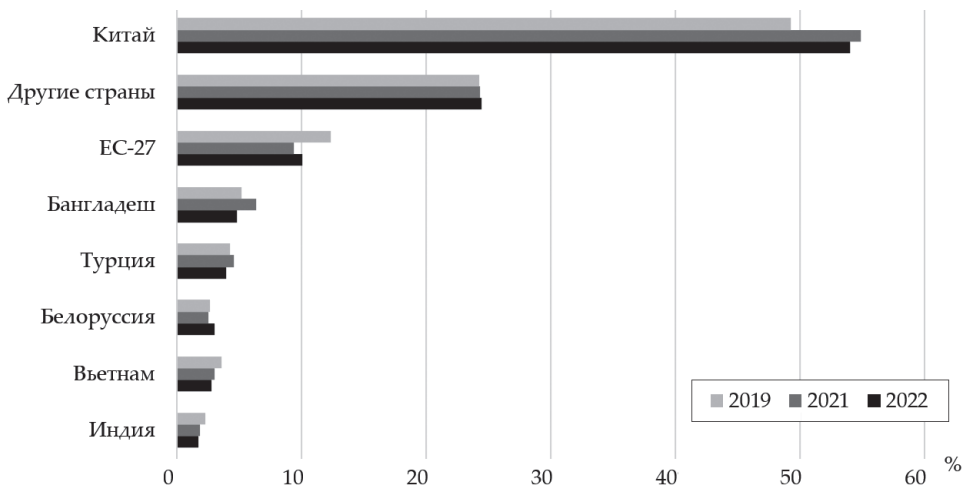
[11] Там же.

[12] Там же.

Примечание. 2021–2022 гг. – последние доступные периоды в базе данных TiVA на дату обращения (май 2026 г.), позволяют оценить объемы иностранной добавленной стоимости, поступившей в российские отрасли промышленности, до введения санкций и после введения ключевых ограничений в отношении импорта в Россию. 2019 г. взят как дополнительный период, иллюстрирующий ситуацию до масштабных шоков пандемии коронавируса и санкционных ограничений в отношении России, оказавших существенное влияние на цепочки поставок.

Рассчитано по: данные базы OECD TiVA. https://data-explorer.oecd.org/?pg=0&bp=true&snb=12&tm=TIVA (дата обращения: 05.05.2026).

Рис. 1. Показатели иностранной добавленной стоимости в легкой промышленности России, в 2019, 2021 и 2022 г., %



Рассчитано по: данные базы OECD TiVA. https://data-explorer.oecd.org/?pg=0&bp=true&snb=12&tm=TIVA (дата обращения: 05.05.2026).

Рис. 2. Ключевые поставщики иностранной добавленной стоимости в легкой промышленности России (для целей внутреннего потребления), %

на российском рынке (см. рис. 2). При этом можно говорить о вытеснении Китаем альтернативных поставщиков не только из недружественных стран (страны ЕС), но и отдельных нейтральных партнеров (Индия, Вьетнам, Турция, Бангладеш), о чем свидетельствует сниже-

ние их удельного веса. Тенденция к увеличению концентрации на китайском направлении усугубляет импортозависимость российской отрасли от одной страны, несмотря на общий снижающийся тренд и процессы импортозамещения.

Для подтверждения описанных тенденций и с целью рассмотрения ситуации в период 2023–2024 гг., по которым нет доступных данных по торговле добавленной стоимостью, рассмотрим данные внешнеторговой статистики, а именно по импорту легкой промышленности в Россию, а также специализированного оборудования, в разрезе категорий потребления.

Согласно данным Международного торгового центра, основными поставщиками промежуточных товаров для легкой промышленности России в 2024 г. были Китай (53%), Узбекистан (8,2%), Италия (5,9%), Вьетнам (4,5%), Турция (4,5%). При этом импорт оборудования был сконцентрирован на Китае (42%), Турции (16%), Киргизии (14,4%), Индии (4,5%), Словении (3,5%). Таким образом, в целом наблюдается корреляция с данными по структуре импорта добавленной стоимости 2019-2022 гг., а также подтверждается в целом стабильность этой структуры в период 2019-2024 гг. и неизменное доминирование Китая в импорте[13].

В 2025 г. экспорт товаров легкой промышленности (группы 50–67) ТНВЭД в Россию составил 9,3 млрд долл., что почти на 30% больше показателя 2021 г. (7,2 млрд долл.). При этом если в 2021 г. 70% китайского экспорта было представлено готовой продукцией (промежуточные товары – оставшиеся 30%), то в 2025 г. соотношение поменялось на 75% против 25%. Среди ключевых товарных групп, на которые приходится 81,5% промежуточного импорта из Китая в Россию, можно выделить химические нити (54 группа ТНВЭД), текстильные материалы, пропитанные, с покрытием или дублированные (59), химические волокна (55), трикотажные полотна машинного и ручного вязания (60). Поставки машин и оборудования, а также их частей из Китая в Россию в 2021–2025 гг. увеличились на 60% (с 130 млн долл. до 209 млн долл.)[14]. Среди основных позиций импорта: автоматические швейные машины, оборудование для производства и отделки войлока, фетра или других нетканых материалов, машины для наматывания, разматывания, складывания, прокалывания текстильных материалов, ткацкие станки и их части. В целом, ведущие позиции поставок из Китая

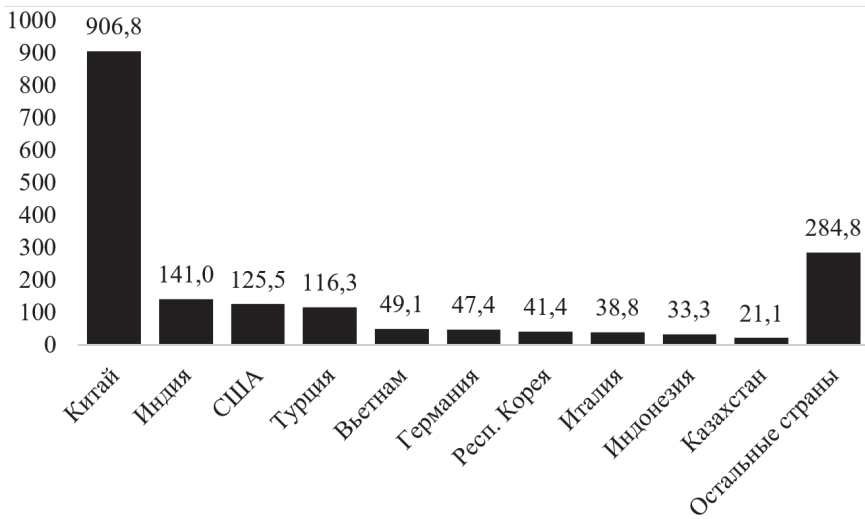
[13] Расчеты авторов по данным ITC Trade Map. https://www.trademap.org/en/goods/timeseries/exports/c/000/c/000/p/ALL/byCountry/year/default/direct/values/USD/table (дата обращения: 01.06.2026).

[14] Расчеты авторов по данным Главного таможенного управления Китая. http://stats.customs.gov.cn/indexEn (дата обращения: 01.06.2026).

составляют ключевые позиции общего импорта товаров легкой промышленности.

Особую значимость в новых условиях приобретает диверсификация цепочек поставок, в том числе в рамках развития кооперационных связей с внешними партнерами. Необходимо определить, какие страны могут стать источниками такой диверсификации, а также с кем можно выстраивать взаимовыгодные форматы производственной, логистической, дистрибьютерской кооперации.

Анализ данных Международного торгового центра по экспортному потенциалу свидетельствует о том, что кроме Китая наиболее значительный потенциал увеличения поставок товаров неконечного потребления на российский рынок есть у Индии и Турции (США не рассматриваем, как недружественную страну) (см. рис. 3).



Рассчитано по: данные ITC Export Potential Map. https://exportpotential.intracen.org/en/ (дата обращения: 16.05.2026).

Рис. 3. Страны – поставщики промежуточных и инвестиционных товаров для отраслей легкой промышленности с наибольшими показателями НЭП в Россию в 2025 г. (млн долл.)

Реализации данного потенциала препятствует ряд факторов, среди которых в современных условиях стоит отметить проблемы с трансграничными расчетами, логистические ограничения, сложные условия конкуренции с китайскими поставщиками. С учетом проведенного анализа торговли добавленной стоимостью, традиционной внешнеторговой статистики и данных по экспортному потенциалу целесообразно более детально рассмотреть, как минимум две страны – Индию (как страну с наибольшим после Китая нереализованным экспортным потенциалом по номенклатуре рассматриваемой отрасли)

и Узбекистан (как второго после Китая поставщика промежуточных товаров на текущий момент). Помимо того, что Узбекистан уже является одним из ключевых поставщиков сырья и промежуточной продукции для легкой промышленности на российский рынок, а Индия обладает наибольшим в этом сегменте потенциалом расширения поставок после Китая, важную роль играют и другие факторы.

Узбекистан и Россия планомерно укрепляют внешнеэкономическое и, в частности, торговое сотрудничество. Страны поставили цель – к 2030 г. увеличить объем взаимной торговли до 30 млрд долл. Текстильная продукция при этом является одной из ключевых статей. По данным ITC, за период 2021–2024 гг. импорт из Узбекистана в Россию вырос на 55%, поставки товаров неконечного потребления выросли на 27% (более чем в 2 раза увеличился импорт трикотажных тканей и пряжи). Среди позитивных факторов, способствующих дальнейшему укреплению сотрудничества Узбекистана и России в легкой промышленности, следует отметить: специализацию Узбекистана и фокус его промышленного развития на текстильной промышленности; наличие зоны свободной торговли в рамках СНГ; появление кооперации бизнес-структур двух стран в других отраслях[15]; возможность расширения трансграничных расчетов в национальных валютах (сейчас показатель уже достигает 75%[16]).

Индия является для российских производителей менее знакомым и более сложным рынком. Однако преимущества развития отраслевых связей с Индией формируются в связи с наличием стабильной сырьевой базы и с более низкой себестоимостью индийской текстильной продукции по сравнению с китайской, широким ассортиментом продукции, программами государственной поддержки отрасли в области экспорта и иностранных инвестиций[17]. Сотрудничеству России и Индии в текстильной промышленности уделяется особое внимание со стороны профильных ведомств обеих стран, при этом акцент делается на производственной кооперации и поставках оборудования[18].

---

[15] Например, в сфере АПК, проекты логистического комплекса в Джизакской области, кластерное взаимодействие между Узбекистаном и Башкортостаном в области производства сельскохозяйственной техники. См. подробнее: https://agroexpert.press/tehnika/bashkortostan-i-uzbekistan-sozdadut-klaster-proizvoditelej-selhoztehniki/ (дата обращения: 16.05.2026).

[16] Россия и Узбекистан достигли расчетов в национальных валютах на уровне 75%. https://ria.ru/20251203/vitse-premer-2059463507.html (дата обращения: 16.05.2026).

[17] Как развивается легкая промышленность в Индии. https://sber.bank.in/ru/media/publications/kak-razvivaetsya-lyogkaya-promishlennost-v-indii (дата обращения: 16.05.2026).

[18] Россия и Индия договорились укреплять сотрудничество в текстильной отрасли, https://tvbrics.com/news/rossiya-i-indiya-dogovorilis-ukreplyat-sotrudnichestvo-v-tekstilnoy-otrasli/ (дата обращения: 16.05.2026).

Перспективы развития торговли и кооперации с Узбекистаном

Узбекистан имеет давние традиции выращивания хлопка и исторически входит в первую десятку мировых производителей «белого золота». По данным ФАО[19] на 2024 г., страна занимает шестое место в списке ведущих производителей хлопка-сырца – валовой сбор составил около 2,9 млн т. Согласно данным анализа трансформации хлопкового сектора Узбекистана, за 2021–2025 гг. средняя по стране урожайность выросла на 40%, общий объем производства – на 19%, при этом посевные площади сократились на 15% [8]. К 2026 г. поставлена цель[20] увеличить производство сырца до 4,5 млн т. Реализуется стратегия цифровизации отрасли и ее переориентация от экспорта сырья (хлопка) к его глубокой переработке и созданию продукции с более высокой добавленной стоимостью. В государственной программе «Узбекистан – 2030» закреплена стратегия развития легкой промышленности Узбекистана, направленная на превращение страны в региональный текстильный хаб.

По данным ассоциации «Узтекстильпром», в Узбекистане действует 96 крупных хлопково-текстильных кластеров, которые охватывают полный цикл производства – от выращивания хлопка до его глубокой переработки и пошива готовой продукции. Масштабная кластерная система объединяет сотни предприятий, на которые приходится бо́льшая часть урожая хлопка в стране, – суммарная площадь их хлопковых полей – 907 783 га.

Налажено партнерство с более чем 80 международными брендами, международное сотрудничество в той или иной степени охватывает всю страну[21]. К примеру, компания Uztex Group в Хорезмской области производит продукцию для фирм LC WAIKIKI, Terranova, Gloria Jeans и Auchan. «Глобал текстиль» из Ферганской области выпускает трикотажную продукцию для французской сети Kiabi, а кластер Navbahor textile в Навоийской области сотрудничает с французским брендом GEMO.

Последнее десятилетие характеризуется качественной трансформацией отрасли. За период 2017–2025 гг. объем переработки хлопко-

[19] FAOSTAT: Countries by commodity. https://www.fao.org/faostat/en/#rankings/countries_by_commodity (дата обращения: 16.05.2026).

[20] Представлены планы по развитию химической промышленности. https://president.uz/ru/lists/view/8732 (дата обращения: 16.05.2026).

[21] Текстильная революция в Узбекистане: как страна становится новым производственным центром для мировых брендов. https://gov.uz/ru/miit/news/view/80910 (дата обращения: 16.05.2026).

вого волокна в Узбекистане вырос с 40 до 100%, а экспортная выручка от продажи текстильной продукции – в 1,4 раза (с 1,9 млрд долл. до 2,6 млрд долл.)[22]. За 15 лет производство текстильных изделий выросло в стоимостном выражении в 18 раз (с 5 трлн сум в 2010 г. до 90 трлн сум в 2024 г.), одежды и кожаных изделий – более чем в 50 раз (с 576 млрд сум и 80 млрд сум до 32 трлн сум и 4 трлн сум соответственно).

По итогам 2025 г. на продукцию текстильной промышленности пришлось около 8% общего объема экспорта страны[23]. Произошел заметный сдвиг в структуре экспорта: если в 2019 г. на хлопчатобумажную пряжу приходилось 57% экспорта текстильной продукции Узбекистана, то в 2025 г. – уже лишь 27%, в то время как доля готовых трикотажных и швейных изделий выросла с 22% в 2019 г. до 54% в 2025 г. В соответствии с указом президента страны Шавката Мирзиёева, к 2027 г. поставлена цель по увеличению экспорта текстильной и швейно-трикотажной продукции Узбекистана до 7 млрд долл.

Российский рынок остается крупнейшим направлением экспорта продукции легкой промышленности Узбекистана. Это обусловлено исторически сложившимися торгово-экономическими связями, близостью рынков и относительно низкими логистическими издержками, действием режима свободной торговли и высоким спросом на узбекскую текстильную продукцию в России.

После 2022 г. значение российского рынка для узбекских производителей дополнительно выросло из-за ухода части западных брендов из России, роста спроса на поставки из стран СНГ и Азии, увеличения расчетов в национальных валютах и упрощения логистики. Согласно данным ITC Trade Map и официальной статистики, экспорт продукции легкой промышленности Узбекистана в Россию вырос с 966 млн долл. США в 2021 г. до более чем 1,6 млрд долл. в 2025 г. (прирост за указанный период составил 66%). Кроме того, наблюдался значительный рост концентрации поставок на российском направлении – если в 2021 г. на РФ приходилось около 30% в экспорте товарной группы (коды 41–43, 50–67), то в 2025 г. – уже 58% экспорта.

Изменение структуры поставок текстильной продукции из Узбекистана в Россию соответствует общей тенденции, наблюдаемой в отрасли. Если раньше российские фабрики в большей степени были ориентированы на покупку в Узбекистане промежуточных товаров – например, пряжи, не расфасованной для розничной продажи, с целью

[22] Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. https://stat.uz/ru/. (дата обращения: 16.05.2026).

[23] Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (за январь – декабрь 2025 г). https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/66412-vneshnetorgovyj-oborot-respubliki-uzbekistan-za-yanvar-dekabr-2025-g (дата обращения: 16.05.2026).

ее использования для пошива одежды на российских фабриках, то в последние годы растет как объем продаваемой готовой одежды из Узбекистана, так и ее доля в общем экспорте текстильной продукции, поставляемой на российский рынок. Доля хлопчатобумажной пряжи с содержанием хлопка от 85% товарных категорий 520512, 520513, 520523 снизилась с 25% в 2021 г. до 16% в 2025 г. в экспорте товарных групп 50–67, при этом доля трикотажных маек и фуфаек товарной категории 610910 выросла с 11 до 17% (в стоимостном объеме со 110 млн долл. до 260 млн долл.), хлопчатобумажного белья (630260) – с 4 до 7% (с 43 млн долл. до 101 млн долл.)[24].

Расширение кооперации между компаниями легкой промышленности РФ и Узбекистана в последние годы стало одним из ключевых направлений двустороннего промышленного сотрудничества. Основной акцент делается на создании совместных производств, углублении производственной интеграции и переходе от простой торговли к промышленной кооперации. Многие российские компании[25] активно используют мощности узбекистанских фабрик для выпуска своей продукции и переносят свои заказы из Китая, Бангладеш и Турции. Среди предприятий, участвующих в совместных инвестиционных проектах, направленных на создание новых производственных мощностей, – например, «Асадбек Гласс Файбер» (предприятие по производству текстильного стекловолокна в Узбекистане с использованием российского сырья и оборудования), «Навбахор текстиль» (создание текстильного производства в г. Иваново), Runamtex (фабрики по производству домашнего текстиля в Узбекистане).

Российские компании активно локализуют производство на территории Узбекистана, используя льготы и преференции технопарков «Чирчик» и «Джизак». Так, например, резидентом химико-индустриального технопарка «Чирчик» является производственный комплекс компании «Kmita Polymers», созданной на базе российского предприятия «Полимер». Компания производит гибкие упаковочные материалы, которые могут использоваться и для упаковки продукции легкой промышленности.

Таким образом, Узбекистан остается ключевым стратегическим партнером для российской легкой промышленности. На фоне роста интеграции в международные цепочки поставок Узбекистан представляет собой быстрый и беспошлинный (в рамках СНГ) канал контрактного производства, а также стабильный источник качественной

[24] UN Comtrade Database. https://comtrade.un.org (дата обращения: 16.05.2026).

[25] Например, Melon Fashion Group (владеет брендами Zarina, Befree, Love Republic, Sela и Idol), Zolla, Gloria Jeans, Familia, Concept Club, Спортмастер (владеет брендами O'stin и Funday), Wildberries.

пряжи и суровья для высокотехнологичных российских производств. Наиболее перспективным представляется создание совместных российско-узбекских предприятий с выгодным для обеих стран разделением труда (например, дизайн в России, производство готовых изделий в Узбекистане).

Перспективы развития торговли и кооперации с Индией

Объем производства текстильной и швейной отрасли Индии в 2025 г. превысил 220 млрд долл. США. Страна занимает 2-е место в мире по объему производства и обеспечивает около 5% мирового экспорта текстиля и одежды[26].

Данные TiVA ОЭСР показывают, что индийская текстильно-швейная и кожевенно-обувная промышленность отличается экспортной ориентацией: восходящие связи (forward participation – использование добавленной стоимости страны в производстве товаров на рынках стран-партнеров) превалируют над нисходящими (backward participation – использование иностранной добавленной стоимости в производстве продукции для удовлетворения внутреннего конечного спроса и производства товаров на экспорт). В 2022 г. объем индийской внутренней добавленной стоимости отрасли, использованной в производстве на внешних рынках, составил 13,9 млрд долл. При этом иностранная добавленная стоимость, использованная с целью конечного потребления в Индии, составила 5,2 млрд долл.[27]

Связь Индии с российским рынком в контексте производства добавленной стоимости пока остается ограниченной. В 2022 г. российская добавленная стоимость рассматриваемой отрасли, используемая в производстве товаров для внутреннего рынка Индии, составляла 162,2 млн долл., что ниже уровня 2019 г. (199,2 млн долл.) и 2021 г. (200,3 млн долл.). Обратный поток существенно меньше: добавленная стоимость индийской отрасли для целей конечного потребления на российском рынке в 2022 г. составляла 19,7 млн долл. против 15,3 млн долл. в 2019 г. В абсолютных показателях значения существенно различаются, но относительно общих объемов иностранной добавленной стоимости, используемой в производственных процессах отрасли, уровень примерно одинаковый: на Россию в 2022 г. приходилось 1,7%

[26] Сбербанк Индия. Контрактное производство текстиля в Индии: возможности для России. 4 февраля 2026 г. https://sber.bank.in/ru/media/publications/kontraktnoe-proizvodstvo-tekstilya-v-indii-vozmozhnosti-dlya-rossii (дата обращения: 16.05.2026); Сбербанк Индия. Как развивается легкая промышленность в Индии. 5 ноября 2025 г. https://sber.bank.in/ru/media/publications/kak-razvivaetsya-lyogkaya-promishlennost-v-indii. (дата обращения: 16.05.2026).

[27] Расчеты авторов по данным OECD TiVA 2025.

в случае Индии, на Индию – 1,1% на российском рынке. Таким образом, страны в целом слабо ориентированы на взаимную производственную кооперацию на сегодняшний день.

Традиционная торговая статистика указывает на то, что основу торговли все же составляет промежуточная продукция. Экспорт Индии в Россию по группам 50–67 ТН ВЭД в 2025 г. составил 156,7 млн долл. против 170,6 млн долл. в 2021 г[28]. Несмотря на снижение стоимостного объема, структура поставок важна для целей диверсификации: 86,2 млн долл., или 55% экспорта, приходилось на промежуточные товары, 68 млн долл. – на готовую продукцию, 2,6 млн долл. – на инвестиционные товары. Российские поставки в Индию по тем же группам были несопоставимо меньше – 2,2 млн долл. в 2025 г. (в 2021 г. – 13,8 млн долл.), из которых 2,0 млн долл. составляли промежуточные товары.

Крупнейшей позицией индийского экспорта в Россию в 2025 г. был верх обуви и его части (код ТНВЭД 640610) – 38,0 млн долл., или 24,2% поставок по группам ТНВЭД 50–67 (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные позиции индийского экспорта в Россию в 2025 г.

Код ТНВЭД	Товар	Млн долл.	Доля, %
640610	Верх обуви и его части	38,0	24,2
550410	Вискозные штапельные волокна	13,9	8,9
540233	Текстурированные полиэфирные нити	11,0	7,0
610910	Хлопковые трикотажные футболки	10,1	6,4
591190	Технические текстильные материалы	2,3	1,4

Источник: ITC Trade Map. https://www.trademap.org/en (дата обращения: 16.05.2026).

Отдельного внимания заслуживает оборудование для текстильной отрасли. Экспорт Индии в Россию по позициям ТН ВЭД 8444–8453 увеличился с 7,2 млн долл. в 2021 г. до 7,8 млн долл. в 2025 г.; 6,1 млн долл. приходилось на готовое оборудование, а 1,7 млн долл. – на части и комплектующие. Наиболее значимыми позициями были оборудование для производства и отделки текстильных материалов (код 845180) – 1,9 млн долл. и челночные ткацкие станки (код 844629) – 1,5 млн долл. Хотя абсолютные объемы пока невелики, данное направление важно для технологической диверсификации.

[28] Здесь и далее статистика торговли по данным Международного торгового центра (ITC Trade Map). https://www.trademap.org/en (дата обращения: 16.05.2026).

Потенциал расширения торговли значительно выше текущих объемов. По данным ITC Export Potential Map, НЭП Индии по промежуточным и инвестиционным товарам для российской легкой промышленности оценивается в 141 млн долл. Это второй показатель после Китая (906,8 млн долл.) и выше значений Турции (116,3 млн долл.), Вьетнама (49,1 млн долл.), Германии (47,4 млн долл.) и Республики Корея (41,4 млн долл.). Тем самым Индия выступает одним из ключевых потенциальных источников диверсификации, а не периферийным поставщиком. Только 30% этого потенциала приходится на готовые текстильные изделия (44 млн долл.), среди промежуточного импорта ведущие позиции занимают: хлопок, хлопчатобумажная пряжа и ткани группы 52 (21,4 млн долл.), химические волокна группы 55 (17,5 млн долл.), химические нити и ткани из них группы 54 (16,0 млн долл.), текстильные материалы с пропиткой, покрытием или дублированием группы 59 (14,5 млн долл.) и нетканые материалы группы 56 (11,4 млн долл.).

На основе сопоставления TiVA, торговли и НЭП можно выделить как минимум два перспективных сегмента кооперации. Первый – обувные комплектующие и полуфабрикаты. Уже сейчас верх обуви и его части являются крупнейшей позицией индийского экспорта в Россию, что создает базу для расширения поставок, совместной разработки моделей, контрактного производства и последующей финальной сборки или брендирования в России.

Второй сегмент – химические волокна, нити и технический текстиль. Рост поставок позиции 591190 (в 6 раз в 2021–2025 гг.) и наличие НЭП по группе 59 показывают, что индийские производители могут стать источником материалов для промышленного применения. Здесь Индия может сформировать альтернативу товарам из Китая, используемым российскими предприятиями для производства спецодежды, упаковки, мебели, медицинских и строительных текстильных изделий, геотекстиля и пр.

С точки зрения форматов кооперации перспективным представляется контрактное производство и использование мощностей индийских кластеров. В настоящее время Индия выступает важным производственным хабом для крупнейших международных компаний отрасли, включая H&M, Inditex (Zara), Gap, Marks & Spencer и Walmart. Ключевые кластеры включают Тируппур (трикотаж), Сурат (синтетические и смесовые ткани), Панипат (домашний текстиль), Дели NCR и Фаридабад (швейное производство и производство готовых изделий). Программа PM MITRA (PM Mega Integrated Textile Region and Apparel Parks) предусматривает создание семи интегрированных текстильных парков полного цикла[29].

[29] Контрактное производство текстиля в Индии: возможности для России. https://sber.bank.in/ru/media/publications/kontraktnoe-proizvodstvo-tekstilya-v-indii-vozmozhnosti-dlya-rossii (дата обращения: 16.05.2026).

В этом случае потенциальные российские инвесторы могли бы получить доступ к сформированной промышленной инфраструктуре, поставщикам сырья и государственным мерам поддержки. В рамках госпрограммы PLM (Product Linked Incentive) в текстильной отрасли финансовыми стимулами и льготами могут воспользоваться и иностранные предприятия, реализующие инвестиционные проекты в сегментах технического текстиля, продукции из синтетических волокон[30].

Таким образом, для российских компаний возможны три практических формата взаимодействия с компаниями, инфраструктурой и регуляторной средой индийской отрасли: размещение заказов на готовую продукцию под российскими брендами в индийских кластерах; производство полуфабрикатов и комплектующих с последующей переработкой в России; совместные проекты для рынков третьих стран.

Очевидно, что Индия не сможет заместить Китай, но даже частичная диверсификация по отдельным сегментам, перечисленным выше, может иметь большое значение для конкурентоспособности отрасли, наращиваемой через развитие международной технологической, производственной и сбытовой кооперации.

Заключение

Российская легкая промышленность характеризуется высоким уровнем импортозависимости. Несмотря на процессы импортозамещения и адаптацию предприятий к новым внешнеэкономическим условиям, значительная часть добавленной стоимости по-прежнему формируется за счет зарубежных поставок. При этом в последние годы наблюдается усиление концентрации импорта на китайском направлении, что повышает устойчивость отрасли в краткосрочной перспективе, но одновременно создает дополнительные риски, связанные с зависимостью от одного ключевого поставщика.

Результаты анализа импортозависимости российской легкой промышленности свидетельствуют о наличии возможностей для диверсификации цепочек создания стоимости за счет расширения сотрудничества с дружественными государствами. Одними из наиболее перспективных партнеров в рассматриваемом сегменте выступают Узбекистан и Индия, обладающие значительными производственными возможностями, развитой отраслевой специализацией и заинтересованностью в углублении экономического взаимодействия с Россией.

[30] PLI Scheme: Powering India's Industrial Renaissance. https://www.pib.gov.in/PressNoteDetails.aspx?NoteId=155082&ModuleId=3&reg=48&lang=2 (дата обращения: 16.05.2026).

Узбекистан уже занимает важное место в системе снабжения российской легкой промышленности и постепенно трансформируется из поставщика сырья в крупный региональный центр глубокой переработки хлопка и производства готовой текстильной продукции. Благоприятные институциональные условия и накопленный опыт производственной кооперации создают предпосылки для дальнейшего расширения совместных проектов, локализации отдельных стадий производства и формирования интегрированных производственных цепочек.

Индия представляет особый интерес как источник диверсификации поставок промежуточной продукции, технического текстиля, химических волокон и специализированного оборудования. Анализ показывает, что потенциал расширения индийского экспорта в рассматриваемых сегментах существенно превышает текущий уровень двусторонней торговли. Наиболее перспективными направлениями взаимодействия являются контрактное производство, поставки полуфабрикатов для дальнейшей переработки в России, совместные инвестиционные проекты и использование индийской производственной инфраструктуры для выхода на рынки третьих стран.

Полученные результаты показывают, что сотрудничество с Узбекистаном и Индией следует рассматривать не только как способ снижения импортозависимости и повышения устойчивости поставок, но и как инструмент реализации экспортного потенциала российской легкой промышленности. Расширение производственной, инвестиционной и сбытовой кооперации в международных цепочках создания стоимости позволит повысить конкурентоспособность отрасли, увеличить создаваемую российскими компаниями добавленную стоимость и будет способствовать достижению целей, намеченных в Стратегии развития легкой промышленности Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Воронина Т.В., Ишкеева Г.Н.* Состояние легкой промышленности стран ЕАЭС и перспективы развития евразийских цепочек добавленной стоимости // Вестник Алтайской академии экономики и права. Экономические науки. 2018. № 8. С. 51–61. *[Voronina T.V., Ishkeeva G.N.* The State of Light Industry in the EAEU Countries and Prospects for the Development of Eurasian Value Chains // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. Economic Sciences. 2018. No. 8. Pp. 51–61. (In Russ.).] EDN: VSGDCY.
2. *Данилин А.С., Худов Д.К., Тен П.Э., Попов Д.А.* Проблемы и перспективы развития российского рынка текстильной промышленности // Журнал «У». Экономика. Управление. Финансы. 2023. № 2. С. 308-319. [*Danilin A.S., Khudov D.K., Ten P.E., Popov D.A.* Problems and Prospects for the Development of the Russian Textile Industry Market. 2023. Journal "U". Economics. Management. Finance. No. 2. Pp. 308–319. (In Russ.).] EDN: ZTSNOK.

3. *Долженко И.Б.* Перспективы развития мирового рынка текстиля и одежды и развитие экспортного потенциала России в международной торговле одеждой // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 4. С. 20–26. [*Dolzhenko I.B.* Prospects for the Development of the Global Textile and Apparel Market and the Development of Russia's Export Potential in International Apparel Trade // Regional and Sectoral Economics. 2024. No. 4. Pp. 20–26. (In Russ.).] DOI: 10.47576/2949-1916.2024.4.4.002.
4. *Кузьменко С.С.* Стратегические векторы внешнеторговой деятельности предприятий на рынке хлопка // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 9. С. 159–164. [*Kuzmenko S. S.* Strategic Directions of Enterprises' Foreign Trade Activities in the Cotton Market // Economic Development of Russia. 2025. Vol. 32. No. 9. Pp. 159–164. (In Russ.).] EDN: NATDER.
5. *Миндлин Ю.Б.* Кластерный подход к развитию текстильной промышленности регионов в России // ТТПС. 2021. № 4 (58). С. 68–74. [*Mindlin Yu.B.* A Cluster Approach to the Development of the Textile Industry in Russian Regions // TTPS. 2021. No. 4 (58). Pp. 68–74. (In Russ.).] EDN: AZSYET.
6. *Попов Ю.А.* Анализ ключевых тенденций и перспектив развития отраслей отечественной легкой промышленности // Экономические исследования и разработки. 2023. С. 232–238. [*Popov* Yu.*A.* Analysis of Key Trends and Prospects for the Development of Domestic Light Industry Sectors // Economic Research and Development. 2023. Pp. 232–238. (In Russ.).] EDN: SPZSFT.
7. *Федотова Г.Ю.* Роль инструментов таможенного регулирования в развитии рынка легкой промышленности ЕАЭС (на примере одежды) // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 12. С. 8639-8658. [*Fedotova G.Y.* The role of customs regulation tools in the development of the EAEU light industry market (on the example of clothing) // Journal of Economics, Entrepreneurship and Law. 2025. Vol. 15. No. 15 (12). Pp. 8639–8658. (In Russ.).] DOI: 10.18334/epp.15.12.124371. EDN: QPIUDC.
8. *Abdurakhmonov I.Y., Ergashev A.E., Otajonov S.I. et al*. National-scale evidence for rapid cotton yield gains under sustainable intensification in Uzbekistan // Sci. Rep. 2026. No. 16:21250. DOI: 10.1038/s41598-026-51320-5.
9. *Ataniyazova Z., Khurana K.* Insights and future forward for fashion and textile value chain in Uzbekistan // Research Journal of Textile and Apparel. 2020. Vol. 24. Iss. 4. Pp. 389–408. DOI: 10.1108/RJTA-03-2020-0020.
10. *Gupta N.* India's Textiles and Clothing Industry in Global Value Chains and its Linkages with other Asian Countries. Working Paper // Indian Institute of Technology Delhi. 2015. DOI: 10.13140/RG.2.2.24044.97925.
11. *Ikramova N., Burkhon kizi.* An Economic Model for Improving the Competitiveness of the Textile Industry in the Republic of Uzbekistan // Central Asian Journal of Innovations on Tourism Management and Finance. 2025. No. 6 (4). Pp. 1509–1516. DOI: 10.51699/cajitmf.v6i4.1022.
12. *Kabir M., Singh S., Ferrantino M.J.* The Textile-Clothing Value Chain in India and Bangladesh: How Appropriate Policies Can Promote (or Inhibit) Trade and Investment // World Bank Policy Research Working Paper. 2019. No. 8731. DOI: 10.1596/1813-9450-8731.

Дата поступления рукописи: *20.08.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *20.10.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Исмагилова Ольга Дмитриевна – научный сотрудник Института международной экономики и финансов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3092-770X
oibrishim@gmail.com

Могучев Никита Сергеевич – ведущий аналитик Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2727-6192
nikmoguchev@gmail.com

Пономарева Ольга Владимировна – научный сотрудник Центра экономических исследований Фонда экономической политики, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9031-086X
olia.v.ponomareva@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Olga D. Ismagilova – Researcher, Institute of International Economics and Finance, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3092-770X
oibrishim@gmail.com

Nikita S. Moguchev – Leading Analyst, Institute for the Development of Integration Processes, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2727-6192
nikmoguchev@gmail.com

Olga V. Ponomareva – Researcher, Center for Economic Research of the Fund of Economic Policy, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9031-086X
olia.v.ponomareva@gmail.com

DIVERSIFICATION OF VALUE CHAINS IN THE RUSSIAN GARMENT INDUSTRY: POTENTIAL OF COOPERATION WITH UZBEKISTAN AND INDIA

The article explores the possibilities of diversifying value chains in the Russian textile, clothing and footwear industry in conditions of high dependence on imports and the need to adapt to new external economic conditions. Based on the analysis of data from the OECD TiVA, ITC Trade Map and Export Potential Map, the risks of import concentration and prospects for expanding cooperation with Uzbekistan and India are assessed. The most promising areas of industrial and investment cooperation have been identified, contributing to increasing the sustainability of the industry and the growth of internal added value. The development of cooperation with these countries can reduce the risks of import dependence and create the prerequisites for expanding exports of Russian products with higher added value.

Keywords: *garment industry, textile industry, trade and industrial cooperation, value chains.*
JEL: F42, F15, F21.

В.В. ДОРЖИЕВА
кандидат экономических наук, доцент,
заведующий Центром инновационной экономики и промышленной политики ФГБУН Институт экономики РАН

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЙ СЕКТОР МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

В статье анализируется трансформация фармацевтического сектора мировой экономики в условиях современных вызовов, обусловленных геоэкономической фрагментацией. Основное внимание уделяется воздействию резкого обострения геополитической ситуации, сопровождающейся введением протекционистских мер и ограничений в международной торговле фармацевтической продукцией, несмотря на ее гуманитарное значение и ключевую роль в обеспечении доступа лекарственных средств для пациентов во всем мире. Проводится исследование влияния этих факторов на устойчивость глобальных цепочек создания стоимости, а также на реализацию транснациональных программ исследований в области разработки инновационных лекарственных средств. Определены основные риски и последствия геоэкономической фрагментации для устойчивого развития фармацевтической отрасли России, а также, что особенно важно, – возможности для развития фармотрасли в России.

Ключевые слова: *фармацевтический сектор мировой экономики, фармацевтическая отрасль, геоэкономическая фрагментация, глобальные цепочки создания стоимости, стратегия развития, технологический суверенитет.*

УДК: 339.9

EDN: ZIZBCL

DOI: 10.52180/2073-6487_2026_5_187_205

В настоящее время фармацевтическая отрасль, которая традиционно считалась одним из наиболее глобализированных секторов в мировой экономике, переживает один из значительных этапов трансформации за последние десятилетия. Данный сектор, включающий в себя международные цепочки поставок лекарственных средств (ЛС), активных фармацевтических субстанций (АФС), специализированного оборудования и прочих компонентов для их производства, а также проведение транснациональных клинических исследований, представляет собой сложную и высокоорганизованную интеграционную систему. Ее формирование значительно ускорилось благодаря либерализации торговых

правил Всемирной торговой организации (ВТО), усилиям по унификации стандартов Международного совета по гармонизации технических требований к ЛС (ICH) и усилению глобального влияния транснациональных фармацевтических корпораций. В результате сформировалась взаимосвязанная глобальная интеграционная система, где сырье может быть импортировано из одной страны, синтезировано в АФС в другой, затем переработано в готовые формы ЛС в третьей, и, наконец, зарегистрировано и продано одновременно на десятках международных рынках (как национальных, так и единых рынках, созданных в рамках экономических интеграций). Однако в последние годы глобальная фармацевтическая система претерпела значительные трансформации, вызванные процессами геоэкономической фрагментации.

Автор в рамках данной статьи рассматривает понятие «геоэкономическая фрагментация» в контексте концепции, предложенной Международным валютным фондом (МВФ) [1], которая впоследствии была расширена ВТО [2] и стала объектом активных междисциплинарных научных исследований – как процесс, при котором страны, вследствие геополитических угроз и стратегических интересов, сокращают трансграничные экономические связи, создавая вместо этого обособленные экономические блоки (или торговые объединения), несмотря на то, что это зачастую приводит к негативным последствиям для глобального обмена товарами, услугами и инвестициями. Так, в современной научной литературе этот термин все чаще используется как синоним геополитической фрагментации мировой экономики (например, см.: [3; 4; 5; 6; 7; 8]). При этом подчеркивается, что, в отличие от деглобализации 2010-х годов или экономической регионализации [6], данный тренд обусловлен стратегическими решениями правительств в области безопасности и может разворачиваться вразрез с логикой рыночной эффективности [8]. Она представляет реальную угрозу для глобальной экономики, особенно для развивающихся стран и отраслей, связанных с мировыми рынками [3; 4; 8]. Для России фрагментация открывает возможности перестройки внешнеэкономических связей, но сохраняет глобальные проблемы [5]. Ключевыми драйверами выступают: ослабление многосторонней торговли и стремление государств к автономности, а также соперничество США и Китая за технологическое доминирование [7; 8]. Конфликт вокруг Украины привел к сокращению торговли и прямых иностранных инвестиций на 12 и 20% соответственно [9]. Однако фрагментация пока не оказывает фундаментального воздействия на глобальную торговлю [10]. Ее последствия могут быть сопоставимы с последствиями COVID-19, но носят постоянный характер [11]. При этом наблюдаемая в последние годы стагнация интеграционных процессов и усиление протекционизма негативно сказываются на мировом товарообороте и экономическом росте [12].

Вышеописанные факторы в полной мере релевантны для фармацевтической отрасли (по тексту – фармотрасли), что подчеркивает необходимость их всестороннего анализа и разработки стратегий, направленных на минимизацию потенциальных рисков и угроз, а также на адаптацию к меняющимся условиям глобального рынка. Фрагментация фармацевтического сектора (по тексту – фармсектора), в частности, инициирует процессы реструктуризации глобальных цепочек создания стоимости (далее по тексту – ГЦСС), что, в свою очередь, стимулирует фармотрасль к адаптации к новым регуляторным требованиям и усилению тенденций к переносу производства на национальную территорию и его локализации внутри страны. Данные процессы предполагают трансформацию бизнес-моделей, актуализацию стратегических ориентиров развития и совершенствование методологических подходов к управлению рисками.

Анализ рисков и угроз для России, проведенный в контексте вышеупомянутых трансформаций с акцентом на изучении механизмов влияния фрагментации на ключевые аспекты функционирования отечественной фармотрасли, включая внешнюю торговлю и устойчивость ГЦСС, представляет собой актуальную исследовательскую задачу. *Целью данной статьи* стало исследование особенностей геоэкономической фрагментации в фармацевтическом секторе как на глобальном, так и национальном уровне, а также определение последствий и возможностей для российской фармацевтической отрасли.

Методологическая рамка исследования охватывает анализ процессов фрагментации в мировом фармсекторе, а также механизмы ее воздействия на ключевые аспекты отрасли: на внешнюю торговлю, устойчивость ГЦСС и сектор разработок *ЛС*. На основе этого анализа формируются выводы о рисках и возможностях для России. Для оценки масштабов фрагментации применяются различные инструменты, адаптированные к специфике отрасли. В частности, на основе изучения регуляторных изменений в торговой сфере, вводимых ведущими странами, выявляются направления, способствующие усилению фрагментации. Контент-анализ устойчивости ГЦСС и сотрудничества стран в сфере НИОКР позволяет оценить последствия фрагментации. SWOT-анализ помогает определить сильные и слабые стороны, возникающие в условиях фрагментации, угрозы и новые возможности для фармотрасли России.

Мировой фармацевтический сектор: каналы влияния фрагментации

Поскольку мировая фармотрасль исторически формировалась в рамках глобализированной парадигмы, для нее процессы фрагментации означают принципиальное изменение условий функциониро-

вания – *ограничениями международной торговли, необходимостью переориентации торговых потоков и адаптации к новым регуляторным требованиям.*

Влияние фрагментации на мировой фармсектор зависит от сложившихся в последние десятилетия тенденций развития данного сектора в разных странах, от новых законодательных актов, ограничений и механизмов регулирования данного сектора на национальном и мировом уровнях с учетом следующих факторов.

Стремление стран к национальной автономии. Примером такого стремления является решение Великобритании о выходе из ЕС (Brexit), принятое в 2016 г. Этот политический шаг привел к значительным изменениям в наднациональном законодательстве ЕС, регулирующем фармотрасль[1]. По сути, Brexit запустил процесс фрагментации ранее глубоко интегрированного единого фармрынка ЕС. В ответ на Brexit ЕС предпринял ряд мер для сохранения целостности своего единого пространства. Это включало разработку и внедрение новых, более строгих механизмов регулирования, направленных на минимизацию негативных последствий выхода Великобритании из ЕС. Великобритания, нарушив устоявшиеся логистические и регуляторные связи на фармрынке ЕС, который до Brexit функционировал в соответствии с едиными стандартами и правилами, существенно усложнила работу фармкомпаний. В частности, после Brexit фармкомпании столкнулись с необходимостью адаптировать свои регуляторные и логистические процессы для двух разных рынков – ЕС и Великобритании, что привело к дополнительным издержкам. Так, чтобы сохранить доступ к рынкам в Великобритании и ЕС, фармкомпании обязаны зарегистрировать юридическое лицо в каждой из этих стран, представляющее держателя регистрационного удостоверения/сертификата на каждое ЛС. Такие изменения требуют значительных финансовых вложений и привлечения дополнительных кадров, а также тщательного планирования сроков передачи, что особенно важно при наличии множества лицензий [13, с. 30].

Санкционные режимы. Санкции вынуждают страны делать ставку на локализацию – развивать собственное производство АФС и ЛС. Это не всегда означает полный отказ от внешних связей, но смещает фокус в сторону большей автономности. Ярким примером таких мер является введение Дональдом Трампом в 2025 г. повышенных таможенных пошлин (до 25%) на импорт фармпродукции, что нарушило ГЦСС, привело к росту цен на сырье (включая АФС) и дефи-

[1] Brexit: the United Kingdom's withdrawal from the European Union // European Medicines Agency. 2021. https://www.ema.europa.eu/en/about-us/history-ema/brexit-united-kingdoms-withdrawal-european-union (дата обращения: 19.08.2026).

циту некоторых ЛС в странах с менее развитыми производственными мощностями[2]. Данные меры спровоцировали ответные ограничения со стороны Китая, что усугубило ситуацию[3]. Это явное отступление от правил ВТО, согласно которым вся фармпродукция освобождается от таможенных пошлин[4]. Как отмечают эксперты, увеличение США импортных пошлин на товары из Китая привело к значительным экономическим издержкам для таких основных торговых партнеров США, как ЕС, Канада и Мексика, оцениваемых в диапазоне от 500 млн до 1 млрд долл. [14].

Введение санкционных ограничений в отношении России также оказало негативное влияние на фармацевтические ГЦСС. Санкции повлияли на деятельность ТНК на российском фармрынке, включая их инвестиционные стратегии и реализацию инновационных программ по разработке новых ЛС. В результате возникла необходимость пересмотра стратегических приоритетов национальной политики в области развития фармотрасли и выработки новых подходов для обеспечения технологического суверенитета и конкурентоспособности данного сектора экономики, на что указывал автор в своих более ранних работах (см., например: [15; 16]).

Сложности с регуляторными требованиями. В условиях фрагментации механизмы взаимного признания (например, когда результаты клинических исследований, проведенных в ЕС, автоматически признаются в США) дают сбои. Возникают требования о проведении локальных клинических испытаний (даже если препарат уже одобрен в других странах) для доказательства его эффективности на конкретной национальной территории. Кроме этого, различаются стандарты качества (GMP) и требования к кибербезопасности фармацевтического оборудования и ПО. Фармкомпании теперь вынуждены проходить разные, часто конфликтующие процедуры одобрения в разных регионах, что затягивает вывод ЛС на рынок на годы.

Смещение фокуса в ГЦСС с международного на региональный и национальный уровни. Если раньше многие этапы, вклю-

---

[2] Regulating Imports with a Reciprocal Tariff to Rectify Trade Practices that Contribute to Large and Persistent Annual United States Goods Trade Deficits // Executive Orders. Executive Order 14257. April 2, 2025. https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/04/regulating-imports-with-a-reciprocal-tariff-to-rectify-trade-practices-that-contribute-to-large-and-persistent-annual-united-states-goods-trade-deficits/ (дата обращения: 19.08.2026).

[3] Торговая война и фармацевтическая отрасль // RNC Pharma. 2025. https://rncph.ru/blog/110425/ (дата обращения: 19.08.2026).

[4] *Stadig D*. Trump set to break WTO rules with potential pharma tariffs // THINK economic and financial analysis. ING Bank N.V. 2025. https://think.ing.com/downloads/pdf/snap/trump-wto-tariffs-us-pharma (дата обращения: 19.08.2026).

чая научные исследования и производственные процессы, могли быть распределены между разными странами в рамках ГЦСС, то сейчас наблюдается тенденция к формированию более замкнутых региональных блоков (кластеров) или к локализации многих звеньев цепочки внутри страны. Фармкомпании, когда страны вводят тарифы, санкции или другие барьеры, начинают переносить отдельные звенья цепочки ближе к конечному рынку или в более надежные регионы – «дружественные» страны (френдшоринг, friend-shoring). Например, на фоне разговоров о высоких американских пошлинах на фармпродукцию из Китая отдельные звенья ГЦСС были перенесены в Индию, Мексику, Польшу, Турцию либо в США. В частности, так сделали американские корпорации Eli Lilly и Merck. Аналогично ЕС целенаправленно развивает собственное производство АФС, чтобы снизить зависимость от импорта. В России после 2022 г. тоже усилился тренд на локализацию: государство стимулирует создание производств полного цикла (включая АФС) для стратегически значимых препаратов.

Угрозы для интеллектуальной собственности и трансфера технологий. В условиях недоверия между странами усложняется и защита патентов. Страны могут игнорировать патенты западных компаний в целях «национальной безопасности» или здравоохранения, как это периодически происходит в Индии или Бразилии. Государства требуют локализацию не только производства, но и R&D (исследований и разработок). Это ведет к риску кражи интеллектуальной собственности, так как компании вынуждены делиться ноу-хау с местными партнерами ради доступа на рынок.

Часто в фрагментированной цепочке отдельные звенья критически зависят от специфических технологий, оборудования или ПО, которые производятся в одной стране. Разрыв таких связей (например, из-за санкций) может парализовать часть производства. Чтобы смягчить эти риски, страны сейчас делают ставку на повышение прозрачности (внедрение цифровых платформ для отслеживания), диверсификацию поставщиков, создание стратегических запасов критически важных компонентов и более тесное партнерство с фармкомпаниями, обеспечивающих ключевые звенья цепочки. К дополнительным факторам, приводящим к фрагментации, следует отнести введение запрета на использование иностранных технологий и продукции для производства, предпринимаемые с целью минимизации зависимости от внешних поставщиков ключевыми экономическими субъектами, в том числе США и ЕС. С одной стороны, такие меры могут снизить риски, связанные с внешними поставками, но, с другой стороны, они могут привести к утрате преимуществ глобализации, кооперации и специализации. Эти инициативы нашли

свое отражение в ряде законодательных актов, направленных на усиление контроля над критически важными звеньями фармацевтических ГЦСС. Например, в 2020 г. в ЕС была принята Фармацевтическая стратегия для Европы (Pharmaceutical Strategy for Europe), которая акцентирует внимание на стратегической автономии, снижении зависимости от внешних поставок критически важной фармпродукции, укреплении внутреннего производства и создании более устойчивой и диверсифицированной системы поставок[5]. В 2025 г. в США был принят Biosecure Act, запрещающий компаниям, получающим государственное финансирование, использовать иностранные биотехнологии и АФС[6].

Таким образом, геоэкономическая фрагментация оказывает глубокое и трансформирующее влияние на мировой фармсектор. Поскольку фрагментация затрагивает не только торговые отношения, но и технологические стандарты, финансовые потоки, регуляторные системы и институты глобального управления, это создает беспрецедентные вызовы для фармкомпаний, регулирующих органов и систем здравоохранения во всем мире. В краткосрочной и среднесрочной перспективе это приведет к росту цен на ЛС, к замедлению инноваций и увеличению издержек фармкомпаний. В долгосрочной перспективе мир, скорее всего, увидит формирование нескольких параллельных фармацевтических экосистем (например, западной, китайской, возможно, глобального юга и др.) с минимальным пересечением между ними.

Трансформация глобальных цепочек создания стоимости

Фармацевтические ГЦСС представляют собой одну из наиболее сложных и уязвимых категорий в структуре мировой экономики. Их хрупкость усугубляется в условиях фрагментации, вызванной применением разнообразных протекционистских мер и торговых барьеров на международном уровне. Эти меры создают негативные кумулятивные эффекты, оказывающие отрицательное воздействие на функционирование ГЦСС. В частности, инициативы США, направленные на

[5] Pharmaceutical Strategy for Europe // European Commission. COM/2020/761 final. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0761 (дата обращения: 19.08.2026).

[6] *Ohms C.* Is The BIOSECURE Act The First Real Step Toward Reshoring? // The Fulcrum. 2024. https://www.pharmaceuticalonline.com/doc/is-the-biosecure-act-the-first-real-step-toward-reshoring-0001 (дата обращения: 19.08.2026); *Rogers S.* Bill of the month: Limiting Chinese influence in the biotech sector. 2024. https://thefulcrum.us/governance-legislation/biosecure-act (дата обращения 19.08.2026).

стимулирование решоринга – процесса релокации производственных мощностей на территорию страны, приводят к нарушениям в работе ГЦСС и к существенному росту производственных издержек. Помимо этого, США внедрили требование для иностранных фармкомпаний, обязывающее их заключать соглашения о прямой реализации своей продукции американским потребителям[7]. Данные требования были официально оформлены в прокламации, принятой 2 апреля 2026 г., и включают в качестве стимулирующей меры введение новых тарифов, достигающих 100%, на защищенные патентами ЛС и АФС[8].

Важно также отметить, что уязвимость ГЦСС обусловлена концентрацией производства АФС в ограниченном числе стран. АФС – одно из самых чувствительных звеньев, нарушение поставок которых негативно влияет на фармацевтическое производство во всем мире. По оценкам ВОЗ, сейчас около 80% мирового производства АФС сосредоточено в Китае и Индии, что создает критическую зависимость мировой системы здравоохранения от двух стран. Эта концентрация является результатом десятилетий офшоринга, обусловленного стремлением к снижению затрат, поскольку фармкомпании в США, Европе и Японии постепенно переносили производство АФС к производителям с более низкими затратами, особенно после введения тарифных ограничений ВТО и вступления Китая в организацию в 2001 г. Зависимость, созданная этой концентрацией, стала предметом острой общественной озабоченности во время пандемии COVID–19. В начале 2020 г., когда вирус распространился по всему миру, Китай приостановил производство АФС вследствие введенного локдауна, а Индия, которая зависит от Китая примерно на 68% по объему импорта АФС, ввела экспортные ограничения на 26 фармацевтических ингредиентов и препаратов, включая парацетамол, антибиотики и витамины[9]. Хотя эти ограничения были временными, они вызвали немедленный дефицит в ряде стран, включая США, страны Европы и Африки, которые сильно зависят от китайских и индий-

[7] *Cancryn A.* Trump imposes new tariffs on certain pharmaceutical drugs, revamps metal tariffs // CNN. 2026. https://edition.cnn.com/2026/04/02/politics/tariffs-trump-pharmaceutical-drugs (дата обращения: 19.08.2026).

[8] U.S. tariffs in the pharmaceutical sector // Fact Sheet: President Donald J. Trump Bolsters National Security and Strengthens U.S. Supply Chains by Imposing Tariffs on Patented Pharmaceutical Products // The White House. April 2, 2026. https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2026/04/fact-sheet-president-donald-j-trump-bolsters-national-security-and-strengthens-u-s-supply-chains-by-imposing-tariffs-on-patented-pharmaceutical-products/ (дата обращения: 19.08.2026).

[9] *Bhattacharyya A.* No shortage of drug ingredients for next 3 months; daily monitoring of coronavirus situation: Govt // The Times of India. 2020. https://timesofindia.indiatimes.com/india/no-shortage-of-drug-ingredients-for-next-3-months-daily-monitoring-of-coronavirus-situation-govt/articleshow/74494722.cms (дата обращения: 19.08.2026).

ских ЛС и АФС[10]. Этот эпизод продемонстрировал, что зависимость от ГЦСС фармпродукции может напрямую привести к уязвимости системы здравоохранения в течение нескольких недель. Вместе с тем данный факт послужил толчком к пересмотру национальных подходов к управлению фармотраслью и к активизации стратегических инициатив, направленных на диверсификацию производственного потенциала.

Еще одним вызовом для устойчивости цепочек поставок является политика стран по формированию национальных стратегических запасов (резервов) ЛС и АФС на случай чрезвычайных ситуаций. Поскольку экономические последствия расширения запасов значительны и часто недооцениваются, т. к. ЛС имеют ограниченный срок годности (обычно от двух до пяти лет в зависимости от состава и условий хранения), поддержание больших запасов влечет за собой постоянные затраты на ротацию, контроль качества и утилизацию просроченных товаров. Создание таких резервов во время пандемии оценивалось, например, в США в 8 млрд долл. в год[11], а в ЕС – в 5 млрд евро[12] . Причем эта цифра не включает капитальные затраты на складскую инфраструктуру и инфраструктуру холодовой цепи. Для стран с малой экономикой, особенно для стран с низким и средним уровнем дохода, не обладающих достаточными финансовыми возможностями для создания стратегических запасов, переход богатых стран к их формированию может парадоксальным образом сократить доступность глобальных поставок во время кризиса, поскольку страны-производители перенаправляют производство на внутренние поставки.

В России, несмотря на активное развитие крупных инвестиционных проектов по созданию современных производственных площадок, соответствующих международным стандартам GMP, структурная зависимость от импортных компонентов и технологий остается существенным фактором, определяющим уязвимость отрасли перед внешними вызовами. Поэтому вопросы обеспечения устойчивости цепочек поставок фармпродукции для России также являются актуальными. Некоторые проекты по синтезу АФС реализуются отечественными фармкомпаниями совместно с китайскими, например,

---

[10] *Sheikh K.* Essential Drug Supplies for Virus Patients Are Running Low // The New York Times. April 2, 2020. https://www.nytimes.com/2020/04/02/health/coronavirus-drug-shortages.html (дата обращения: 19.08.2026).

[11] The State of U.S. Strategic Stockpiles. 2023. https://www.cfr.org/backgrounders/state-us-strategic-stockpiles (дата обращения: 19.08.2026).

[12] EU INSTITUTIONS – EU emergency fund will need €5 billion, says leading MEP // Rapporteur. 2020. https://www.rapporteur.com/short_news/eu-institutions-eu-emergency-fund-will-need-e5-billion-says-leading-mep/ (дата обращения: 19.08.2026).

планируют создать совместное производство в Иркутской области ГК «Фармасинтез» (через дочернее предприятие «БратскХимСинтез») и китайская компания «Чжэцзян Хэнкан»[13]. Важно отметить, что в настоящее время доля импортных АФС в отечественном производстве ЛС составляет 70–80%, причем основными поставщиками являются Китай, Индия и страны Европы[14].

Последствия для сотрудничества в области НИОКР

Фармацевтические инновации традиционно представляют собой сложный интеграционный процесс, опирающийся на выходящие за национальные границы глобальные сети НИОКР. Разработка новых ЛС обычно включает в себя вклад академических институтов, контрактных исследовательских организаций, биотехнологических стартапов и ТНК, работающих в разных странах. Так, к примеру, клинические испытания ЛС часто включают участие группы пациентов из разных стран и задействуют глобальные базы данных о здоровье. Эта модель международного сотрудничества являлась одной из ключевых преимуществ глобальных фармацевтических сетей НИОКР, т. к. позволяет объединить знания, ресурсы и технологические возможности, которые не могут быть сосредоточены в одной стране.

В настоящее время фрагментация влияет на сектор исследований и разработок ЛП, ухудшая межгосударственное сотрудничество в этой сфере. Особенно ярко это проявляется в ухудшении сотрудничества между США и Китаем, которые ранее были одним из самых продуктивных партнерств в биофармацевтике[15]. Это связано с введением США регуляторных ограничений, таких как усиление экспортного контроля за биотехнологиями и ужесточение визовых процедур для китайских ученых в критических областях, а также ростом взаимного недоверия. В частности, это проявилось в снижении количества публикаций, подготовленных в соавторстве американскими и китай-

[13] «БратскХимСинтез» и китайская «Чжэцзян Хэнкан» создадут совместное производство фармсубстанций // Российская газета. 2026. https://rg.ru/2026/06/04/bratskhimsintez-i-kitajskaia-chzheczian-henkan-sozdadut-sovmestnoe-proizvodstvo-farmsubstancij.html (дата обращения: 19.08.2026).

[14] Что нужно для локализации субстанций в России // GxP News. 2022. https://gxpnews.net/2022/02/vernut-otrasl-domoj/ (дата обращения: 19.08.2026).

[15] *Бук В.* Без Китая нет науки. Американские ученые обеспокоены активным сворачиванием связей с КНР // Коммерсантъ. 2023. https://www.kommersant.ru/doc/6161831 (дата обращения: 19.08.2026).

скими учеными, которое составило приблизительно 6,4% в период с 2017 по 2023 г.[16]

Цифровая трансформация фармацевтических НИОКР создала новый рубеж фрагментации в управлении данными о здоровье. Современные разработки ЛС все чаще опираются на крупномасштабные наборы данных – электронные медицинские карты, геномные базы данных, данные из реальной практики с носимых устройств и архивы изображений, которые подпадают под все более сложную систему национальных режимов управления данными. Общий регламент защиты данных ЕС (General Data Protection Regulation – GDPR), закон Китая о защите персональных данных (Personal Information Protection Law – PIPL) и закон о безопасности данных (Data Security Law – DSL), а также совокупность отраслевых законов о конфиденциальности в США (включая Health Insurance Portability and Accountability Act – HIPAA) устанавливают различные требования к тому, как данные о здоровье могут собираться, обрабатываться, храниться и передаваться через границы [17].

Практическим следствием этой нормативной неоднородности является то, что многонациональные клинические испытания и совместные исследовательские программы теперь должны преодолевать лабиринт требований к управлению данными, что может значительно увеличить затраты и сроки. Например, клиническое исследование с участием центров в ЕС, США и Китае может потребовать три отдельных соглашения об обработке данных, различные процедуры информированного согласия, отражающие разные стандарты конфиденциальности, и создания потенциально отдельной инфраструктуры хранения данных в каждой стране. Появление искусственного интеллекта (ИИ) как инструмента разработки ЛС еще больше усложнило эту ситуацию, поскольку модели машинного обучения, обученные на данных из одной страны, могут столкнуться с правовыми барьерами при их применении в других странах, а трансграничный обмен данными может быть ограничен требованиями к локализации данных.

Вместе с тем фрагментация глобальных сетей НИОКР не привела к повсеместному снижению фармацевтических инноваций. Напротив, она простимулировала появление региональных более концентрированных инновационных экосистем. Китайский биотехнологический

[16] *Conroy G.* Nature magazine China-U.S. Science Collaborations Are Declining, Slowing Key Research // Scientific American. 2024. https://www.scientificamerican.com/article/china-u-s-science-collaborations-are-declining-slowing-key-research/ (дата обращения: 19.08.2026); *Plackett B.* Nature Index 2024 Research Leaders: India follows in China's footsteps as top ten changes again // Springer Nature. 2024. https://www.nature.com/nature-index/news/nature-index-research-leaders-india-follows-china-footsteps (дата обращения: 19.08.2026).

сектор, в частности, демонстрирует стремительное развитие, генерируя значительное количество новых терапевтических ЛС, которые успешно конкурируют на мировом рынке[17].

Российский фармацевтический сектор в условиях геоэкономической фрагментации

Российский фармсектор обладает рядом значимых сильных сторон, которые могут быть использованы для стратегического развития в условиях геоэкономической фрагментации (см. табл.).

Таблица

SWOT-матрица российского фармсектора в условиях геоэкономической фрагментации

Категория	Ключевые факторы
Сильные стороны (S)	- развитая производственная база; - научный и кадровый потенциал; - успешный опыт разработки вакцин и биопрепаратов; - развитая регуляторная инфраструктура; - государственная поддержка отрасли
Слабые стороны (W)	- высокая зависимость от импорта АФС; - технологическое отставание в передовых областях; - недостаточные инвестиции в НИОКР; - слабая международная экспансия
Возможности (O)	- расширение БРИКС+; - доступ к технологиям через «дружественные» страны; - выход на рынки третьих стран; - развитие собственного инновационного контура; - реформа регуляторной системы
Угрозы (T)	- усиление санкционного давления; - технологическая изоляция; - конкуренция на целевых рынках; - дефицит квалифицированных кадров; - финансовые ограничения

Разработано автором.

[17] Китай теснит США на рынке инноваций в сфере производства лекарств // Институт исследования мировых рынков. 2025. https://worldmarketstudies.ru/article/kitaj-tesnit-ssa-na-rynke-innovacij-v-sfere-proizvodstva-lekarstv/ (дата обращения: 19.08.2026); *Заболотских В.* Китайский прорыв. Как КНР становится мировым лидером в биотехнологиях // Фармацевтический вестник. 28.01.2025. https://pharmvestnik.ru/articles/Kitaiskii-proryv-Kak-KNR-stanovitsya-mirovym-liderom-v-biotehnologiyah.html (дата обращения: 19.08.2026).

Сильные стороны. Во-первых, к сильным сторонам можно отнести наличие развитой производственной базы: около 540 предприятий – производителей ЛС, из которых 320 имеют действующие международные сертификаты GMP, обеспечивают производство около 8,1 млрд упаковок препаратов в год[18]. Во-вторых, научный и кадровый потенциал. Россия унаследовала от советского периода развитую сеть научно-исследовательских институтов фармацевтического и биомедицинского профиля (НИЦ им. Н.Ф. Гамалеи, НИИ гриппа, Институт молекулярной генетики РАН и др.). В стране действует 65 медицинских вузов, выпускающих около 30 000 врачей и 6 000 фармацевтов в год. Численность персонала, занятого НИОКР в фармотрасли, оценивается в 25 тыс. человек, из которых около 5 тыс. – кандидаты и доктора наук[19]. Этот потенциал обеспечивает основу для разработки инновационных ЛС. В-третьих, успешный опыт разработки вакцин и биопрепаратов. Российские разработчики создали эффективные вакцины от COVID-19 («Спутник V», Эпиваккорона, КовиВак), вакцины от гриппа, кори, краснухи, паротита, гепатита В. Это свидетельствует о наличии в России компетенций в передовых областях фармацевтической науки. В-четвертых, развитая регуляторная инфраструктура. Минздрав РФ, Росздравнадзор, ФГБУ «ЦЭККМП» Минздрава России обеспечивают полный цикл регуляторного контроля – от регистрации препаратов до фармаконадзора. Участие России в ICH в качестве наблюдателя, сотрудничество с ВОЗ, гармонизация стандартов с ЕАЭС обеспечивают интеграцию в международную регуляторную систему. Введение упрощенных регистрационных процедур в 2022 г. позволило компенсировать часть дефицитов после ухода западных компаний [15]. В-пятых, активная государственная поддержка отрасли, включая программы поддержки, налоговые льготы для НИОКР, государственные закупки через систему ОМС, обеспечивает финансовые ресурсы для развития.

Слабые стороны. Однако российский фармсектор имеет ряд серьезных слабых сторон, которые ограничивают его потенциал. Во-первых, высокая зависимость от импорта АФС (70-80%)[20]. Несмотря на прогресс в импортозамещении, доля импортных АФС в производстве

---

[18] Распоряжение Правительства РФ от 07.06.2023 г. № 1495-р «Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» // Консультант Плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449976/ (дата обращения: 19.08.2026).

[19] Статистические сборники ВШЭ. https://www.hse.ru/primarydata/ (дата обращения: 19.08.2026).

[20] *Поклад В.* Фармацевтический рынок России // Деловой профиль. 2025. https://delprof.ru/press-center/open-analytics/farmatsevticheskiy-rynok-rossii/?ysclid=muppf84ob871184440 (дата обращения: 19.08.2026).

готовых ЛС продолжает оставаться на высоком уровне. Снижение зависимости осложняется тем, что синтез многих АФС требует сложных химических технологий, доступ к которым в России ограничен. Во-вторых, технологическое отставание в передовых областях. Хотя Россия имеет определенные успехи в разработке вакцин и биоаналогов, в более передовых областях – генной терапии, ИИ-дизайне ЛС, мРНК-терапевтике – отставание от мировых лидеров составляет 7–15 лет. Это создает риски для долгосрочной конкурентоспособности отрасли, особенно в условиях, когда эти области являются основными драйверами роста мирового фармрынка. В-третьих, недостаточные инвестиции в разработку ЛС. Так, несмотря на существование собственных исследовательских центров, в России объем финансирования фундаментальных исследований в 3–11 раз ниже, чем в западных странах при пересчете на долю ВВП[21]. Недостаточные инвестиции в НИОКР ограничивают возможности разработки инновационных ЛС и закрепляют позицию России в нише дженериков с низкой добавленной стоимостью. В-четвертых, слабая международная экспансия. Российский экспорт фармпродукции в 2024 г. составил около 1 млрд долл.[22], что эквивалентно примерно 0,07% мирового фармацевтического экспорта. Основными направлениями экспорта являются страны СНГ (около 60%), Восточная Европа (15%), Латинская Америка (10%), Ближний Восток (8%).

Возможности для России. Вместе с тем геоэкономическая фрагментация предоставляет новые возможности и перспективы для развития отечественного фармсектора. Во-первых, усиление взаимодействия в рамках БРИКС+ дает России возможность выйти на рынки стран-участниц с совокупным объемом около 320 млрд долл. (20% от мирового рынка). Кроме того, сотрудничество с ведущими производителями дженериков (Индия, Китай) и АФС (Китай), а также создание альтернативной системы регулирования создают дополнительные возможности для развития. Во-вторых, доступ к технологиям через «дружественные» страны. В условиях, когда доступ к западным технологиям ограничен санкциями, Россия может расширить технологическое партнерство с Китаем, Индией и др. странами. Китай обладает развитыми компетенциями в области ИИ-дизайна ЛС, мРНК-технологий, генной терапии, а Индия –

[21] *Богданова В., Сираев М., Кудряшов С.* Перспективы развития фарминдустрии в России // Яков и Партнеры. 2022. https://yakovpartners.ru/publications/russian-pharma-2030/?ysclid=mv3muq261919325220 (дата обращения: 19.08.2026).

[22] *Поклад В.* Фармацевтический рынок России // Деловой профиль. 2025. https://delprof.ru/press-center/open-analytics/farmatsevticheskiy-rynok-rossii/?ysclid=muppf84ob871184440 (дата обращения: 19.08.2026).

в области производства дженериков и вакцин. Партнерство с этими странами может позволить России преодолеть технологическое отставание и сформировать собственные инновационные компетенции. В-третьих, выход на рынки третьих стран. Российские ЛС, особенно вакцины и биоаналоги, имеют значительный потенциал на рынках развивающихся стран – Африки, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Объем фармрынка этих регионов составляет около 200 млрд долл., причем они характеризуются высоким спросом на доступные дженерики и вакцины. В условиях, когда западные компании сокращают присутствие на этих рынках из-за конкуренции с дженериками, российские производители могут занять свободные ниши. В-четвертых, развитие собственного инновационного контура. Геоэкономическая фрагментация создает для России возможность – и одновременно необходимость – развития собственного инновационного контура [18]. Это включает: создание национальной мРНК-платформы, развитие биоаналоговой разработки, исследования в области генной терапии и AI-дизайн ЛС. Государственная поддержка этих направлений через Стратегию Фарма-2030, нацпроекты технологического лидерства, грантовые программы может обеспечить формирование собственных компетенций в передовых областях. В-пятых, реформа регуляторной системы. Санкции и изоляция от западных регуляторов (США – Food and Drug Administration, FDA и ЕС – European Medicines Agency, EMA) создают возможность для России провести радикальную реформу собственной регуляторной системы, гармонизировав ее с международными стандартами, но сохранив национальную специфику. Использование опыта национального регулирующего агентства Китая (National Medical Products Administration, NMPA), особенно в части ускоренных процедур для инновационных ЛП, может позволить России создать эффективную регуляторную систему, способствующую инновациям при обеспечении безопасности.

Угрозы. Российский фармсектор сталкивается с несколькими угрозами. Во-первых, санкции затрудняют поставки высокотехнологичного оборудования и компонентов для производства ЛС. Во-вторых, прекращение участия в фармацевтических альянсах ограничивает доступ к международным клиническим исследованиям, что снижает качество лечения. В-третьих, усиление конкуренции с индийскими и китайскими компаниями, предлагающими более низкие цены и высокие технологии, усложняет экспорт без государственной поддержки. В-четвертых, дефицит квалифицированных кадров в перспективных направлениях затрудняет инновации. В-пятых, финансовые ограничения могут привести к срыву ключевых программ и невыполнению целевых индикаторов Стратегии Фарма-2030.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает ряд общих выводов о негативном влиянии фрагментации на мировой фармсектор и указывает на ряд рисков, имеющих последствия для России.

Во-первых, фрагментация спровоцировала переход мирового фармсектора от модели глубокой глобализации к модели региональной интеграции с дружественными странами (френдшоринг). Однако для фармсектора френдшоринг особенно чувствителен, потому что отрасль зависит от узкой номенклатуры критически важных компонентов и жестких регуляторных требований. Вместе с тем перенос, к примеру, синтеза АФС из стран с высокими геополитическими рисками в страны с предсказуемым регуляторным режимом и союзническими отношениями снижает риск внезапных экспортных ограничений и сбоев в поставках. В этой связи перспективным направлением является в рамках «доверительных» фармрынков, формируемых дружественными странами или региональными экономическими блоками (интеграциями), создание межгосударственных кластеров по производству *Л*С и АФС. Ключевым аспектом данного процесса является взаимное признание инспекций по стандартам надлежащей производственной практики (GMP) и внедрение ускоренных процедур регистрации между регуляторными органами стран-партнеров.

Во-вторых, фрагментация вызывает дополнительные экономические издержки, которые, несмотря на свою значимость, могут варьироваться в зависимости от уровня экономического развития стран. Экономически развитые страны, обладающие достаточными финансовыми ресурсами для инвестиций в национальную промышленность, высоким уровнем научно-технологического потенциала и значительным фармрынком, могут относительно безболезненно преодолеть негативные последствия фрагментации, минимизируя перебои в поставках *Л*С. В то же время страны с низким и средним уровнем дохода сталкиваются с дуалистическим риском: с одной стороны, в условиях фрагментации они испытывают рост издержек международной торговли фармпродукцией, а с другой – остро нуждаются в обеспечении доступа к жизненно важным *Л*С.

В-третьих, фрагментация спровоцировала нарушение ГЦСС и существенно повлияла на международное сотрудничество в области НИОКР, усложнив их реализацию и финансирование. В условиях фрагментации перспективы фармацевтических инноваций становятся двойственными. С одной стороны, конкуренция между странами и региональными интеграциями в технологической сфере стимулирует инновации и ускоряет разработку новых *Л*С. С другой стороны, ограничение международного сотрудничества и обмена научными знаниями замедляет

инновационные процессы и создает риск дублирования исследований. Серьезной проблемой является ограничение доступа к международным клиническим базам данных, которые играют важную роль в развитии персонализированной медицины и современных технологий.

Однако для российской фармотрасли геоэкономическая фрагментация – это не только риски и угрозы, но и окно возможностей для ее развития. В условиях разрыва ГЦСС и санкционных ограничений российская фармотрасль вынуждена адаптироваться к новым условиям. Вместе с тем именно в этом контексте у России появляется шанс не только преодолеть существующие вызовы, но и заложить основы для достижения технологического суверенитета и позиционирования в качестве технологического лидера. Фрагментация способствует диверсификации логистических маршрутов и источников сырья, что может стать катализатором для развития отечественной фармотрасли, включая развитие внутреннего производства и научно-исследовательских разработок.

Таким образом, геоэкономическая фрагментация, рассмотренная в статье как структурный процесс перехода от глобализации к блоковой организации мировой экономики, создает принципиально новый контекст развития фармотрасли. Этот контекст характеризуется торговыми, технологическими, финансовыми и институциональными разрывами между геополитическими блоками, формированием конкурирующих регуляторных пространств, интенсификацией использования экономических санкций как инструмента геополитического давления. Применительно к фармотрасли этот контекст приобретает особую остроту в силу двойственной природы фармацевтики – как стратегической отрасли, производящей общественное благо, и одной из самых прибыльных и глобализированных сфер бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Aiyar Sh. et. al*. Geoeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism // Staff Discussion Note. 2023. No. SDN/2023/001.
2. *Blanga-Gubbay M., Rubinova S*. Is the global economy fragmenting? // World Trade Organization. 2023. No. ERSD-2023-10. P. 21.
3. *Rodolfo G. Campos et al.* Geopolitical fragmentation and trade // Journal of Comparative Economics. 2023. DOI: 10.1016/j.jce.2023.06.008.
4. *Jesús Fernández-Villaverde, Tomohide Mineyama, Dongho Song*. Are we fragmented yet? Measuring geopolitical fragmentation and its causal effect // National bureau of economic research. 2024. Working Paper No. 32638.
5. *Головнин М.Ю.* Новые тенденции в развитии мировой экономики и их влияние на Россию // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. № 4 (248). С. 85–97. [*Golovnin M.Yu.* New Trends in the Development of the Global Economy and Their Impact on Russia // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2024. No. 4 (248). Pp. 85–97. (In Russ.).] DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-85-97.

6. *Хейфец Б.А.* Станет ли современная геополитическая фрагментация долговременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства?: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2024. [*Kheifets B.A.* Will Modern Geopolitical Fragmentation Become a Long-Term Trend of a New Regionalization of the Global Economic Space? Scientific Report. M.: Institute of Economics of the RAS, 2024. (In Russ.).]
7. *Портанский А.П.* Опасность фрагментации глобальной экономики нарастает // Вестник международных организаций. 2024. № 2 (19). [*Portansky A.P.* The Danger of Global Economy Fragmentation is Growing // Bulletin of International Organizations. 2024. No. 2 (19). (In Russ.).] DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-01.
8. *Смородинская Н.В.* Геополитическая фрагментация мировой экономики как вызов XXI века // AlterEconomics. 2026. № 23 (1). С. 210–233. [*Smorodinskaya N.V.* Geopolitical Fragmentation of the Global Economy as a Challenge of the 21st Century // AlterEconomics. 2026. No. 23 (1). Pp. 210–233. (In Russ.).] DOI: 10.31063/AlterEconomics/2026.23-1.12.
9. *Gopinath, G., Gourinchas, P.-O., Presbitero, A.F., & Topalova, P.* Changing global linkages: A new Cold War? // Journal of International Economics. 2025. Vol. 153. Article 104042. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042
10. *Сутырин С.Ф., Коргун И.А.* Фрагментация мировой экономики: реальные масштабы, последствия для «третьих стран // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2026. № 42 (1). С. 33–53. [*Sutyrin S.F., Korgun I.A.* Fragmentation of the global economy: real scale and consequences for third countries // Bulletin of St. Petersburg University. Economics. 2026. No. 42 (1). Pp. 33–53. (In Russ.).]
11. *Bolhuis M.A., Chen J., Kett B.* The Costs of Geoeconomic Fragmentation // Finance & Development. 2023. Pp. 34–37.
12. *Rouzet D., Miroudot S.* The Cumulative Impact of Trade Barriers along the Value Chain: an Empirical Assessment Using the OECD Inter-Country Input-Output Model // GTAP Annual Conference on Global Economic Analysis. 2013.
13. *Heusler J.* Brexit and Its Impact on Pharmaceutical Law: Implications for Global Pharma Companies February / In book: Advances in Pharma Business Management and Research. 2020. Pp. 27–34. DOI: 10.1007/978-3-030-35918-8_4.
14. *Загашвили В.С.* Внешнеторговая политика в условиях полицентризма // Мировая экономика и международные отношения. 2025. № 11 (69). С. 5–14. [*Zagashvili V.S.* Foreign Trade Policy in the Context of Polycentrism // World Economy and International Relations. 2025. No. 11 (69). Pp. 5–14. (In Russ.).] DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-11-5-14.
15. *Доржиева В.В.* Государственная политика импортозамещения как фактор развития фармацевтической промышленности России: влияние санкций и шаги к успеху // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 68–78. [*Dorzhieva V.V.* State import substitution policy as a factor in the development of the pharmaceutical industry in Russia: the impact of sanctions and steps to success // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. No. 6. Pp. 68–78. (In Russ.).] DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_68_78.
16. *Доржиева В.В.* Фармацевтическая промышленность: последствия влияния международных санкций и результаты перезагрузки на технологическую независимость // Экономика, предпринимательство и право. 2023. № 12 (13). С. 5595–5604. [*Dorzhieva V.V.* Pharmaceutical industry: consequences of the influence of international sanctions and the results of the reset on technological independence //

Economy, entrepreneurship and law. 2023. Vol. 13. No. 12. Pp. 5595–5604. (In Russ.).] DOI: 10.18334/epp.13.12.120006.
17. *Лебедева Д.А.* Компаративный анализ: надлежащие практики защиты данных в здравоохранении России и за рубежом // RUDN Journal of Law. 2025. № 1 (29). С. 235–254. [*Lebedeva D.A.* Comparative Analysis: Good Data Protection Practices in Healthcare in Russia and Abroad // RUDN Journal of Law. 2025. Vol. 29. No. 1. Pp. 235–254. (In Russ.).] DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-1-235-254.
18. *Доржиева В.В.* Научно-технологический контур: основные характеристики, институциональные условия и факторы формирования // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 2. С. 1199–1210. [*Dorzhieva V.V.* Scientific and technological contour: main characteristics, institutional conditions and factors // Russian Journal of Innovation Economics. 2022. Vol. 12. No. 2. Pp. 1199–1210. (In Russ.).] DOI 10.18334/vinec.12.2.114213.

Дата поступления рукописи: *22.08.2026 г.*
Дата принятия к публикации: *20.10.2026 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доржиева Валентина Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий Центром инновационной экономики и промышленной политики ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9789-0024
vvdorzhieva@inecon.ru

ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Dorzhieva – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Center for Innovative Economics and Industrial Policy, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9789-0024
vvdorzhieva@inecon.ru

THE PHARMACEUTICAL SECTOR OF THE GLOBAL ECONOMY IN THE CONTEXT OF GEO-ECONOMIC FRAGMENTATION: OPPORTUNITIES FOR RUSSIA

This article analyzes the transformation of the pharmaceutical sector of the global economy amid current challenges caused by geo-economic fragmentation. The focus is on the impact of the sharp deterioration of the geopolitical situation, accompanied by the introduction of protectionist measures and restrictions on international trade in pharmaceutical products, despite their humanitarian significance and key role in ensuring access to medicines for patients worldwide. The influence of these factors on the sustainability of global value chains and the implementation of transnational research programs for the development of innovative drugs is examined. The main risks and consequences of geo-economic fragmentation for the sustainable development of the Russian pharmaceutical industry are identified.

Keywords*: pharmaceutical sector of the global economy, pharmaceutical industry, geoeconomic fragmentation, global value chains, development strategy, technological sovereignty.*
JEL: F10, F15, L65.

Компьютерная верстка: Хацко К.Н.

Подписано в печать 06.11.2026
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 150 экз.
Печать офсетная. Заказ № 6035-26

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inecon.ru
https://vestnik-ieran.ru

© НП
Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2026

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru